ISSN 2542-2197

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

5 выпуск (886)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2024

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТ
МГЛУ
ЛИНГВИСТ
1930

ISSN 2542-2197

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

5 Issue (886)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2024

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 5 (886)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
А. И. ГОРОЖАНОВ — **доктор филологических наук, доцент**

Зам. главного редактора
Е. И. КАРПЕНКО — **кандидат филологических наук**

Ответственный секретать
Д. А. ФУРСОВА — **кандидат культурологии**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бондарчук Г. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари М. З.	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (ИМЛИ РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Каменский М. В.	доктор филологических наук, доцент (Гуманитарный институт СКФУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (НИУ МЭИ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Логинова Е. Г.	доктор филологических наук, доцент (РГУ им. С. А. Есенина)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Слышкин Г. Г.	доктор филологических наук, профессор (РАНХиГС)
Солнышкина М. И.	доктор филологических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Гос. ИРЯ им. А.С.Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 5 (886)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
ALEXEY I. GOROZHANOV **Doctor of Philology, Associate Professor**

Deputy Chief Editor
ELENA I. KARPENKO **PhD in Philology**

Ответственный секретать
DARYA A. FURSOVA **PhD in Culturology**

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bondarchuk G. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IWL RAS)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kamensky M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (NCFU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Loginova E. G.	Doctor of Philology, Associate Professor (Ryazan State University)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osminina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Slyshkin G. G.	Doctor of Philology, Professor (RANEPA)
Solnyshkina M. I.	Doctor of Philology, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Russian Language Institute)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЛИНГВИСТИКА

Параметры индивидуального варьирования при передаче несобственно-прямой речи (на материале переводов романа Дж. Джойса «Портрет художника в юности»)
АЛИМОВА А. Д. 9

Этика телодвижений в дидактическом и переводческом аспектах
ГОРШКОВА В. Е. 18

Грамматика идей Умберто Эко – универсальный синтаксис мышления
ГУСАРОВ Д. А., СЕМЁНОВ А. Л. 26

Устный перевод онлайн: особенности и трудности
ДАДЫКО А. В. 34

Образный компонент метафоры в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений В. В. Путина)
ЕЛИЗАРОВ А. Б. 41

Оценка качества перевода как вид интеллектуальной деятельности и методы ее исследования
КНЯЖЕВА Е. А. 48

Языковая неопределенность в текстах юридических документов
КОРАБЛЕВА Н. Ю. 56

Речевой жанр покупательского интернет-отзыва (на материале отзывов о предметах одежды)
КОСМАРСКАЯ И. В. 63

Актуальность лингвистической теории перевода и переводческая практика
МАТЮШИН И. М. 70

Лингвистическая интерференция как социокогнитивный феномен
МОЗОЛЬ Т. С. 78

Взаимодействие жанров: определение понятия и методология исследования
МУХИН Н. А. 86

Пиджинизация как одна из причин аналитизации в истории французского языка
ПЫЛАКИНА В. В. 94

Теоретические основы исследования языковых средств в создании лингвокультурного образа страны в художественном тексте
САДУРИ ХАСАНЕТ 101

СОДЕРЖАНИЕ

Лексико-семантическая репрезентация концепта «Misserfolg»
(на материале немецкоязычной публицистики)
СЕВЕРИНА Е. А., СКВОРЦОВА Н. С. 108

От «Ведомости читателю» к «Предисловию переводчика»: ретроспективно-контрастивный взгляд
ТАУНЗЕНД К. И., ПОЛУБОЯРОВА М. В. 116

Перевод поэта поэтом и концепция «видимости переводчика»
(на материале перевода А. Драгомощенко стихотворений Л. Хеджинян)
УСТИНОВА Т. В. 124

Особенности устного перевода публичных монологических речей с доминирующей информационной коммуникативной функцией
ФИРСТОВ М. С. 130

Лингвистический узус или традиция вермахта? (о номинациях тяжелой военной техники бундесвера)
ЮКЛЯЕВА Е. А. 136

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Музыка и песни как важные составляющие музыкального экфрасиса в сонетах Шекспира
СТЕПАНОВ А. А. 142

Спекулятивная риторика Паскаля Киньяра как акт миропонимания
ФРОЛОВА В. В. 149

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Концепт «креативность»: теоретическая модель и актуальные смыслы в современной культуре
ГЕТМАНЕНКО А. О. 155

Деформация и уродство фигур в художественных изображениях
СЕВОСТЬЯНОВ Д. А. 161

LINGUISTICS

Parameters of Individual Variations in Translating Free Indirect Speech in J. Joyce's *A Portrait of the Artist as a Young Man*
ALIMOVA A. D. 9

Ethics of Body Movements in Didactic and Translational Aspects
GORSHKOVA V. YE. 18

The Grammar of Umberto Eco's Ideas: Universal Syntax of Thinking
GUSAROV D. A., SEMENOV A. L. 26

Online Interpreting: Peculiarities and Difficulties
DADYKO A. V. 34

The Figurative Component of Metaphor in Political Discourse (based on V. V. Putin's public speeches)
ELIZAROV A. B. 41

Translation Quality Assessment as a Type of Intellectual Activity and Methods of Its Research
KNYAZHEVA YE. A. 48

Vagueness in legal texts
KORABLEVA N. U. 56

Speech Genre of Consumer Online Review (based on reviews of clothing items)
KOSMARSKAYA I. V. 63

Relevance of Linguistic Theory of Translation and Translation Practice
MATYUSHIN I. M. 70

Linguistic Interference as a Sociocognitive Phenomenon
MOZOL T. S. 78

Interaction of Genres: Definition of the Concept and Methodology of Research
MUKHIN N. A. 86

Pidginisation as One of the Causes of Analyticisation in the History of the French Language
PYLAKINA V. V. 94

Theoretical Foundations for the Research of Linguistic Means in the Creation of a Country Image in a Literary Text
SADOURI H. 101

Lexical and Semantic Representation of the Concept «Misserfolg» (on the material of German journalism)

CONTENTS

SEVERINA E. A., SKVORTSOVA N. S. 108

Translators' Prefaces in Contrast through History
TAUNZEND KS. I., POLUBOYAROVA M. V. 116

A Poet Translating Poet and the Concept of Translator's Visibility
(a case-study of Arkadii Dragomoshchenko's translation of Lyn Hejinian's poems)
USTINOVA T. V. 124

Interpreting Public Speeches with a Dominant Informative Communicative Function. Some Features
FIRSTOV M. S. 130

Linguistic Usage or Wehrmacht's Tradition?
(on naming units of Bundeswehr' heavy military equipment)
YUKLYAEVA E. A. 136

LITERARY STUDIES

Music and Songs as an Important Part of Musical Ekphrasis in W. Shakespeare's Sonnets
STEPANOV A. A. 142

Pascal Quignard's Speculative Rhetoric as an Act of World Perception
FROLOVA V. V. 149

CULTUROLOGY

The Concept of "Creativity": Theoretical Model and Current Meanings in Modern Culture
GETMANENKO A. O. 155

Ugliness and Disfigurement of Figures in Artistic Pictures
SEVOSTYANOV D. A. 161

Научная статья
УДК 81`25

Параметры индивидуального варьирования при передаче несобственно-прямой речи (на материале переводов романа Дж. Джойса «Портрет художника в юности»)

А. Д. Алимова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
alimovaad@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются параметры индивидуального варьирования при передаче несобственно-прямой речи с английского языка на русский. На основе анализа трех переводов романа Дж. Джойса «Портрет художника в юности» было установлено, что индивидуальный стиль переводчика проявляется в большей степени при передаче маркеров несобственно-прямой речи, характеризующихся экспрессивностью, а также при принятии решения о привнесении художественного приема в текст перевода в случае отсутствия соответствующих структур в тексте оригинала.

Ключевые слова: несобственно-прямая речь, параметры индивидуального варьирования, индивидуальный стиль, перевод, переводоведение

Для цитирования: Алимова А. Д. Параметры индивидуального варьирования при передаче несобственно-прямой речи (на материале переводов романа Дж. Джойса «Портрет художника в юности») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 9–17.

Original article

Parameters of Individual Variations in Translating Free Indirect Speech in J. Joyce's *A Portrait of the Artist as a Young Man*

Anastasia D. Alimova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
alimovaad@gmail.com

Abstract. The paper examines the role of the translator's individual style in translating free indirect speech from English into Russian. Three translations of J. Joyce's *A Portrait of the Artist as a Young Man* have been examined to define the parameters of individual variations. The findings suggest that major differences in translating free indirect speech lie in the way translators deal with expressive markers and introduce free indirect speech where there are no corresponding structures in the English original.

Keywords: free indirect speech, parameters of individual variations, individual style, translation, translation studies

For citation: Alimova, A. D. (2024). Parameters of Individual Variations in Translating Free Indirect Speech in J. Joyce's *A Portrait of the Artist as a Young Man*. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 9–17. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В передаче несобственно-прямой речи (НПР), как и любой другой языковой структуры, при переводе обнаруживается система закономерных соответствий. Под закономерным соответствием мы, вслед за Я. И. Рецкером, понимаем существование закономерностей передачи «структурно-семантических "узлов", составляющих единое понятийное целое» [Рецкер, 2007, с. 10–11]. При этом, согласно Я. И. Рецкеру, выбор вариантов переводов происходит на основе параметров, которые устанавливает теория перевода [там же]. Однако нередко переводчики, в случае существования нескольких равноценных возможностей передачи одной и той же структуры НПР, всё же отдают предпочтение разным вариантам, каждый из которых представляется адекватным.

Объяснить подобные расхождения, на наш взгляд, можно, обратившись к введенному Д. В. Псурцевым понятию идиостиля переводчика, которому сам ученый дает следующее определение: «индивидуальный (личностный) способ межъязыкового преобразования, приводящий к определенному системному соотношению формы текста оригинала и текста перевода, которое, с одной стороны, помещает данный перевод в пределы диапазона адекватности, с другой – очерчивает границы его своеобразия, неповторимости относительно иных, потенциально возможных в диапазоне адекватности, переводов» [Псурцев, 2019, с. 48]. Исходя из этого, можно сделать предположение, что на выбор тех или иных структур НПР влияет и индивидуальный стиль переводчика.

При этом проявление идиостиля переводчика исследователи оценивают по-разному. Так, Д. М. Бузаджи выступает за то, что при переводе следует придерживаться принципа «прозрачности»: хотя полностью исключить из перевода влияние личности его создателя невозможно и переводчик неизбежно должен отдавать предпочтение одному из нескольких возможных вариантов, при выборе тех или иных языковых единиц необходимо опираться на объективные факторы и сводить проявление личности переводчика к минимуму, т. е. до случайных проявлений [Бузаджи, 2009]. Д. В. Псурцев же, наоборот, оценивает проявление идиостиля переводчика в целом положительно, рассматривая его как один из способов преодоления стандартизации, однако отмечает, что при работе над переводом переводчику необходимо всё же подстраивать свой стиль под стиль автора [Псурцев, 2019]. В данном исследовании мы не ставим перед собой цель дать оценку проявлению индивидуального стиля переводчика в переводе, будь то в качественном или в количественном аспекте. В большей степени нас интересует, как идиостиль переводчика влияет на передачу НПР.

Опираясь на предложенную Д. В. Псурцевым концепцию анализа идиостиля переводчика, мы далее проведем сопоставительный анализ нескольких вариантов перевода одного произведения и постараемся установить «параметры индивидуального варьирования» (термин Д. В. Псурцева) при передаче НПР.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как отмечает Д. В. Псурцев, лингвопереводоведческое исследование идиостиля должно быть основано, в частности, на сравнении нескольких переводов одного автора, причем желательно одного и того же произведения, выполненных разными переводчиками [Псурцев, 2012]. Поэтому для анализа нами были взяты три перевода романа Джеймса Джойса «Портрет художника в юности» («A Portrait of the Artist as a Young Man»), выполненные В. Франком (1968), М. Богословской-Бобровой (1972) и С. Хоружим (2011). Выбор данного произведения связан с тем, что Дж. Джойс, наряду с В. Вулф и Д. Г. Лоуренсом, определял тенденции использования художественного приема в британской литературе начала XX века [Brooke, Hammond, Hirst, 2017]. Так, НПР в рассматриваемом произведении во многих случаях имеет вид несобственно-прямого монолога, а частотность использования НПР в романе составляет в среднем около двух случаев на страницу.

Из текста произведения для анализа был взят отрывок объемом порядка 55 тыс. печатных знаков с пробелами. С одной стороны, такой объем текста позволяет говорить об индивидуальном стиле писателя [Батура, 2012] и, соответственно, переводчика. С другой стороны, на тридцати страницах текста встречается более 60 фрагментов текста, содержащих НПР, причем зачастую в виде несобственно-прямого монолога, что представляет собой достаточный материал для исследования.

Следует отметить, что НПР в произведении используется преимущественно для представления содержания мыслей и репрезентации чувств главного героя – Стивена Дедала – в период становления его личности. Поэтому отобранные для анализа примеры НПР будут относиться в основном к этим двум функциональным типам.

Исходя их особенностей исследуемого материала, в качестве основных методов исследования были выбраны:

1) сопоставительный анализ текста оригинала и переводов;

2) контекстуальный анализ, позволяющий как распознать НПР, так и определить ее границы;
3) семантико-синтаксический анализ для рассмотрения средств языковой реализации НПР.

ВЛИЯНИЕ ИДИОСТИЛЯ ПЕРЕВОДЧИКА НА ВЫБОР СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ ТЕКСТОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ

Сначала считаем необходимым упомянуть, что в ряде случаев при передаче НПР переводчики производят одни и те же закономерные преобразования. Следует отметить, что любая НПР строится на основе текстовой интерференции – слияния текста автора и текста персонажа [Шмид, 2003], которое достигается благодаря использованию языковых средств, представляющих собой характерные черты, или маркеры, текста автора и текста персонажа. Хотя первые не менее важны для построения НПР, рассмотрение последних с точки зрения перевода представляется более существенным, поскольку именно благодаря им НПР выделяется на фоне авторского текста и, соответственно, именно они служат для распознавания данного художественного приема в тексте и задают степень текстовой интерференции. Итак, одним из закономерных преобразований НПР при переводе можно считать воссоздание текстовой интерференции при передаче НПР с формальным подлежащим *it* и маркером текста персонажа *would* [Leskiv, 2009] посредством сослагательного наклонения.

(1) It would be nice to lie on the hearthrug before the fire, leaning his head upon his hands, and think on those sentences. He shivered as if he had cold slimy water next his skin.

В приведенном выше примере первое предложение представляет собой НПР. На то, что данные мысли-мечты принадлежат главному герою, указывает последующее предложение: оставив мир грез и вернувшись к действительности, Стивен поежился. Сопоставим варианты передачи предложения, содержащего НПР, тремя разными переводчиками.

Хорошо было бы сейчас лежать на ковре перед камином, положив голову на руки, и думать об этих фразах (*пер. В. Франка*).

Хорошо бы лежать сейчас на коврике у камина, подперев голову руками, и думать про себя об этих фразах (*пер. М. Богословской-Бобровой*).

Как бы сейчас хорошо лежать на коврике перед камином, голову положить на руки и думать про эти предложения (*пер. С. Хоружего*).

Как видно из примеров, *it would be* передано структурой *хорошо бы*. Однако, несмотря на осуществление переводчиками структурно закономерных преобразований, при выборе более частных вариантов передачи НПР, а также отдельных ее элементов (способа ввода, маркеров и т. п.) из потенциально существующего множества решений каждый переводчик отдает предпочтение всё же конкретной структуре. Даже в приведенных выше отрывках прослеживаются различия: использование глагола *быть* (перевод В. Франка) и наречия *как* (перевод С. Хоружего) или их опущение (оба этих элемента отсутствуют в переводе М. Богословской-Бобровой).

Обратимся к примеру, где различия прослеживаются более явно.

(2) Cantwell had answered:
– Go and fight your match. Give Cecil Thunder a belt. I'd like to see you. He'd give you a toe in the rump for yourself.
That was not a nice expression. His mother had told him not to speak with the rough boys in the college. Nice mother!

В данном отрывке НПР представлена последними тремя предложениями, передающими размышления главного героя над репликой Кэнтуэлла. Сравним три варианта перевода реакции Стивена на сказанное.

– Дерись с кем-нибудь своего роста. Вот откушачь Сесиля Тандера. Посмотрел бы я на тебя. Он тебе как даст пинок в задницу…
Это – нехорошее слово. Мама наказала ему не говорить с грубыми мальчиками в школе. Милая мама! (*пер. В. Франка*)

– Поди тягайся с кем-нибудь еще. Попробуй-ка Сесила Сандера за пояс заткнуть. Я посмотрю, как он тебе даст под зад.
Так некрасиво выражаться. Мама сказала, чтобы он не водился с грубыми мальчиками в колледже. Мама такая красивая (*пер. М. Богословской-Бобровой*)

– Ступай подальше. Ты вон Сесила Сандера угости. А он тебе хороший пинок под задницу.

Так говорить это некрасиво. Мама наказывала ему, чтобы он в колледже не разговаривал с грубыми мальчишками. Какая мама хорошая! (*пер. С. Хоружего*)

Из результатов сопоставительного анализа следует, что В. Франк отдает предпочтение варианту с сохранением существительного, передав его как *слово*, поскольку в предыдущей реплике заменяет непристойное выражение на слово. Остальные же переводчики используют сочетание глагола с наречием. Расхождения в синтаксической структуре обнаруживаются и в последнем предложении – восклицательном. Так, В. Франк сохранил синтаксис английского оригинала, подобрав прилагательное, которое позволяет выстроить восклицательное предложение (что не получилось бы с вариантами *хороший* и *красивый*). М. Богословская-Боброва передает восклицательность с помощью определительного местоимения *такой*, усиливающего степень проявления признака. В варианте перевода С. Хоружего сохраняется восклицательное предложение с определительным местоимением *какой*, выражающим оценку степени качества[1].

Рассмотрим другие случаи передачи НПР, представляющей собой оценку персонажем предметов, явлений или событий.

(3) The fellow turned to Simon Moonan and said:
– We all know why you speak. You are McGlade's suck.
Suck was a queer word.

В данном случае Стивен задумывается об употреблении другим мальчиком слова *suck*, для передачи которого все переводчики выбрали вариант *подлиза*. Сравним решения переводчиков с точки зрения передачи НПР.

Подлиза. Вот странное слово (*пер. В. Франка*).

Какое странное слово «подлиза» (*пер. М. Богословской-Бобровой*).

Какое-то чудное слово подлиза (*пер. С. Хоружего*).

При передаче данного отрывка НПР М. Богословская-Боброва и С. Хоружий сохраняют построение НПР в виде одного предложения, однако выражают оценку, в частности, с помощью добавления местоимения: в первом случае – определительного, усиливающего характеристику признака, во втором – неопределенного, наоборот, снижающего степень проявления признака и привносящего сомнения. В. Франк же прибегает к членению, выделяя слово *странный* частицей *вот*, в результате чего, с одной стороны, появляется пауза между произнесением слова и оценкой, условное время на размышление над словом, с другой – перевод становится более экспрессивным.

Использование подобных конструкций, членения, эллипсиса, предпочтение существительных, а также частицы *вот* в целях передачи экспрессии в НПР (в том числе для осуществления перехода от текста автора к тексту персонажа, т. е. для введения НПР), на наш взгляд, можно отнести к индивидуальному стилю В. Франка. Рассмотрим еще некоторые примеры.

(4) He could not get out the answer for the sum but it did not matter. White roses and red roses: those were beautiful colours to think of.

Решить задачи он не мог, но это его больше не занимало. Белые розы, алые розы – вот цвета, о которых приятно думать (*пер. В. Франка*).

В данном отрывке переводчик опять использует в целях выделения частицу *вот*, строя предложение со составным именным сказуемым.

Конструкция с существительным, причем экспрессивным, также встречается в следующем примере – переводчик использует слово *свинство*, в то время как в двух других переводах предпочтение отдается составному именному сказуемому с наречием.

(5) He heard the fellows talk among themselves about him as they dressed for mass. It was a mean thing to do, to shoulder him into the square ditch, they were saying.

Он слышал, как мальчики толковали о нем, пока одевались к обедне. Свинство всё-таки! Столкнуть в канаву! — говорили они (*пер. В. Франка*).

Он слышал, как мальчики говорили о нем, одеваясь к обедне. Подло – столкнуть его в очко уборной, говорили они (*пер. М. Богословской-Бобровой*).

Ему было слышно, как мальчики, одеваясь и собираясь к мессе, разговаривают между собой. Это подло было так делать, спихнуть его в жолоб в уборной, говорили они (*пер. С. Хоружего*).

При этом, если М. Богословская-Боброва использует экспрессивный эллипсис, то С. Хоружий

[1]В задачи нашего исследования не входит оценка качества переводов в аспектах, не касающихся передачи НПР, однако следует отметить, что в дальнейшем размышления Стивена о понятии *nice* продолжаются по отношению к его матери, что подразумевает необходимость поиска варианта передачи слова, который подходил бы для описания и выражения, и матери Стивена, как сделала М. Богословская-Боброва.

строит полное предложение с формальным подлежащим *это*, что для русского языка в целом нетипично. Как отмечает О. О. Туринова, в таких структурах местоимения *it* и *they* при переводе «упраздняются в пользу неопределенно-личных и безличных конструкций» [Туринова, 2018, с. 120]. Отчасти использование С. Хоружим конструкций с подлежащим *это*, как видно и по предыдущим примерам, можно было бы отнести к индивидуальному стилю переводчика, однако, вполне возможно, это лишь проявление буквализма.

В следующем же отрывке В. Франк опять достигает экспрессивности при передаче НПР с помощью частицы *вот*, выделяя часть второго предложения в составе НПР в отдельное, а указание Стивена на слова других мальчиков переносит в следующее предложение, из-за чего происходит членение одного развернутого отрывка НПР на два более коротких. Вторую НПР В. Франк вновь вводит с помощью частицы *вот*, превращая отрывок в передачу восприятия героя благодаря использованию настоящего времени – более типичного для русской НПР [Ригато, 1998] и в то же время менее кардинального способа переключения точки зрения. Последние же три восклицания В. Франк переделывает в прямую речь, реплику диалога.

(6) Going home for the holidays! That would be lovely: the fellows had told him. Getting up on the cars in the early wintry morning outside the door of the castle. The cars were rolling on the gravel. Cheers for the rector!
Hurray! Hurray! Hurray!

Домой на праздники! Вот хорошо будет! Он уже знает от других мальчиков, как они сядут в экипажи ранним зимним утром у дверей замка. Вот экипажи уже катятся по гравию. Ура в честь ректора.
— Ура! Ура! Ура! (*пер. В. Франка*).

Однако такое решение приняли не все переводчики. М. Богословская-Боброва, например, сохраняет такую же протяженность НПР, какая была в оригинале. Подобно В. Франку, она выносит экспрессивное *That would be lovely* в отдельное восклицательное предложение, но вводящую конструкцию, указывающую на передачу слов других персонажей (НПР внутри НПР), оставляет. Далее временной план повествования сменяется на более типичный для подобного использования НПР в русском языке – настоящее время, и начинается непосредственный пересказ услышанного от приятелей. Последние восклицательные предложения также представляют собой часть НПР.

Домой на каникулы! Как это будет хорошо! Мальчики рассказывали ему. Ранним зимним утром у подъезда замка все усаживаются в кэбы. Колеса скрипят по щебню. Прощальные приветствия ректору.
Ура! Ура! Ура! (*пер. М. Богословской-Бобровой*).

Кроме того, в рассматриваемом отрывке М. Богословская-Боброва также использует восклицательное предложение с наречием *как*. Подобные конструкции с наречием *как* или местоимением *какой* встречаются в переводе довольно часто, на основе чего можно сделать вывод, что построение восклицательных предложений в составе НПР подобным образом можно рассматривать как черту индивидуального стиля переводчика.

С. Хоружий также оставляет весь отрывок в виде НПР, однако вводящую конструкцию НПР, передающей слова мальчиков, оставляет в составе второго предложения в постпозиции, как и в оригинале.

Домой на каникулы! Это так здорово, мальчики ему рассказывали. Зимой, рано утром, у подъезда замка усаживаются в кебы. Колеса скрипят по гравию. Ректору счастливо оставаться!
Ура! Ура! Ура! (*пер. С. Хоружего*).

ПРИВНЕСЕНИЕ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ В ТЕКСТ ПЕРЕВОДА ИЛИ ОТКАЗ ОТ ЕЕ ПЕРЕДАЧИ КАК ЧЕРТА ИДИОСТИЛЯ ПЕРЕВОДЧИКА

Отдельный интерес с точки зрения анализа индивидуального стиля переводчика представляет введение НПР, увеличение ее объема или отказ от передачи художественного приема. Следует отметить, что существуют языковые структуры, располагающие к привнесению НПР в текст перевода, несмотря на отсутствие в этом месте текста оригинала НПР. К ним относятся, например, сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными, характеризующиеся тем, что в главном предложении присутствует указание (в виде глагольного или именного сказуемого) на мыслительные процессы персонажа или его чувства; инфинитивные обороты или вводные выражения, обозначающие передачу произнесенной речи или содержания мыслей персонажа; конструкции *Future in the Past*; надфразовые синтаксические единства, в которых говорится о персонаже. Кроме того, НПР может заменять другие разновидности чужой речи, в том числе косвенную речь, а также вводиться в виде реакции героя в объемные повествовательные и описательные фрагменты текста. Зачастую переводчики

прибегают к введению НПР в повествование с целью компенсировать отказ от передачи данного художественного приема или другого экспрессивного средства в ином месте текста.

Разумеется, такие решения должны отвечать критерию уместности и не противоречить общим тенденциям использования художественного приема в тексте произведения. В преобладающем большинстве случаев подобные преобразования оцениваются положительно. Однако окончательное решение о том, изменять ли объем и количество отрезков НПР в тексте, всё же в основном остается за переводчиком.

Так, к закономерным преобразованиям, в частности, можно отнести те случаи, когда сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными, где в главном предложении присутствует глагол, обозначающий мыслительные процессы (такой как *wonder*, *know* и т. д.), переносятся из плана авторской речи в НПР. Такие примеры присутствуют и в рассматриваемых переводах. Обратимся к одному из них.

(7) How far away they were! There was cold sunlight outside the window. He wondered if he would die. You could die just the same on a sunny day. He might die before his mother came.

Как они далеко! За окном холодно светит солнце. Интересно, умрет ли он? Ведь умереть можно и в солнечный день (*пер. В. Франка*).

Как они далеко! За окном сверкает холодный солнечный свет. А вдруг он умрет? Ведь умереть можно и в солнечный день (*пер. М. Богословской-Бобровой*).

Как они далеко! За окошком холодным светом светило солнце. Он подумал, а вдруг он умрет. В солнечный день все равно же умирают (*пер. С. Хоружего*).

В данном примере все три переводчика передали предложение *He wondered if he would die* как НПР, увеличив объем присутствующего в переводе отрывка НПР. При этом первые два переводчика приняли решение сделать вопрос (по всей видимости, исходя из формы косвенного вопроса в английском оригинале), а С. Хоружий построил повествовательное предложение с вводящей конструкцией в препозиции, отделенной от НПР запятой. Такое пунктуационное оформление НПР для русского языка в целом нетипично: по большей части препозиционные контактные вводящие конструкции отделяются от непосредственной НПР двоеточием. Однако можно предположить, что таким образом переводчик стремился передать своеобразие стиля автора.

В другом же случае решения переводчиков оказались разными.

(8) It pained him that he did not know well what politics meant and that he did not know where the universe ended. He felt small and weak. When would he be like the fellows in poetry and rhetoric?

Его огорчало, что он не знает толком, что такое политика, и где кончается вселенная. Какой он все еще маленький и беспомощный! Когда-то он станет таким, как старшеклассники поэтического и риторического классов? (*пер. В. Франка*).

Его огорчало, что он не совсем понимает, что такое политика, и не знает, где кончается Вселенная. Он почувствовал себя маленьким и слабым. Когда еще он будет таким, как мальчики в классе поэзии и риторики? (*пер. М. Богословской-Бобровой*).

Его расстраивало, что он не знает как следует, что такое политика, и не знает, где оканчивается Вселенная. Он почувствовал себя слабым, маленьким. Когда еще он станет таким как мальчики из Поэзии и Риторики? (*пер. С. Хоружего*).

Так, в приведенном выше примере из текста оригинала НПР представлена вопросительным предложением. При передаче данного отрывка переводчики же поступили по-разному. Если М. Богословская-Боброва и С. Хоружий сохранили объем НПР (одно предложение), то В. Франк увеличил объем художественного приема: переводчик сделал предшествующее предложение, в котором описываются ощущения Стивена, восклицательным, убрав конкретное указание на то, что герой так думает о себе (*he felt*), тем самым создав текстовую интерференцию и включив это предложение в состав НПР.

Подобным образом В. Франк привносит НПР и в следующий отрывок.

(9) It made him very tired to think that way. It made him feel his head very big. He turned over the flyleaf and looked wearily at the green round earth in the middle of the maroon clouds.

Утомительно думать об этом. От таких мыслей пухнет голова. Он снова раскрыл первую страницу и начал устало рассматривать зеленую круглую землю посреди лиловых облаков (*пер. В. Франка*).

Первое предложение переводчик делает безличным, убирая прямое указание на субъект, в результате чего размывается граница между текстом автора и текстом персонажа. Во втором – также устраняет указание на персонажа и использует в целях создания текстовой интерференции просторечный экспрессивный фразеологизм *голова пухнет*.

Два других переводчика оставляют этот отрывок в плане авторской речи, как было в оригинале.

> Он очень устал от этих мыслей. Ему казалось, что голова у него сделалась очень большой. Он перевернул страницу и сонно посмотрел на круглую зеленую Землю посреди коричневых облаков (*пер. М. Богословской-Бобровой*).

> От всех таких мыслей он очень устал. Ему казалось, что у него голова стала огромная. Он перевернул страницу и вяло уставился на круглую зеленую Землю, окутанную коричневыми облаками (*пер. С. Хоружего*).

Однако имеется и случай, когда, несмотря на использование НПР в оригинале, от передачи художественного приема отказались все переводчики.

> (10) He poured sauce freely over Stephen's plate and set the boat again on the table. Then he asked uncle Charles was it tender.
>
> Он щедро подлил соуса на тарелку Стивена и поставил соусник на стол. Потом он спросил дядю Чарльза, мягкая ли индейка (*пер. В. Франка*).
>
> Он щедро налил соуса в тарелку Стивена и поставил соусник на стол. Потом он спросил дядю Чарльза, нежное ли мясо (*пер. М. Богословской-Бобровой*).
>
> Он щедро налил соуса Стивену в тарелку, поставил на место соусник и спросил дядю Чарльза, мягкая ли индейка (*пер. С. Хоружего*).

Как видно из приведенного примера, в оригинале НПР представлена отдельным предложением с препозиционной вводящей конструкцией (второе в отрывке). НПР строится на отказе от прямого порядка слов, характерного для косвенной речи в английском языке: в приведенном примере используется инверсия, как в обычном вопросе. Поскольку в русском языке порядок слов менее фиксирован, чем в английском языке, изменение порядка слов практически не используется в качестве маркера НПР. Все три переводчика приняли решение передать данное предложение, использовав модель косвенной речи с частицей *ли*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный нами анализ показал, что, с одной стороны, передача НПР при переводе осуществляется в соответствии с общими законами ее передачи, что подтверждает существование закономерных соответствий структур НПР в языковой паре «английский – русский». С другой стороны, при рассмотрении нескольких переводов одного и того же произведения удалось выявить и расхождения в более частных переводческих решениях, обусловленных существованием индивидуального стиля переводчика, который может проявляться в большей или меньшей степени. В данном случае наиболее ярко выделяется идиостиль В. Франка, проявляющийся в использовании членения, эллипсиса, предпочтении существительных, частицы *вот* в целях передачи экспрессии в НПР, а также для введения художественного приема в текст повествования. К чертам идиостиля М. Богословской-Бобровой можно отнести использование восклицательных предложений с наречием *как* и местоимением *какой*. Идиостиль С. Хоружего наименее выражен, в частности, из-за присутствующего в переводе буквализма.

Несмотря на существование закономерных соответствий структур НПР как совокупности средств ее передачи, зависящих от выполняемой художественным приемом функции и соотносящихся со структурами оригинала по принципу «один ко многим», выбор переводчиком той или иной структуры не всегда объективен. Зачастую переводчики систематически прибегают к одним и тем же способам передачи сходных структур НПР, что можно объяснить существованием индивидуального стиля переводчика. В рассмотренных нами переводах индивидуальный стиль переводчиков наиболее ярко проявлялся при выборе маркеров текста персонажа, характеризующихся экспрессивностью, а также при введении НПР в текст перевода в случае, если соответствующие структуры в тексте оригинала отсутствуют. Вероятно, это связано с тем, что именно в данных случаях от переводчика требуется наиболее творческий подход, предполагающий раскрытие индивидуальности. Однако этим, разумеется, проявление индивидуального стиля переводчика при передаче НПР не ограничивается. Прочие параметры индивидуального варьирования могут быть установлены на более широком материале.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / доп. и коммент. Д. И. Ермоловича. 3-е изд., стер. М.: Р.Валент, 2007.
2. Псурцев Д. В. Прозрачна ли прозрачность, или Что такое идиостиль переводчика? // Мосты. 2019. № 4 (64). С. 42–49.
3. Бузаджи Д. М. Переводчик прозрачный и непрозрачный // Мосты. 2009. № 2 (22). С. 31–38.
4. Псурцев Д. В. Насколько «прозрачным» может быть «прозрачный» переводчик? (к постановке проблемы идиостиля переводчика художественной литературы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 9 (642). С. 187–196.
5. Brooke J., Hammond A., Hirst G. Using models of lexical style to quantify free indirect discourse in modernist fiction // Digital Scholarship in the Humanities. 2017. Vol. 32. Issue 2. P. 234–250. DOI: 10.1093/llc/fqv072
6. Батура Т. В. Формальные методы определения авторства текстов // Вестник НГУ. Серия: Информационные технологии. 2012. №4. С. 81–94.
7. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
8. Leskiv A. The Literary Phenomenon of Free Indirect Speech // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego. Seria Filologiczna. Studia Anglica Resoviensia. 2009. Vol. 60. P. 51–58.
9. Туринова О. О. Личные и притяжательные местоимения в русских переводных текстах англоязычной прозы: дис. … канд. филол. наук. М., 2018.
10. Ригато С. Несобственно-прямая речь и её формы во второй части романа Ю. К. Олеши «Зависть» // Slavica tergestina. 1998. № 6. С. 163–196.

REFERENCES

1. Retsker, Ya. I. (2007). Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoi teorii perevoda = Theory of Translation and Translation Practice. Updated and commented by D. I. Ermolovich. 3rd ed., stereotyped. Moscow: R.Valent. (In Russ.)
2. Psurtsev, D. V. (2019). Prozrachna li prozrachnost', ili Chto takoe idiostil' perevodchika? = Is Invisibility Invisible, or What Is Translator's Individual Style? Mosty, 4(64), 42–49. (In Russ.)
3. Buzadzhi, D. M. (2009). Perevodchik prozrachnyi i neprozrachnyi = Visible Translator and Invisible Translator. Mosty, 2(22), 31–38. (In Russ.)
4. Psurtsev, D. V. (2012). Just How Invisible Can an "Invisible" Translator Be? (The Problem of Fiction Translator's Individual Style). Vestnik of Moscow State Linguistic University, 9(642), 187–196. (In Russ.)
5. Brooke, J., Hammond, A., Hirst, G. (2017). Using models of lexical style to quantify free indirect discourse in modernist fiction. Digital Scholarship in the Humanities, 32(2), 234–250. 10.1093/llc/fqv072
6. Batura, T. V. (2012). Formal Methods of Authorship Attribution. Vestnik NSU. Information Technologies, 4, 81–94. (In Russ.)
7. Shmid, V. (2003). Narratologiya = Narratology. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
8. Leskiv, A. (2009). The Literary Phenomenon of Free Indirect Speech. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego. Seria Filologiczna. Studia Anglica Resoviensia, 60, 51–58.
9. Turinova, O. O. (2018). Lichnye i prityazhatel'nye mestoimeniya v russkikh perevodnykh tekstakh angloyazychnoi prozy = Personal and Possessive Pronouns in Russian Translations of English Fiction: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
10. Rigato, S. (1998). Nesobstvenno-pryamaya rech' i ee formy vo vtoroi chasti romana Yu. K. Oleshi «Zavist'» = Free Indirect Speech and Its Forms in the Second Part of Yurii Olesha's Envy. Slavica tergestina, 6, 163–196. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алимова Анастасия Дмитриевна

кандидат филологических наук

старший преподаватель кафедры переводоведения и практики перевода английского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alimova Anastasia Dmitrievna
PhD (Philology)
Senior Lecturer, Department of Translation Studies and English Translation
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	09.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81.139

Этика телодвижений в дидактическом и переводческом аспектах

В. Е. Горшкова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
gorchkova_v@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается важность невербального поведения преподавателя и переводчика в различных ситуациях общения: в режиме видео-конференц-связи, в условиях устного перевода в качестве социального переводчика. Раскрывается этическая сторона использования жестикуляции, способствующей, помимо разгрузки оперативной памяти и оптимизации когнитивных ресурсов, созданию доверительной атмосферы.

***Ключевые слова*:** телодвижение, мультимодальность, жестикуляция, видео-конференц-связь, преподаватель, социальный переводчик

***Для цитирования*:** Горшкова В. Е. Этика телодвижений в дидактическом и переводческом аспектах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 18–25.

Original article

Ethics of Body Movements in Didactic and Translational Aspects

Vera Ye. Gorshkova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
gorchkova_v@mail.ru

***Abstract*.** The article substantiates the importance of non-verbal behavior of a teacher and translator in various communication situations (in video conferencing, in conditions of interpretation as a community interpreter). The ethics of the use of gestures is revealed, which, in addition to discharge of human working memory and optimizing cognitive resources, creates a trusting atmosphere.

***Keywords*:** body movement, multimodality, gestures, video conferencing, teacher, community interpreter

***For citation*:** Gorshkova, V. Ye. Ethics of body movements in didactic and translational aspects. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 18–25. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Выбор темы статьи, предлагаемой вниманию уважаемого читателя, обусловлен повышением интереса к изучению роли невербального поведения в интерактивном общении людей в целом, поскольку без учета особенностей такого поведения практически невозможно понять природу и механизмы коммуникации, опирающейся на взаимодействие и взаимодополнение вербальных и невербальных систем при выполнении общекультурных и коммуникативных функций. Сравните меткое замечание канадского специалиста по устной коммуникации Ж. Верметта: «le verbal est aux mots; le non-verbal est "homo"...»[1], что в переводе означает: 1) вербальное словесно; невербальное телесно; 2) вербальное в словах; невербальное в руках[2].

Коммуникация или сообщение могут осуществляться как в письменной, так и в устной форме, учитывая, что язык есть сосредоточение знаков и смысла («le langage est composé de tout ce qui fait signe et sens» [Azaoui, Tellier, 2020]).

В отношении сообщения, предстающего в письменной форме, нами была предпринята попытка анализа невербальной коммуникации участников диалогического общения на материале художественного текста, что позволило выявить структурирующую роль человеческого тела в реализации жестов и показать, что их материальное воплощение с очевидностью отличается в каждом отдельно взятом случае. В этом нам помогают комментарии автора, дающего неоднозначную экспрессивно-оценочную характеристику производимого действия. Опора на лингвистический и экстралингвистический контексты значительно возрастает в ситуации перевода текста, трактующего язык телодвижений представителей «третьей» культуры, не являющихся носителями исходного языка и языка перевода. Примером может служить перевод исходного текста с французского языка на русский, действие в котором разворачивается на Ближнем Востоке, а в диалоге участвуют представители арабской культуры, как в романе Ясмины Хадра «Последняя ночь властелина»[3]. Перевод соответствующих фрагментов текста требует обширного когнитивного багажа и развитого воображения переводчика [Горшкова, 2022].

Что касается устной коммуникации, мы всё больше убеждаемся, что дискурс говорящего помимо вербальной составляющей задействует целый ряд невербальных знаков, в том числе маркеров эмоций, способствующих обеспечению адекватного смысла сообщения в тесной связи слова, жеста и мышления. В терминах упомянутого выше Жака Верметта, невербальное – дух, облеченный в телесную оболочку, цель которого – привлечь, поддержать интерес, облегчить понимание и удержать внимание. Пусть оратор подключит тело на это благое дело («le non-verbal, c'est l'esprit fait chair qui déploie sa stratégie pour capter l'attention, soutenir l'intérêt, faire comprendre et retenir à sa façon. Que l'orateur accorde donc sa chair à ce qui lui est cher!»[4]).

Соответственно, и тело человека, любое его действие, имплицитное или эксплицитное, также является источником информации, требующей декодирования получателем сообщения [Телески, 2020; Телески, 2021].

КИНЕСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЖЕСТИКУЛЯЦИИ

В плане анализа ситуации устного общения, среди современных французских исследований хотелось бы отметить работы Доминика Бутэ и его единомышленников, развивающих кинесиологический подход к жестикуляции, позволяющий выявить структурирующую роль человеческого тела в реализации жестов (и жестового языка) с опорой на биомеханику отдельных частей тела, вовлеченных в процесс жестикуляции [Boutet, Morgenstern, Cienki, 2016; Boutet, 2018]. Особо подчеркнем участие в проекте ученых из когнитивной лаборатории полимодальной коммуникации (Polimod) на базе Московского государственного лингвистического университета – В. А. Денисовой (2016), А. Ченки, О. К. Ирисхановой (2018). Своего рода синопсисом основных положений кинесиологического подхода полагаем статью с символическим названием «Prélude et Ode à l'approche kinésiologique de la gestualité», написанную Алией Моргенштерн в память о безвременно скончавшемся от короновируса выдающемся ученом – человеке чрезвычайно многостороннем, высокообразованном, влюбленном в свое дело, увлеченном, обожавшем жизнь во всех ее культурных и научных проявлениях [Boutet, Morgenstern, 2020].

По мнению Доминика Бутэ, кинесиологический подход, предметом анализа которого являются собственно производимые формы, опирается в качестве означающего на телодвижения и другие составляющие означаемого, выявляя при этом, как структурируется смысл и каковы пределы и потенциал выразительности, экспрессивности говорящего [там же]. При этом подчеркивается, что спонтанные жесты обладают своей грамматикой», отличающейся от грамматики языковой, поскольку свойства

[1] URL: http://journals.openedition.org/communicationorganisation/2421

[2] Зд. и далее перевод наш. – *В. Г.*

[3] Khadra Ya. La dernière nuit du raïs. Paris: Editions Julliard, 2015.

[4] URL: http://journals.openedition.org/communicationorganisation/2421

жестов меняются в зависимости от того, о чем говорит человек в данный момент, какие цели преследует и в каких отношениях он состоит с собеседником.

Данный подход позволяет, в частности, уточнить понимание особенностей концептуализации грамматических категорий в процессе говорения, например, коррелировать жестикуляцию и выражение аспектуальных значений, грамматикализованных в языке. В целях эксперимента испытуемым предлагалось рассказать о разных событиях, произошедших в их личной жизни. Одно из них должно было иметь достаточно долгую историю, другое – отличаться неожиданным и стремительным развитием. Соответственно, говорящие спонтанно использовали в процессе говорения как повествовательный, так и разговорный дискурс, с необходимостью опирающийся на разные временные формы. В исследовании, проведенном, в частности, с участием франкофонов, особое внимание уделялось двум наиболее частотным временным формам французского языка (Passé composé и Imparfait) как наиболее эксплицитно отражающим аспектуальные значения, что позволило авторам прийти к заключению, что использование Passé composé сопровождается резкими рубящими движениями, в то время как неспешное повествование характеризуется использованием Imparfait и жестами плавными. Полученные выводы представляются весьма полезными в постижении смысла, поскольку позволяют опираться как на вербальную составляющую высказывания, так и на сопровождающую его жестикуляцию, проявление которой может, среди прочего, обладать культурной спецификой.

ЭТИКА ТЕЛОДВИЖЕНИЙ В РЕЖИМЕ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

Как показывает анализ литературы, важность выражения «телесности» / телодвижений в языке получает всё большее признание в дидактическом плане в процессе обучения, формы которого постоянно меняются [Azaoui, Tellier, 2020].

Так, современная эпоха характеризуется расширением возможностей цифровизации и использования коммуникации на платформах видеоконференц-связи как относительно нового способа дистанционного общения.

При анализе того или иного аспекта обучения в рамках междисциплинарного мультимодального подхода ученые исследуют роль жестикуляции преподавателя на экране, направленную на усвоение изучаемого материала, что свидетельствует о дидактической важности жестов: Б. Азауи (2019), Д. Бутэ, А. Моргенштерн (2020), М. Швальчук, Ж.-М. Бенаюн (2021) и др.

Очевидно, что в формате обучения посредством видео-конференц-связи коммуникация между преподавателем и обучающимися отличается рядом особенностей, обусловленных использованием компьютера и необходимостью владения целым рядом техносемиопедагогических компетенций. Помимо отсутствия непосредственного контакта преподавателя и обучающегося, такое «экранное взаимодействие» нередко осложняется различного рода техническими искажениями на уровне звука, изображения, синхронизации видимого и произносимого. По свидетельству специалистов, развивающих данный подход к обучению, такие искажения оказывают существенное влияние на коммуникацию [Guichon, 2017].

Соответственно, создание доверительной психоэмоциональной атмосферы на занятии в режиме специфического «экранного взаимодействия» преподавателя с обучающимися требует от обеих сторон определенных усилий как в плане овладения технической стороной процесса, так и в плане использования соответствующих семиотических ресурсов, таких как вопросы и комментарии в чате, выставляемые на экран изображения, вербальные объяснения преподавателя. Не последнюю роль среди означенных ресурсов, помимо собственно голоса и интонационных особенностей говорящего, играют жестикуляция, положение тела преподавателя, наклон головы, выражение лица, направление взгляда, отражающие его искреннюю вовлеченность в общение [там же].

Немаловажно и положение веб-камеры: если жестикуляция преподавателя остается за пределами ее обзора, на первый план выступает мимика преподавателя [Holt, 2020]. Одно несомненно, гораздо более эффективны для успешной коммуникации жесты, находящиеся в поле зрения обучающихся.

Как правило, находясь перед веб-камерой, преподаватель более активно использует жестикуляцию, включающую, помимо спонтанных жестов, непроизвольно сопровождающих речь человека, так называемые педагогические жесты, цель которых заключается в информировании, активизации и оценивании в процессе дидактического дискурса, понимаемого как ситуация, дискурс собеседников, которой направлен на передачу знания и обучение («toute situation dans laquelle le discours des interlocuteurs se donne pour objectif premier ou non de faire savoir / apprendre» [Azaoui, Tellier, 2020]).

Эти жесты используются более осознанно и служат для облегчения постижения обучающимися смысла сказанного на иностранном языке. При этом и жесты руками, и выражение лица преподавателя выполняют различные педагогические функции, среди которых различают когнитивную,

эмоционально-аффективную и организационную функции. Что касается эмоциональной функции, последняя реализуется посредством внимательного взгляда, раскованной позы и жестов преподавателя, направленных на то, чтобы подбодрить обучающегося и направить его на корректировку сказанного. Организационная функция выполняется дейктическими (указательными) жестами, распределяющими последовательность выступлений участников коммуникации. В свою очередь, когнитивная функция жестов способствует улучшению понимания и облегчению процесса обучения [Талески, 2020; Талески, 2021; Holt, 2020].

К примеру, достаточно частотны при объяснении значения отдельных лексических единиц иконические жесты, усиливающие связь между звучанием слова и его означаемым. При помощи таких жестов можно обозначить форму предмета или охарактеризовать его пространственное расположение. Как отмечают исследователи, слово, находящееся в соответствии с жестом, гораздо легче запоминается, особенно, если обучающийся в процессе восприятия объяснения воспроизводит жест преподавателя [Azaoui, 2019; Holt, 2020; Shin-Tae Kang, 2020]. Так, круговое движение рукой над головой описывает корону, ладонь в форме чашки означает напиток и т. д. Положительное влияние жестов на запоминание верифицировано как на уровне отдельных лексических единиц, так и на уровне целых фраз, и абстрактных слов. Невербальные аспекты коммуникации усиливают восприятие и, следовательно, усвоение языкового материала.

В режиме видеоконференций иногда приходится работать и устным переводчикам, обеспечивающим последовательный перевод при общении двух собеседников, когда визуальный контакт с переводчиком становится весьма значимым. В целом основные принципы жестикуляции переводчиков в ситуациях такого перевода совпадают с изложенными выше. Это позволяет некоторым исследователям говорить о формирующейся на наших глазах новой дисциплинарной области, сочетающей работу устного переводчика конференций и режим видео-конференц-связи – «видеоперевод» (visio-interprétation), «телеперевод» (téléinterprétation), «удаленный устный перевод» (remote interpreting).

ЭТИКА НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Отдельного упоминания в контексте нашего разговора заслуживает невербальное поведение так называемых коммунальных, или социальных, переводчиков (interprète en service public, public service interpreter, community interpreter), основными клиентами которых являются мигранты или беженцы, осуществляющих свою деятельность в самых разных структурах – юридических, медицинских, детских, миграционных, полицейских, причем нередко в самых разных местах в течение одного дня. В отличие от переводчика конференций, нередко скрытого от непосредственного наблюдения стенами переводческих кабин, социальный переводчик всё время «на виду», его видят, его слышат и отслеживают производимые или воспроизводимые им невербальные сигналы. Соответственно, осознанно или неосознанно, понимание достигается, среди прочего, через посредство телодвижений и выражения лица переводчика, играющих важную роль для передачи необходимой информации и смысла сказанного. И если социальный статус того или иного лица, которого он переводит, нередко отражен соответствующей униформой (белый халат и фонендоскоп, мундир полицейского или таможенника), то переводчик предстает перед коммуникантами как личность, а не как анонимный представитель некого социального института.

Его задача чрезвычайно сложна: с одной стороны, соблюдение конфиденциальности, максимальной объективности [Merlini, 2015], беспристрастности, определенного самоустранения[1], с другой – умение устанавливать отношения доверия, некой эмпатии, даже если это может оказаться довольно рискованным [Cross, 2021].

Именно в контексте деятельности социального переводчика наибольшее значение начинают играть вопросы этики в непосредственном общении, и прежде всего этики поведенческой как средстве реализации цели коммуникации, опирающейся на знания и опыт переводчика[2].

С лингвистической точки зрения ничего не изменилось со времен «Генерального регламента» Петра I, принятого в 1720 году в отношении делового этикета, постулирующего использование устойчивых конструкций речевого этикета, позволяющих организовывать этикетные ситуации с учетом социальных, возрастных и психологических характеристик. Напомним в этой связи четыре основополагающих элемента невербального, содействующих эффективности устной коммуникации, по Жаку Верметту, – физиономика, жестикуляция, внешний вид и манера держаться:

[1]Code of Ethics for Community Interpreters / The Finnish Association of Translators and Interpreters ; E. Pekanheimo, M. Kauhala, E. Ojala. 2013. URL: http://wasli.org/wp-content/uploads/2013/10/80_coe-svt.pdf.

[2]Code of Ethics for Community Interpreters. URL: http://wasli.org/wp-content/uploads/2013/10/80_coe-svt.pdf.

> Quels sont donc les quatre éléments du non-verbal qui rendront sa communication orale efficace ? Son expression non-verbale devra tirer profit du langage de sa "physionomie", de sa "gestuelle", de son "habillement" et de son "maintien" [Vermette, 2000].

Учитывая, что речь на 25 % воспринимается зрительным путем, внешний вид переводчика должен соответствовать культурным традициям и погодным условиям, отличаться скромностью и опрятностью. Так, по свидетельству Джона Мэллоу, соответствующий дресс-код кандидата на должность является определяющим в 84 % случаев[1].

И, конечно же, основным требованием остается приветливое и предупредительное отношение: в терминах основателя юридической этики А. Ф. Кони «лицо говорит вместе с языком», а общение осуществляется негромким и спокойным голосом и тоном. При этом и жесты, и мимика, и позы переводчика, наделенные семантико-экспрессивной окраской, с необходимостью подчиняются этическим нормам: физиономика невербального поведения должна оставаться нейтральной, а излишняя жестикуляция может быть расценена как проявление фамильярности. Мы помним, что лучший и самый совершенный жест тот, который не замечают участники коммуникации, т. е. тот, который органично сливается с содержанием речи.

Масштабное мультимодальное исследование деятельности социальных переводчиков проведено Моникой Швальчук и Жан-Мишелем Бенаюном [Chwalczuk, 2021; Chwalczuk, Benayoun, 2021] на весьма репрезентативном материале, включающем интервьюирование 12 профессиональных переводчиков, анкетирование 60 человек, видеозаписи отдельных моментов работы 27 социальных переводчиков на 16 языках (12 часов записей, из которых отобраны фрагменты, составившие корпус из 126 видео, отражающих пять конкретных ситуаций). Такой внушительный корпус позволил проанализировать степень участия в обеспечении успешной коммуникации невербальных знаков, задействованных переводчиком. Опираясь на базовые теории мультимодальной коммуникации, авторы предлагают функциональную модель, позволяющую продемонстрировать роль голоса и телодвижений переводчика, обосновывают типологию невербальных знаков, жестов и мультимодальных феноменов и доказывают ее эффективность для компенсации когнитивной перегрузки переводчика. Цель исследования – показать полезность мультимодального подхода не только в плане лучшего понимания мыслительных операций переводчика в процессе устного перевода, но и в плане повышения его эффективности. При этом авторы постулируют, что передача информации телодвижением не просто некий процесс, который мы можем активировать или дезактивировать по требованию. Любое поведение, любое действие является источником информации.

Как отмечает Моника Швальчук, мультимодальное высказывание представляет собой дискурсивную единицу, отражающую взаимодействие как на вербальном, так и на невербальном уровнях в целях осуществления диалога и передачи смысла с непреложным учетом участия коммуникантов и контекстов ее порождения («un énoncé multimodal est une unité discursive, correspondant à l'ensemble des interactions au niveau tant verbal que non verbal, soumise à des processus dialogiques de négociation de sens qui impliquent les acteurs du discours et les contextes de sa production» [Chwalczuk, 2021, с. 43]).

Соответственно, чтобы понять смысл мультимодального высказывания, необходимо интерпретировать жест в комбинации со взглядом, выражением лица и положением тела, во-первых, в конкретной ситуации, во-вторых, учитывая состав участников и цели, которые они преследуют в данной коммуникации.

На основании полученных данных исследователи создают типологию невербальных жестов, характерную для двунаправленного взаимодействия коммуникантов в ситуации социального перевода. Предлагается четыре категории жестов, подразделяющихся на двенадцать типов. Различаются следующие типы жестов:

1) *символические жесты*, устоявшиеся в социальном взаимодействии, такие как покачивание и потряхивание головой, пожимание плечами, пожимание рук и другие жесты руками;
2) *иллюстративные жесты*, в функцию которых входит визуальная интерпретация элементов, о которых идет речь, или облегчающие вербальное порождение путем обращения к жестикуляции. Речь идет о жестах иконических, абстрактно иконических и концептуальных жестах;
3) *жесты – регуляторы обмена,* координирующие очередность высказываний участников общения, служащие для привлечения внимания собеседников, оценки или указания на словесно обозначенный предмет. Означенные функции могут выполняться, соответственно, фатическими жестами, хлопаньем или взмахами, а также дейктическими (указательными) жестами;
4) *прочие жесты*, не вошедшие в предыдущие группы. К таковым относятся мимика, взгляды, прикосновения, поза,

[1]Code of Ethics for Community Interpreters. URL: http://wasli.org/wp-content/uploads/2013/10/80_coe-svt.pdf.

особенности поведения. Они включаются авторами в отдельную группу в силу важности для интеракции как способные оказать на последнюю значительное влияние.

Проведенное исследование с очевидностью выявляет доминирование концептуальных жестов (22,3 %), покачивание головой (21,4 %) и дейктических жестов (15,1 %), что в общем составляет около 60% всех жестов, вошедших в анализируемый корпус. Что касается жестикуляции переводчиков, таковой пользуется почти половина из них (46,84 %).

Особый интерес для нас в данном исследовании представляет пересечение размышлений авторов с основными положениями разрабатываемой в Высшей школе устных и письменных переводчиков в Париже (ESIT) теорией смысла, различающей три универсальных этапа устного перевода: понимание исходного сообщения – девербализация семантических элементов, его составляющих – ревербализация (воспроизведение) смысла указанного сообщения на языке перевода [Israël, 2005; Lederer, 2005]. Так, на первом этапе жесты, сопровождающие речь говорящего на исходном языке, позволяют лучше понять сообщаемую информацию и запомнить используемую лексику. Далее, использование визуальных стимулов, таких как иконические жесты, облегчает переводчику девербализацию сообщения благодаря образованию связи между воображением и когнитивными ресурсами, включающими, помимо собственно языка, пережитое человеком, его личный опыт. И, наконец, хотя в методологическом плане излишняя жестикуляция переводчика, как правило, не приветствуется, учитывая доминирующий вербоцентрический характер его деятельности, на последнем этапе, этапе ревербализации, широкое использование концептуальных жестов естественным образом отражает способность к воспроизведению деталей сообщения, поскольку «процессы трансформации поступающих в мозг человека сенсорных данных нуждаются в воплощении, что находит выход в телодвижениях» («le cerveau n'est pas le seul siège de la cognition et les processus mentaux ont besoin d'être incarnés et mis en œuvre par le corps» [Chwalczuk, Benayoun, 2021]).

Сказанное подтверждает выводы когнитивных и психолингвистических исследований о том, что жестикуляция, сопровождающая устные высказывания, позволяет разгрузить оперативную память. Подчеркнем, что в контексте работы социального переводчика преобладают именно концептуальные жесты.

> Vagues de forme, caractérisés par un mouvement continu des mains et en effort musculaire minimal, ils servent principalement à soutenir le flux de la parole, en facilitant "la mise en mots". Dépourvu de valeur communicationnelle *stricto sensu*, leur abondance dans la production des interprètes témoigne donc de leur potentiel à diminuer la charge cognitive liée à la production non seulement de la parole spontanée, mais aussi de la parole interprétée [там же]. – Характеризующиеся постоянными безотчетными движениями руками с минимальной мышечной нагрузкой, они служат, главным образом, для поддержания речевого потока и способствуют облегчению 'изложения'. Такие жесты не несут коммуникативной нагрузки в строгом смысле этого слова, но их обилие в работе устного переводчика свидетельствует об их потенциальной способности уменьшить когнитивную нагрузку, связанную с производством не только спонтанной речи, но и речи переводимой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование с очевидностью показывает важность учета структурирующей роли человеческого тела в реализации жестов, обеспечивающих адекватное невербальное поведение преподавателя и переводчика в самых разных контекстах порождения мультимодального высказывания – при письменной коммуникации, в режиме видео-конференц-связи, в условиях устного перевода в качестве социального переводчика.

Учитывая вышеизложенное, представляется весьма важным включить мультимодальный аспект в обучение будущих устных переводчиков, поскольку их будущая профессиональная деятельность связана с работой «на публике», что требует разгрузки оперативной памяти, оптимизации когнитивных ресурсов путем использования жестов, а также соблюдения поведенческой этики как средства реализации цели коммуникации, опирающейся на знания и опыт переводчика.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Vermette J. Profil d'évaluation du non-verbal dans la communication oralisée en public // Communication et organisation. Revue scientifique francophone en Communication organisationnelle. 2000. Vol. 18. URL: http://journals.openedition.org/communicationorganisation/2421.

2. Azaoui B., Tellier M. Comment le corps coconstruit les discours et le sens // TIPA. Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage. 2020. № 36. URL: http://journals.openedition.org/tipa/4106.
3. Горшкова В. Е. Кинесиологический подход к интерпретации жестов в письменном тексте // Вестник Новосибирского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 124–131.
4. Талески А. Поведение говорящего в виртуальной реальности (методика эксперимента и описание предварительных результатов) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12. Вып. 4. С. 54–67.
5. Талески А. Коммуникативное использование указательных жестов разных типов в среде виртуальной реальности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 3 (845). С. 218–230.
6. Boutet D., Morgenstern A., Cienki A. Grammatical Aspect and Gesture in French : A kinesiological approach // Russian Journal of Linguistics. 2016. T. 20 (3). P. 132–151.
7. Boutet D. Pour une approche kinésiologique de la gestualité: Habilitation à diriger des recherches. Rouen : Université de Rouen-Normandie, 2018.
8. Boutet D., Morgenstern A. Prélude et Ode à l'approche kinésiologique de la gestualité // TIPA. Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage. 2020. № 36. URL: http://journals.openedition.org/tipa/3892.
9. Guichon N. Se construire une présence pédagogique en ligne // Enseigner l'oral en ligne. Une approche multimodale / eds.: N. Guichon, V. Tellier. Paris : Didier, 2017. P. 29–58.
10. Holt B. Le rôle des gestes dans les explications lexicales par visioconférence // TIPA. Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage. 2020. № 36. URL: http://journals.openedition.org/tipa/3458.
11. Azaoui B. Ce que les élèves voient et disent de corps de leur enseignant: Analyse multimodale de leurs discours // Observer l'activité multimodale en situations éducatives : Circulations entre recherche et formation / eds.: B. Rivière, N. Blanc. Lyon : ENS Editions, 2019. P. 99–123.
12. Shin-Tae Kang. Utilisation du geste illustratif par les apprenants coréens dans la classe de langue // TIPA. Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage. Comment le corps construit les discours et le sens. 2020. № 36. DOI: https://doi.org/10.4000/tipa.3793.
13. Merlini R. Empathy: A 'zone of uncertainty' in mediated healthcare practice // Cultus. 2015. № 8. P. 27–49.
14. Cross Ch. Portrait-robot de l'interprète. Quelques réflexions personnelles // Traduire. 2021. № 245. P. 5–10. URL: http://journals.openedition.org/traduire/2407.
15. Chwalczuk M. La gestualité co-verbale en interprétation dans les services publics. Analyse contextualisée d'un corpus multimodal : Thèse de doctorat. Paris: Université de Paris, 2021.
16. Chwalczuk M., Benayoun J.-M. Le corps en interprétation. Dimension non verbale des discours interprétés // Traduire. 2021. № 245. P. 11–26. URL : http://journals.openedition.org/traduire/2409
17. Israël F. Une Théorie en mouvement – bilan (provisoire) des acquis de la Théorie Interprétative de la Traduction // La théorie interprétative de la traduction. T. I: Genèse et développement / eds.: F. Israël, M. Lederer. Paris–Caen: Lettres modernes Minard, 2005. P. 67–87.
18. Lederer M. Défense et illustration de la Théorie Interprétative de la Traduction // La théorie interprétative de la traduction. T. I: Genèse et développement / eds.: F. Israël, M. Lederer. Paris–Caen: Lettres modernes Minard, 2005. P. 89–139.

REFERENCES

1. Vermette, J. (2000). Profil d'évaluation du non-verbal dans la communication oralisée en public. Communication et organisation. Revue scientifique francophone en Communication organisationnelle, 18. http://journals.openedition.org/communicationorganisation/2421.
2. Azaoui, B., Tellier, M. (2020). Comment le corps coconstruit les discours et le sens. TIPA. Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage, 36. URL: http://journals.openedition.org/tipa/4106.
3. Gorshkova, V. E. (2022). Kinesiological Approach to the Interpretation of Gestures in a Written Literary Text. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 20(4), 124–131.
4. Taleski, A. (2020). Speaker's Behavior in Virtual Reality (Methodology of the Experiment and Description of Preliminary Results). Perm University Herald. Russian and Foreign Philology, 12(4), 54–67.
5. Taleski, A. (2021). Communicative Use of Various Types of Pointing Gestures in a Virtual Reality Environment. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(830), 218–230.

6. Boutet, D., Morgenstern, A., Cienki, A. (2016). Grammatical Aspect and Gesture in French : A kinesiological approach. Russian Journal of Linguistics, 20(3), 132–151.
7. Boutet, D. (2018). Pour une approche kinésiologique de la gestualité: Habilitation à diriger des recherches. Rouen : Université de Rouen-Normandie.
8. Boutet, D., Morgenstern, A. (2020). Prélude et Ode à l'approche kinésiologique de la gestualité. TIPA. Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage, 36. URL: http://journals.openedition.org/tipa/3892.
9. Guichon, N. (2017). Se construire une présence pédagogique en ligne. In Guichon, N., Tellier, V. (Eds.), Enseigner l'oral en ligne. Une approche multimodale (pp. 29–58). Paris : Didier.
10. Holt, B. (2020). Le rôle des gestes dans les explications lexicales par visioconférence. TIPA. Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage, 36. URL: http://journals.openedition.org/tipa/3458.
11. Azaoui, B. (2019). Ce que les élèves voient et disent de corps de leur enseignant: Analyse multimodale de leurs discours. In Rivière, B., Blanc, N. (Eds.), Observer l'activité multimodale en situations éducatives : Circulations entre recherche et formation (pp. 99–123). Lyon : ENS Editions.
12. Shin-Tae Kang. (2020). Utilisation du geste illustratif par les apprenants coréens dans la classe de langue. TIPA. Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage. Comment le corps construit les discours et le sens, 36. https://doi.org/10.4000/tipa.3793.
13. Merlini, R. (2015). Empathy: A 'zone of uncertainty' in mediated healthcare practice. Cultus, 8, 27–49.
14. Cross, Ch. (2021). Portrait-robot de l'interprète. Quelques réflexions personnelles. Traduire, 245, 5–10. http://journals.openedition.org/traduire/2407.
15. Chwalczuk, M. (2021). La gestualité co-verbale en interprétation dans les services publics. Analyse contextualisée d'un corpus multimodal: Thèse de doctorat. Paris: Université de Paris.
16. Chwalczuk, M., Benayoun, J.-M. (2021). Le corps en interprétation. Dimension non verbale des discours interprétés. Traduire, 245, 11–26. http://journals.openedition.org/traduire/2409.
17. Israël, F. (2005). Une Théorie en mouvement – bilan (provisoire) des acquis de la Théorie Interprétative de la Traduction. In Israël, F., Lederer, M. (Eds.), La théorie interprétative de la traduction (t. I: Genèse et développement, pp. 67–87). Paris–Caen: Lettres modernes Minard.
18. Lederer, M. (2005). Défense et illustration de la Théorie Interprétative de la Traduction. In Israël, F., Lederer, M. (Eds.), La théorie interprétative de la traduction (t. I: Genèse et développement, pp. 89–139). Paris–Caen: Lettres modernes Minard.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горшкова Вера Евгеньевна
доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры перевода и переводоведения
Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации
Иркутский государственный университет

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorshkova Vera Yevgenjevna
Doctor of Philology (Dr. habil.), Full Professor
Professor at the Department of Translation and Translation Studies, Institute of Philology
Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University

Статья поступила в редакцию	12.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 82'89

Грамматика идей Умберто Эко – универсальный синтаксис мышления

Д. А. Гусаров[1], А. Л. Семёнов[2]

[1]*Московский государственный институт международных отношений (университет), Москва, Россия*
[2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*dmitriy_gusarov@mail.ru*
[2]*arksem@gmail.com*

Аннотация. Поиск идеального языка – это не только глобальная проблема устройства мира, но и постоянная рабочая коммуникативная проблема любого переводчика в художественном или информативном переводе. Текст произведения – это интерпретация мышления и опыта. Перевод – это интерпретация интерпретированного. Переводчик должен выбрать из предъявленных знаков и их смыслов те объекты, которые имел в виду автор. Цель статьи – показать, что идеи У. Эко могут иметь инструментальное для переводчика значение.

Ключевые слова: знак, слово, высказывание, отражение, перевод, интерпретация

Для цитирования: Гусаров Д. А., Семенов А. Л. Грамматика идей Умберто Эко – универсальный синтаксис мышления // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 26–33.

Original article

The Grammar of Umberto Eco's Ideas: Universal Syntax of Thinking

Dmitry A. Gusarov[1], Arkady L. Semenov[2]

[1]*MGIMO University, Moscow, Russia*
[2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*dmitriy_gusarov@mail.ru*
[2]*arksem@gmail.com*

Abstract: The search for an ideal language is not only a global problem of the world order, but also a hard communicative problem of any translator in artistic or informative translation. The text of a work is an interpretation of thought and experience. Translation is an interpretation of the interpreted. The translator have to select the signs and their meanings from the objects which the author had in mind. The aim of the article is to demonstrate that U. Eco's ideas can be the instruments for a translator.

Keywords: sing, word, utterance, reflection, translation, interpretation

For citation: Gusarov, D. A., Semenov, A. L. (2024). The Grammar of Umberto Eco's Ideas: Universal Syntax of Thinking. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 26–33. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Путешествие художественного произведения по миру проходит через три вершины превращений и бытия: вдохновенное творчество автора, перевоплощение переводчика, критическое восприятие читателя. У автора есть свой адресат, которому он доверяет свои мысли и замыслы в своей заботе о художественном воплощении событий и образов в языковых формах, доступных и понятных читателю. Писатель говорит со своим читателем на одном языке и всеми художественными возможностями делает этот разговор обоюдно понятным. Но, отправляя свое произведение в читательский мир, мастер не думает о том, что его произведение может оказаться интересным для читателей иной языковой картины мира. *Родной* читатель знает своего автора, и полон целесообразных ожиданий, которым суждено или не суждено оправдаться. Даже не оправдавшиеся ожидания поняты *родным* читателем с полуслова. Логическая прагматика смысловых посылов автора через общую знаковую систему не так уж и актуальна для автора произведения и вполне понятная его *родным* читателям. И критически настроенный *родной* читатель достаточно полно понимает всю символику авторского текста.

Иначе складывается судьба художественного произведения, если оно выходит за пределы *родного* читательского мира, что, вообще-то, является естественным фактом транзита лингвокультур, т.е. средством продвижения авторской мысли в другую, неведомую автору среду восприятия его художественного замысла и художественных образов. При создании своего произведения автор ведет диалог с читателем не просто на их общем языке, а в надежде на понимание *с полуслова*. И вряд ли автор думает о том, как будет понимать его замыслы читатель из другой лингвокультуры, хотя это всегда было актуальной проблемой обмена художественными ценностями. Решение этой проблемы автоматически и традиционно передается переводчику.

Рассматривая задачу перевода с позиций лингвистической теории, к которой всей своей сутью относится школа перевода Московского государственного лингвистического университета, мы принимаем за основу объекта нашего исследования соотношение лингвистики дискурса и лингвистики текста. И поскольку технологии современного перевода и переводоведения используют сравнительно-сопоставительные методы исследования языков оригинала и перевода, нам представляется необходимым рассмотреть основные позиции теории Умберто Эко и его понимания соотношения систем знаков как языковых форм, семантики и прагматики языков в переводе, участвующих в межъязыковой коммуникации. Основной целью нашей статьи является привлечение внимания переводчиков и переводоведов к сути лингвистических идей исследования У.Эко, в которой мы видим инструментальность сопоставительных выводов и оценок.

Читатель из другой лингвокультуры получает художественное произведение фактически не от автора, а от переводчика, хотя воспринимает его исключительно как авторское, а не переводческое произведение. Перед переводчиком встает многоаспектная задача перенесения оригинального произведения в новое семиотическое пространство для существования и функционирования замыслов автора во всей их полноте. По нашему мнению, определяя понятие «замкнутость семиосферы», Ю. М. Лотман характеризует ее не как набор специфических элементарных символов и актов, а как целостную систему, отличающуюся *неоднородностью* и имеющую *отграниченное* пространство [Лотман 1996] и для понимания и интерпретации системы, т.е. для перехода границы, необходим интеллект, распознающий последовательность знаков системы и мыслительного отображения в конкретной последовательности.

ПРЕДМЕТ И ГИПОТЕЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопрос о взаимосвязи сознания и языка представляет собой важную переводческую коммуникативную двуединую проблему лигвосемиотики: что из принадлежащего сознанию позволяет индивидам осуществлять обмен знаками и что из принадлежащего языку позволяет его знакам быть представителями объектов внеязыковой действительности. Мы предполагаем, что в ходе межъязыковой коммуникации предметом переводческого анализа остается текст оригинала, представляющего отграниченное пространство, но задачей является полное отражение его комплексной системы.

Умберто Эко обращает внимание на научную концепцию стоицизма, согласно которой в сознании человека присутствуют идеи, имеющие соответствия в звуках (греческого) языка. Соответствия идея-звук образуют такую всеобъемлющую структуру как логос, в которой мысль и ее естественный проводник – речь – отождествляются [Эко, 2009].

Такая позиция греческих философов классической эпохи позволяет сделать несколько практических допущений. Элемент сознания, называемый мыслью, имеет характер именно идеи, т. е. умопостигаемого образа реальности. Умопостигаемость, в свою очередь, предполагает возможность выхода мысли-идеи за пределы порождающего сознания, и единственный способ

такого выхода – использование материальных знаков, самому сознанию не принадлежащих. Без возможности представления за пределами сознания идеи не существует, поскольку нет возможности познать ее, а, следовательно, нет оснований утверждать, существует ли идея или нет. Таким образом, знать что-то (иметь в сознании идею), значит также уметь про это сказать, а невозможность выразить означает незнание. Полагаем, что отождествление мысли и речи стало возможным именно на основании восприятия говорения как свидетельства о наличии идеи, а сам логос можно интерпретировать как знание о свойствах объектов и об имеющихся в языке способах знакового представления этих свойств.

Умберто Эко указывает на важное свойство языка, заключающееся в том, что язык может выражать человеческий опыт. Более того, язык, по мнению ученого, «стремится выразить всё, то есть перелить в слова весь наш опыт…» [Эко, 2009, с.33]. Отсюда становится очевидной ведущая роль познания и его результата – знания – в формировании знаковой системы языка. Ведь опыт – это и есть знание, и если язык выражает знание, то есть становится в речи средством описания свойств познанных объектов, то функционирование знаковой системы возможно лишь в среде языкового коллектива – множества индивидов, объединенных общностью познавательного опыта, то есть знающих одни и те же свойства объектов и одни и те же знаковые средства их представления. Тогда в дву- или многоязычной коммуникации возникает ситуация отражения и отображения знаков – некая синонимия человеческого опыта и синонимия средств выражения в оригинале и переводе.

Исключительно интересной нам представляется предложенная Умберто Эко трактовка семиотической модели естественного языка Л. Ельмслева [там же]. Данная модель начинается с оппозиции: в ней происходит противопоставления двух континуумов – континуума выражения, представляющего собой все звуки, которые возможно произвести посредством речевого аппарата, и континуума содержания, состоящего из всего универсума, который можно помыслить и выразить в речи.

Однако оба эти континуума нуждаются в организации, что приводит к образованию еще одной оппозиции. Средством организации континуума выражения становятся фонологическая система, лексический инвентарь и синтаксические правила языка, которые в совокупности образуют форму выражения. Форме выражения противопоставлена форма содержания, организующая континуум содержания и представляющая собой систему обозначений (например, систему обозначения цвета).

Наконец, третьей оппозицией становится оппозиция, образованная субстанцией выражения и субстанцией содержания. Субстанция выражения производится посредством формы выражения и представляет собой высказывания и тексты, смысл которых является субстанцией содержания.

Анализируя концепцию совершенного языка Данте, Умберто Эко приходит к выводу, что лингвистические субстанции и формы являются двумя составляющими естественного языка, в которых воплощается естественная способность к нему каждого человека. Сама же способность к языку есть «предрасположенность связывать рациональные означающие с означаемыми, которые могут быть восприняты органами чувств» [Эко, 2009, с. 47]. Рациональность означающего здесь, видимо, следует понимать как осмысленность знака, т. е. наделения его смыслом – условным закреплением за знаком свойств познанного объекта, которое позволяет применять знак всякий раз, когда в коммуникации возникает необходимость означивания этих свойств. Коммуникация предстает в этом случае как процесс непрерывного обобщения, когда говорящий включает объекты действительности в те классы предметов, свойства которых закреплены за знаками созданного высказывания. Коммуникативная задача слушающего носит характер догадки – ему предстоит на основе предъявленных знаков и их смыслов включить в класс именно те объекты, которые имел в виду говорящий. Роль слушающего в таком случае может исполняться переводчиком.

В данной троичной модели (континуум – форма – субстанция) для нас особенно представляется важной возможность сформулировать гипотезу о семиотической природе дискурса. Ведь если воплощенные в высказывании субстанции выражения и содержания производятся посредством форм, то создание речевых произведений подчиняется общим для языкового коллектива правилам относительно грамматического использования знаковых элементов систем обозначения. И если речевое произведение есть общая форма существования для субстанций выражения и содержания, то языковой знак есть общая форма существования для формы выражения (знак обладает граммтатической – лексической и синтаксической – сочетаемостью) и формы содержания (знак есть элемент системы обозначения).

ИССЛЕДОВАНИЕ

Между речевой субстанцией и языковой формой есть важное отличие, которое мы усматриваем в прагматике, заключающейся, по мнению Эко, в правилах употребления, учитывающих обстоятельства

и контекст высказывания [Эко, 2009]. Исходя из того, что языковой знак – это элемент какой-либо системы обозначения, а обозначению подвергается нечто познанное, то сама природа высказывания видится нам как означивание и переобозначивание в отражении (обозначение знаком и переобозначение отражением) познанных свойств объекта, при этом познанных как отправителем, так и получателем высказывания или его отражение и перевыражение. В этой связи вопрос о прагматике представляет для нас прежде всего вопрос о мотиве, побудившего говорящего означить общеизвестное знание в пресуппозиционном понимании коммуникации. И если рассматривать дискурс как бесконечное, постоянно пополняемое множество речевых произведений, то мотив может стать основанием для деления этого множества. А знаковую природу дискурса можно усмотреть в том, что он представляет собой множество высказываний, объединенных общим мотивом означивания общеизвестных свойств объекта, т. е. в многоязычной коммуникации высказывание строится выравниванием нового по отражению известного. Общий мотив означивания составляет не только основу для объединения речевых произведений (высказываний и текстов) в конкретный дискурс, но и для противопоставления текстов и высказываний одного дискурса речевым произведениям другого, что позволяет говорить уже о множестве дискурсов и их симметрии.

Конечно, прагматический по своей природе мотив означивания – это лишь одно из множества оснований, которые можно найти для сведения речевых произведений в дискурсы. Нам представляется, что есть и другие, на основании которых уже в рамках очерченного дискурса можно образовать парадигмы высказываний и подразделить отдельно взятый дискурс на дискурсы меньшего порядка. В этой связи наше внимание привлекло то, как нам кажется, особое значение, которое Умберто Эко придает поверхности текста, или его синтагматической структуре. Анализируя деятельность каббалистов, ученый указывает, что синтагматическая структура текста может быть разложена до мельчайших лингвистических частиц и восстановлена в другом порядке, что представляет собой типичное в межъязыкой коммуникации повторное языковое творчество. Это нам представляется важным, ведь такой подход позволяет объединить множество высказываний в один дискурс на основании общего означенного знания (синтагма), а потом противопоставить их друг другу, сравнив по способу означивания общего элемента, а также по означиванию или неозначиванию других свойств описываемых объектов. Но главное – это возможность повторного языкового творчества, заключающаяся в том, что из синтагм сведенных в дискурс высказываний можно в соответствии с правилами грамматики строить новые, отличные от тех, что были взяты извне, т. е. в конечном итоге дискурс получает возможность пополнять себя сам, не обращаясь к области внешних, еще не включенных в него текстов. Получается, что грамматические правила организации синтагм (формы выражения) и сами синтагмы (формы содержания) способны производить новую субстанцию без участия сознания, опираясь лишь на законы комбинаторики, познать которые «означает найти ключ к формированию всякого языка» [Эко, 2009, с. 41]. Представляется, что рассматриваемое в таком свете дискурсивное образование можно, сравнить с порождающей матрицей, задающей комплекс правил для построения новых высказываний. Возникнув в сознании на основе усвоенных образцов речевых произведений, порождающая матрица задает отношения между объектами в рамках простого суждения, сохраняя при этом всевозможные знаковые обозначения, как для самих объектов, так и для отношения между ними. Постоянное пополнение и уточнение содержания матрицы за счет новых речевых образцов позволяет сознанию-носителю посредством аналогии делать выводы относительно правил комбинирования знаков и, следовательно, относительно возможности построения других высказываний, или относительно существования других речевых произведений. Этот непрерывный процесс приводит индивида в качественно новое состояние языковой личности, когда он получает способность создавать высказывания, ранее им не воспринятые.

ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Если допустить возможность полностью семиотического создания высказываний и что при этой возможности дискурс сам может комбинировать формы выражения, то следует обратить внимание на важное ограничение, которое вводит Умберто Эко, и которое подчеркивает роль сознания в речевом творчестве. Форма выражения – это конструкция, состоящая из символов и синтаксических правил, «способная автоматически раскрывать возможные системы содержания» [Эко, 2009, с. 64]. Эти системы содержания Эко называет сценариями, или вселенными. Но поскольку семиотическое комбинирование происходит автоматически, то в таком случае могли бы получится вселенные, «которые невозможны, ибо они невероятны, исходя из нашего прошлого опыта, или не соответствуют тому, что мы считаем законами

разума» [там же], т. е. в случае межъязыковой коммуникации были бы невозможны случаи пресуппозиционного выравнивания лексико-синтаксических конструкций в целях полной проекции смысла в новое отражение сообщения. И в этом случае отбор среди результатов комбинаторики происходит посредством внешних критериев. Именно в этом мы усматриваем взаимодействие дискурса и сознания. Ведь если форме выражения как системе противопоставить форму содержания как систему, то сознание становится тем элементом, которое защищает систему от ошибок, не пропуская в нее неправильные неотражаемые варианты.

Интересной представляется идея формы содержания как системы. Видимо, она не сводится просто к номинативным системам вроде системы обозначения цветов. Скорее, форма содержания организует континуум мыслимого именно в сценарий, в котором наделенные некими свойствами объекты взаимодействуют в рамках определенной ситуации, имеющей логическое начало и завершение. В сценарии проявляются, т. е. получают знаковое обозначение, все познанные свойства объектов, которые могут взаимодействовать в соответствии с законами здравого смысла. Анализируя научную концепцию Раймуна Луллия, Эко обращает внимание на его понимание логики, которая рассматривает «ментальное бытие» вещей и тем самым отличается от метафизики, занимающейся вещами вне разума [Эко, 2009]. Представляется, что таким ментальным бытием вещей как раз и являются организованные в сценарий формы содержания.

Идея сценарности ментального бытия вещи находит свое отражение и в интерпретации Умберто Эко научных взглядов Декарта. Согласно Эко, Декарт в своих трудах говорит о системе, или грамматике идей, в которой мысли, или идеи, имеют ту же логику, что и порядок чисел, а знание простых идей позволяет воспроизводить идеи сложные [там же].

Далее, рассматривая становление научных взглядов на природу языка, Умберто Эко пишет о распространении материалистически-биологической теории, согласно которой язык – это «естественная способность преобразовывать первоначальные ощущения в идеи, а потом и в звуки, в интересах контактов между людьми внутри общества» [там же, с. 95]. В эту концепцию хорошо вписывается понимание логики Луллием. Совокупность ощущений представляет собой опыт, благодаря которому индивид способен мыслить – приписывать вещам свойства, обнаруженные ранее у других вещей. Такой процесс мышления – наделение свойствами, пусть даже и ошибочное – как раз и представляет ментальное бытие объекта, т. е. совокупность мыслимых идей о нем. А уже для сообщения этих идей нужны материальные объекты – звуки речи.

ВЫВОДЫ

Таким образом, ментальное бытие вещей – это не только сценарии форм выражения, но и соответствующие им и известные индивиду способы вербализации идей о вещах, т. е. – формы выражения. Считая континуум содержания бесконечным, Эко обращает внимание на попытки кабаллистов подвергнуть его сегментации [Эко, 2009]. Полагаем, что такого рода сегментация возможна только посредством наблюдения за текстами, которые представляют собой континуум выражения – доступную для восприятия форму существования мысли в рамках коммуникативного замысла. Видимо, из текстов извлекаются простые суждения, или идеи, которые как раз и являются сегментами континуума содержания, а также соответствующие им синтагмы – сегменты континуума выражения.

Представляется, что ментальное бытие вещей как совокупность мыслимых идей о них доступно познанию посредством выделения из текстов суждений-синтагм, свободных от конкретной коммуникативной задачи автора текста, но вобравших в себя опыт языкового коллектива. Такие суждения и соответствующие им высказывания могут быть объединены в парадигмы, представляющие разные познанные свойства объекта действительности. По-видимому, это и будет та самая грамматика идей, которая в концепции Эко есть модель организации содержания, независимая от естественных языков, т.е. в основе ряда высказываний, в том числе и разноязычных, будет лежать одна и та же идея: определенный признак приписывается определенной вещи – и в этом смысле содержание идеи универсально. Однако, как далее отмечает Эко, «различные языки по-разному организуют содержание» [Эко, 2009, с. 338], а это уже можно рассматривать как уникальное содержание идеи. Собственно, ценность грамматики идей как раз и заключается в возможности сравнения уникальных черт универсалий мышления. В этой связи важной представляется мысль Эко о том, что «все возможные содержания, выраженные в языке, должны быть определены как ряд молекулярных соединений, сводимых к сочетанию атомов или семантических признаков» [Эко, 2009, с. 228]. Становится понятно, что использование слова «грамматика» неслучайно: по-видимому, подразумевается универсальная сочетаемость признаков, т.е. их независимый от конкретного уникального языка синтаксис, определяемый универсальным здравым смыслом.

Экстраполируя синтаксическую структуру мышления на ситуацию двуязычной коммуникации, приходится согласиться с тем, что требования полной симметричности текстов высказывания и перевода вряд ли достижимо абсолютно. С той же глубиной исследовав труды Л. С. Бархударова, В. Г. Гака, Я. И. Рецкера и других теоретиков двуязычной коммуникации, мы полностью согласны с Н. К. Гарбовским в том, что «анализ ... семного состава композиций даже небольшой протяженности показывает, что в переводе воспроизводятся далеко не все семы ... и неизбежно возникают новые семы, которые заключены в формах переводящего языка». [Гарбовский, 2008, с. 29].

Коммуникативно-прагматический аспект речевого употребления высказываний из области грамматики идей является свойством конкретного акта коммуникации, которое зависит от замысла каждого конкретного пользователя-автора, или, как указывает Умберто Эко, «высказывание не меняется, меняется субъект, которому оно приписывается, – и естественным образом меняется его восприятие, способ его толкования» [Эко, 2009, с. 160]. С позиции ментального бытия вещи коммуникативный аспект является, таким образом, внесистемным. Но, с другой стороны, ведь возможно и построение парадигмы высказываний, в которой объединяющей константой будет коммуникативный замысел автора.

Если под знаковым характером какой-либо деятельности понимать мотивированное употребление знака в рамках данной деятельности, то именно мотив личности говорящего становится основанием для организации неупорядоченного дискурсивного континуума всех возможных высказываний. Здесь происходит переход на следующий уровень абстракции по сравнению с моделью СМЫСЛ – ТЕКСТ. В модели И. А. Мельчука задаются однозначные отношения, в которых каждому смыслу соответствует некий текст. При этом смысл понимается исключительно в лингвистическом плане как языковой смысл: для понимания смысла ненужно ничего, кроме знания языка [Мельчук, 2012, с. 29].

Предлагаемую здесь знаковую модель дискурса (т. е. модель более высокого порядка) можно назвать МОТИВ – ИДЕЯ. В рамках данной модели задается соответствие между мотивом участника речевого акта (коммуникативный замысел в самом широком понимании, включающий ситуацию общения, контекст, собеседника и т. д.) и сегментом ментального бытия определенного объекта, обобщившим познавательный опыт языкового коллектива.

Модель МОТИВ – ИДЕЯ основывается на понимании коммуникации как мотивированной вербализации общеизвестного знания, при которой слушающий ищет мотив говорящего. Модель является иерархической (мотив, идея, смысл, текст) и предполагает множественные соответствия: одному элементу более высокого порядка могут соответствовать один или несколько элементов более низкого порядка.

Главное, однако, заключается в том, что уже на уровне языкового смысла как инварианта разных текстов происходит вербальное означивание неразрывного единства идеи и мотива (двусторонняя сущность), т. е. означивание возникшего в сознании под воздействием некоего мотива образа, или есть мотивированного образа, т. е. – символа (!). Коммуникация – это означивание символов (!). Этот семиотический процесс происходит с помощью системных языковых знаков, но их связь с означаемым уже, как известно, немотивированна.

Понимание коммуникации и символа в указанном выше смысле имеет важные следствия для переводоведения. Следует признать, что в опосредованной двуязычной коммуникации по аналогии с одноязычным непосредственным общением означиванию подвергается символ, т. е. объектом переводческой деятельности является ментальный символ как единство мотива и идеи. Очевидно, что количество таких символов бесконечно. Однако эти символы отличимы один от другого и, следовательно, исчисляемы – подвергаются нумерации и формальной записи. Поскольку человеческое мышление универсально и не зависит от конкретного языка, ментальный символ становится основанием для поиска закономерных межъязыковых соответствий. Поэтому до нынешнего времени не теряет актуальности задача, поставленная еще в 1973 году В. Н. Комиссаровым по разработке принципов переводческого сопоставления языков, направленного на выявление единиц ИЯ и ПЯ, заменяющих друг друга в процессе перевода, т.е. на описание системы ИЯ в терминах ПЯ [Комиссаров, 1973].

Далее, понимание перевода как коммуникативной и семиотической деятельности делает очевидным правомерность выводов З. Д. Львовской о принципиальной ошибочности лингвистического подхода к переводу и о бесполезности для объяснения процесса перевода и профессиональной подготовки переводчиков так называемых переводческих трансформаций [Львовская, 2008]. Следует полагать, что переводчик ничего не делает с текстом оригинала в «механическом» смысле. Для него, как и для исходного получателя, ИТ – это подсказка для поиска ментального символа. Означивание этого символа средствами ПЯ будет зависеть от необходимости внесения изменений в идейную часть символа с учетом другой принимающей

аудитории. Мотивировочная часть символа – это инвариант.

Понимание важности социального взаимодействия между участниками коммуникации (автора, получателя оригинала, переводчика, получателя перевода) приводит к ситуации, о которой пишет Э. Прунч: переводоведение пересматривает отношение к лингвистике под влиянием развития дискурс-анализа, который открыл широкие возможности для исследования социо-семиотических факторов, влияющих на процесс перевода [Прунч, 2015]. Дискурс-анализ - метод, подразумевающий «связь между текстом и его социальными условиями, идеологиями и отношениями власти» [Тичер и др., 2017, с. 199]. Сам же дискурс – это форма социального поведения, использование языка как социальная практика [там же].

Таким образом, дискурсивный подход к переводческой деятельности ставит вопрос о противоречии между мотивировочной и идейной частью ментального символа, между личностным мотивом и общепринятой идеологией. Для автора оригинального текста такого противоречия нет: он действует в рамках привычных ему социальных норм, в его ментальном символе – привычная социальная практика. Переводчик же вынужден сохранить оригинальный мотив в условиях иной коммуникативной ситуации: преобразование идейной части символа под влиянием иной социальной среды становится закономерностью переводческого процесса.

В заключение отметим, что поскольку дискурс есть социальное поведение в использовании языка, то его носителем является человек. Таким образом, становится очевидной антропоцентрическая природа дискурса, коммуникации и перевода. Ведь в конечном итоге именно человек принимает решение на характер коммуникации и перевода, следуя социальным нормам или, наоборот, игнорируя их. В этой связи правильным и перспективным представляется мысль П. Торопа о необходимости развития такого переводоведческого направления как персональная критика – монографического творчества конкретного переводчика, его поэтики, обоснованности выбора им метода и стиля перевода [Тороп, 1995].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996.
2. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: Александрия, 2009.
3. Гарбовский Н. К. Отражение как свойство перевода // Вестник Московскиго университета. Сер. 22. Теория перевода. 2008. № 4. С. 26–36.
4. Мельчук И. А. Язык: от смысла к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2012.
5. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973.
6. Львовская З. Д. Современные проблемы перевода: пер. с исп. М.: ЛКИ, 2008.
7. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической: пер. с нем. М.: Р. Валент, 2015.
8. Тичер С. и др. Метод анализа текста и дискурса : пер. с нем. / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер. Харьков: Литера Нова, 2017.
9. Тороп П. Тотальный перевод. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1995.

REFERENCES

1. Lotman, Yu. M. (1996). Vnutri myslyashih mirov = Inside the Thinking Worlds. Moscow: Yazyki russkoi kultury. (In Russ.)
2. Eco, U. (2009). Poiski sovershennogo yazyka v evropeiskoi culture = La Ricerca Della Lingua Perfetta Nella Cultura Europea. St.Petersburg: Alexandria. (In Russ.)
3. Garbovsky, N. K. (2008). Otrashenie kak svoistvo perevoda = Reflection as a property of translation. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Teoria Perevoda, 4, 26–36. (In Russ.)
4. Melchuk, Ig. A. (2012). Yazyk: ot smysla k tekstu = Language: from meaning to the text. Moscow: Yazyki slavianskoi kultury. (In Russ).
5. Komissarov, V. N. (1973). Slovo o perevode = On the translation. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenia. (In Russ.)
6. Lvovskaya, Z. D. (2008). Sovremennyje problemy perevoda = Modern problems of translation. Moscow: LKI. (In Russ.)

7. Prunch, E. (2015). Puti razvitija zapadnogo perevodovedenia. Ot yazykovoi asimmetrii k politicheskoi = Entwicklungslinien der Translationswissenschaft. Von den Assimmetrien der Sprachen zu den Asimmetrien der Macht. (In Russ.)
8. Ticher, S., Meyer, M., Vodak, R., Vetter, E. (2017). Metod Analiza teksta I diskursa = Method of text and discourse analysis. Kharkov: Litera Nova. (In Russ.)
9. Torop, P. (1995). Totalny perevod = Total translation. Tartu: University of Tartu Press. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гусаров Дмитрий Александрович
кандидат филологических наук
доцент кафедры немецкого языка
Московского государственного института международных отношений (университета)

Семенов Аркадий Львович
доктор филологический наук, профессор
профессор кафедры переводоведения и практики перевода английского языка
переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gusarov Dmitry Alexandrovich
PhD in Philology, Associate Professor
German Language Department, MGIMO University

Semenov Arkady Lvovich
Doctor of Philology, Professor
Department of Translation Studies and Translation and Interpreting (the English Language)
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	09.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81.25

Устный перевод онлайн: особенности и трудности

А. В. Дадыко

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
avdad@bk.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности и трудности, с которыми встречается переводчик во время работы в онлайн-режиме. Рассматриваются причины быстрых темпов развития данного вида перевода, его достоинства и недостатки. Приводится краткое описание основных технологий дистанционного устного перевода, даются практические рекомендации по подготовке оборудования и организации рабочего места переводчика, а также рассматривается значимость звука для качества перевода.

***Ключевые слова*:** устный перевод, онлайн-конференц-перевод, приложения, цифровые платформы для онлайн-перевода, качество звука, переводческий центр

***Для цитирования*:** Дадыко А. В. Устный перевод онлайн: особенности и трудности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 34–40.

Original article

Online Interpreting: Peculiarities and Difficulties

Andrei V. Dadyko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
avdad@bk.ru

Abstract. The article discusses the main features and difficulties a translator encounters when working online. The article shows the reasons for the rapid pace of development of this type of translation, its advantages and disadvantages. The article presents a brief description of the main technologies of remote interpreting, gives practical recommendations on preparation, organization of the workplace and preparation of equipment. The special importance of sound for the quality of translation is considered.

Keywords: interpreting, online conference interpreting, apps, digital platforms for remote interpreting, sound quality, interpretation hub

For citation: Dadyko, A. V. (2024). Online interpreting peculiarities and difficulties. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 34–40. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Глобализация определила диверсификацию средств коммуникации, что повлекло необходимость обращения к языковым посредникам для понимания людей, общающихся на разных языках. Начало пандемии COVID-19 замедлило, но не прервало этот процесс. При этом в области устного перевода произошли наибольшие изменения, как в положительную, так и в отрицательную стороны[1].

РОЛЬ ПАНДЕМИИ В РАЗВИТИИ ОНЛАЙН-ПЕРЕВОДА

Пандемия COVID-19 явилась серьезным вызовом для сферы переводческих услуг. Она повлияла на привычный способ работы устного переводчика, который изменился и неизбежно будет продолжать меняться. Многие мероприятия стали проводиться в онлайн-формате, удаленность места проведения, физические расстояния и географические границы перестали иметь значение. Главным условием для возможности участия в них стал доступ к Интернету. В связи с этим удаленный перевод стал более востребованным, при этом количество используемых языковых пар практически не ограниченно. Благодаря этому появляется возможность привлекать участников, выступающих на разных языках, и, соответственно, более широкую аудиторию. Современные технологии позволяют успешно справляться со многими возникающими проблемами, помогая приспособиться к новым условиям работы. Это прежде всего цифровые платформы для удаленного перевода, используемые как для последовательного, так и для синхронного перевода. Онлайн-перевод заменил и такие прообразы современного удаленного перевода, как перевод по телефону и перевод в режиме видеоконференции, хотя в отдельных случаях, требующих срочных решений, перевод по телефону продолжает использоваться.

COVID-19, безусловно, имел решающее значение для перехода от устного перевода офлайн к устному переводу онлайн. В отсутствие возможности собираться очно, все, у кого были необходимые условия, перенесли свою деятельность в виртуальный формат, обеспечивая таким образом продолжение своей работы, что, в свою очередь, привело к развитию дистанционных технологий, способствующих непрерывности коммуникации. В докладе «Nimdzi Interpreting Index 2021» утверждается, что пандемия дала мощный импульс развитию дистанционных технологий, уже существовавших ранее, но занимавших незначительную долю на рынке переводческих услуг. Появились новые платформы и были разработаны новые функции, интегрированные впоследствии в уже существовавшие платформы для удаленного общения. Подобные технологии, которые в предыдущие годы занимали определенную нишу на рынке, спасли как профессию, так и многочисленные встречи с участием разноязычных спикеров[2]. Вызовы, возникшие в связи с пандемией COVID-19, ускорили изменения в переводческой отрасли, которые обусловлены использованием новых информационно-коммуникативных технологий в конференц-переводе [Алексейцева и др., 2020; Spinolo, Amato, 2020].

Для переводчиков, которые ранее работали офлайн, переход на дистанционный формат произошел с определенными трудностями и потребовал периода адаптации к новым условиям. Прежде всего переводчики, как и заказчики их услуг, должны были освоить работу с онлайн-платформами. Переводческие компании должны были подобрать наиболее подходящую под их требования платформу и оказывать поддержку своим заказчикам при переходе на работу в режиме онлайн.

Вследствие пандемии многие мероприятия, ранее проводившиеся очно, стали проводится в удаленном формате. Это способствовало распространению платформ для проведения онлайн-конференций, которые уже существовали ранее, но использовались нечасто. Наиболее известными среди них являются Zoom, Microsoft Teams и Google Meet. В основном, они использовались для ежедневных встреч и совещаний с использованием одного языка. В связи с введением карантина весной 2020 года создатели этих платформ разработали функции для осуществления перевода. Таким образом, организаторы мероприятий, в которых осуществляется перевод на несколько языков, начали использовать эти платформы. Их применение распространилось настолько, что они стали основными поставщиками такого рода услуг, потеснив конкурентов – платформы, разработанные на основе технологий VIT (Virtual Interpreting Technology)[3].

ТРУДНОСТИ, С КОТОРЫМИ СТАЛКИВАЮТСЯ ПЕРЕВОДЧИКИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ НА ОНЛАЙН-ФОРМАТ

Следует отметить, что для перехода на работу в режиме онлайн пришлось преодолеть определенные трудности. Те, кто ранее не использовал

[1]Nimdzi. The virtual Interpreting Landskape // Nimdzi Insights. 2020, 13 May. URL: https://www.nimdzi.com/virtual-interpreting-landscape/.

[2]Hickey S. The Nimdzi Interpreting Index. 2019. URL: https://www.nimdzi.com/the-2019-nimdzi-interpreting-index/

[3]Hickey S. The Nimdzi Interpreting Index. 2019. URL: https://www.nimdzi.com/the-2019-nimdzi-interpreting-index/

платформы для удаленного перевода, должен был научиться работать с ними. Однако, освоив эту технологию, многие переводчики оценили ее преимущества и удобство. В этом смысле пандемия COVID-19 ускорила процесс, который уже начался до нее, хотя и продвигался с трудом.

Несмотря на то, что способы удаленного перевода уже существовали до пандемии, они мало использовались профессиональными переводчиками, и спрос со стороны заказчиков был невысок. Конференц-переводчики скептически относились к этому виду перевода, и среди основных причин называли низкое качество технологий, чувство отчуждения, возникающее вследствие отсутствия активного участия во взаимодействии, физический и когнитивный стресс. Тем не менее одним из обстоятельств, препятствующих переводчикам использовать дистанционный перевод были предрассудки в отношении достижений технического прогресса и опасение, порождаемое ожиданием неизбежных изменений, которые предстоит пережить профессии. Среди основных проблем, с которыми столкнулись переводчики, была физическая удаленность от места проведения мероприятия и невозможность активного взаимодействия с его участниками. Эти факторы способствовали возникновению чувства отчуждения и невозможности контролировать происходящее во время мероприятия, что приводило к снижению мотивации и в конечном итоге влияло на качество. При анализе уровня стресса переводчиков, работающих офлайн и онлайн, отмечалось, что в начале первой смены обе группы показывали одинаковый уровень стресса. Разница слегка возрастала в конце первой смены перевода. В то время как наблюдения за уровнем стресса в начале последней смены показали, что уровень стресса оказывался выше у тех, кто переводил онлайн. Интересные данные касаются личного восприятия стресса. Работая дистанционно, переводчики отмечали его более высокий уровень.

Можно определить такие разновидности перевода в онлайн-режиме, как полностью удаленный перевод и гибридный удаленный перевод.

В первом случае переводчик работает из дома или другого помещения, в то время как мероприятие проводится в удаленном или в офлайн-формате. Переводчик взаимодействует с заказчиком посредством цифровой платформы с функцией синхронного перевода. В данном случае переводчик и заказчик не имеют возможности контролировать ни скорость, ни качество звука, ни остальные технические аспекты.

В случае гибридного удаленного перевода переводчик работает из специально оборудованного для онлайн-конференц-перевода помещения – так называемого переводческого центра (Interpretation Hub). Там он работает в привычных условиях с использованием обычного оборудования – кабины и пульта. При этом организация технического обеспечения процесса перевода и контроль за функционированием оборудования осуществляются специальным персоналом. Для приема и передачи звука и изображения используется одна из проверенных цифровых платформ. Участники мероприятия могут находиться в разных местах и подключаться онлайн.

Накануне проведения мероприятия организатор проводит тестирование с участием спикеров и переводчиков для проверки возможности онлайн-подключения, качества звука и возможности делиться демонстрационными материалами. В ходе тестирования переводчики должны выяснить все технические детали, назначение функций, предлагаемых в используемой платформе, проверить качество звука и возможность перевода в обе стороны. Это необходимо, чтобы во время мероприятия чувствовать себя уверенно, не отвлекаться на технические проблемы и сосредоточиться на переводе.

Очный синхронный перевод может проходить и в комбинированном режиме, т. е. включать в себя элементы онлайн-перевода. Переводчик работает в кабине непосредственно на месте проведения мероприятия, при этом часть ораторов присутствует очно и слушает перевод при помощи обычного оборудования – приемников с наушником, а часть выступает дистанционно, подключаясь к мероприятию при помощи одной из платформ и с ее же помощью слушая перевод[1].

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ И ПРИЛОЖЕНИЯ ДЛЯ ОНЛАЙН-ПЕРЕВОДА

Переводчик, работающий в удаленном режиме, обеспечивает взаимодействие собеседников, находящихся в разных местах. Для организации качественного онлайн-перевода и создания комфортных условий для переводчика прежде всего необходимо предусмотреть отдельное помещение и подключиться для онлайн-перевода к выбранной платформе (Zoom, Kudo, Google Meet, Microsoft Teams, Cisco Webex, Skype, Interprefy, Speakus, Verspeak).

[1]Moser-Mercer B. Remote Interpreting: Assessment of Human Factors and Performance Parameters // International Telecommunication Union-Ecole de Traduction et d'Inerpretation Joint Project. 2003. URL: https://aiic.org/document/516/AIICWebzine_Summer2003_3_MOSER-MERCER_Remote_interpreting_Assessment_of_human_factors_and_performance_-arameters_Original.pdf

Zoom в настоящее время одна из самых популярных платформ для онлайн-конференц-перевода. Эта платформа со встроенной функцией удаленного синхронного перевода используется на встречах, переговорах, вебинарах и конференциях, проходящих как онлайн, так и в гибридном формате, т. е. офлайн-конференций с возможностью подключиться по ссылке для участников, у которых нет возможности присутствовать очно. Она проста в использовании как для переводчиков, которым достаточно подключиться и переключать язык, на который осуществляется перевод, так и для слушателей, которым для прослушивания перевода следует выбрать соответствующий канал. В обновленной версии Zoom предусмотрена возможность подключения функции реле. К недостаткам этой платформы следует отнести отсутствие нескольких важных функций, таких как невозможность контролировать момент переключения микрофона при работе в паре, поскольку сменяющие друг друга переводчики не имеют возможности слышать перевод коллеги. Для координации работы и своевременного переключения они используют мессенджеры или дополнительное устройство в качестве резервного канала связи – ноутбук или планшет, с которого также подключаются к конференции.

Kudo является как платформой для проведения мероприятий, так и платформой для дистанционного синхронного перевода. Так же, как и Zoom, не требует подключения сторонних сервисов. Она поддерживает функцию «поделиться экраном», предусмотрен интерфейс для участников и переводчиков. Основной недостаток такой же, как и у Zoom, – переводчик не имеет возможности слышать коллегу, поэтому приходится прибегать к использованию дополнительного оборудования.

Google Meet за короткое время стала одной из наиболее используемых платформ для онлайн-перевода. Относительная простота использования делает ее удобной в режиме последовательного перевода, однако в силу технических причин она пока не вполне приспособлена для синхронного перевода.

Microsoft Teams – платформа, обеспечивающая возможность перевода на 16 языков мероприятий с количеством участников до 1 тыс. человек. У этой платформы предусмотрена возможность только одностороннего перевода, поэтому может потребоваться больше переводчиков.

Cisco Webex – популярная платформа для проведения мероприятий в режиме онлайн, распространенная во многих странах мира. В ней предусмотрен целый ряд функций для осуществления дистанционного синхронного перевода. К недостаткам можно отнести ограничение количества участников.

Interprefy – платформа для проведения конференций и обеспечения дистанционного синхронного перевода. Для этой цели может использоваться как самостоятельно, так и со сторонними программами, такими как: Zoom, Skype, Webex, Microsoft Teams и др. Имеет более интуитивный по сравнению с Kudo интерфейс. Есть функция реле. В данной платформе предусмотрена возможность слышать напарника, переписываться с ним в отдельном чате, что делает ее удобной для работы в паре.

Skype – популярная и широко используемая во всем мире платформа для конференц-связи. Пока в ней не предусмотрены специальные функции для осуществления онлайн-перевода (выделенные языковые каналы, обозначения для переводчиков), поэтому при использовании требуется подключение таких сторонних инструментов, как, например, сервисы Verspeak и Speakus.

Verspeak и **Speakus** – сервисы для синхронного перевода онлайн с необходимостью использования дополнительных программ, например, Skype. В данных сервисах переводчики могут слышать и видеть друг друга, для чего предусмотрено специальное окно. Рекомендуется заранее проверить все детали подключения, так как эти сервисы могут быть несовместимы с некоторыми браузерами.

Безусловно, дистанционный синхронный перевод на соответствующих платформах, по возможностям уступает синхронному переводу в офлайн-режиме.

УСЛОВИЯ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ КАЧЕСТВЕННОГО КОНФЕРЕНЦ-ПЕРЕВОДА В ОНЛАЙН-ФОРМАТЕ

Что следует предусмотреть для обеспечения комфортных условий работы и осуществления качественного перевода в режиме онлайн? Прежде всего, переводчику необходимо предусмотреть отдельное, изолированное рабочее место и стабильное высокоскоростное интернет-соединение. Лучше всего использовать дополнительный компьютер, ноутбук или планшет, чтобы иметь возможность просматривать презентации или справочные материалы. Чтобы обеспечить надлежащее качество входящего и исходящего звука переводчик должен иметь качественную гарнитуру со встроенным высокочувствительным микрофоном с шумоподавлением. Следует заранее зарядить телефон и планшет, а ноутбук подключить к сети, чтобы он не отключился в самый неподходящий момент.

Идеальные условия для работы конференц-переводчика подразумевают наличие кабины с шумоизоляцией, профессиональное оборудование (пульт, наушники, микрофон) и, разумеется, прямой контакт с коллегой для координации работы. Должна быть также предусмотрена возможность видеть демонстрационные материалы в зале или на экране монитора. Очевидными преимуществами синхронного перевода в режиме офлайн является более высокая скорость реагирования, интерактивность (особенно в части вопросы – ответы), отсутствие возможных помех и потери времени вследствие задержки доставки сигнала через платформу. Однако современные технологии и их постоянное совершенствование позволяют значительно приблизиться к качеству синхронного перевода в режиме офлайн.

Если конференц-переводчик испытывает недостаток визуальной информации (при отсутствии возможности наблюдать за мимикой и жестикуляцией оратора), у него может возникнуть состояние отчуждения, что отрицательно сказывается на его психике и в конечном итоге на результате его работы [Mouzourakis, 2006]. Поэтому чрезвычайно важно хорошо видеть и слышать выступающего и иметь возможность видеть используемый им во время выступления демонстрационный материал (презентации, иллюстрации, графики и схемы). Поскольку не все платформы предусматривают возможность делать это с одного устройства, переводчику, работающему дистанционно, следует предусмотреть использование второго компьютера, ноутбука или планшета для просмотра материалов, демонстрируемых спикером. Стабильный и качественный звук – главное условие хорошего онлайн-перевода. Осведомленность об этих проблемах позволит избежать их и успешно провести любое мероприятие с переводом в онлайн-режиме.

Для обеспечения хорошего качества звука, поступающего переводчику, спикеру необходимо соблюдать нескольких основных правил:

- использовать хороший внешний микрофон вместо встроенного;
- ни в коем случае не использовать поверхностный микрофон («лягушку»);
- отключить посторонние программы на своих устройствах;
- использовать наушники вместо колонок;
- зарядить используемые устройства, если они работают не от сети.

Воздействие, которое онлайн-перевод оказывает на здоровье переводчиков не ограничивается последствиями для психики, они влияют также и на слух. Многие переводчики обращают внимание на этот фактор. В качестве примера можно привести исследование акустических травм, проведенное AIIC (Association international des interprètes de conférence).

Проблемы, связанные с влиянием работы на здоровье переводчиков, продолжали оставаться актуальными и в связи с началом пандемии и последовавшим ростом использования технологий удаленного перевода. Психологические проблемы обусловлены самой спецификой данного вида работы и решаются не так просто, в то время как проблемы, относящиеся к физическому здоровью, связаны с техническими факторами и уровнем технологии, поэтому могут быть решены.

Несмотря на быстрое развитие технологий дистанционного перевода в период пандемии COVID-19, проблемы качества звука продолжают оставаться актуальными. По мнению переводчика и специалиста по проблемам голоса и качеству звука Андреа Каньято[1], вредное воздействие на слух оказывается не только акустическими травмами, но и звуком плохого качества, чему до сих пор не уделяется должного внимания. Он считает, что длительное воздействие звука ненадлежащего качества, например, 7 часов в день, приводит к нарушению функционирования мышц среднего уха, что может вызывать повышенную чувствительность к обычным звукам, которые обычно не представляют угрозы для слуха.

Одним из факторов, препятствующих получению качественного звука во время перевода в режиме онлайн, является не столько недостаточный уровень технологий, сколько ошибочные мнения о качестве звука и платформ для перевода, распространенные среди переводчиков. Прежде всего это ошибочная оценка качества звука, поскольку многие считают, что достаточно понимать высказывание, чтобы считать звук хорошим, в то время как процесс слушания должен быть приятным и беспрепятственным. Некоторые платформы для дистанционного синхронного перевода экономят на широкополосном Интернете и стоимости сервера, что приводит к ухудшению звукового сигнала за счет удаления естественных частот тембра голоса. Нередко используются микрофоны плохого качества, а ораторы выступают на конференции, находясь в шумном месте. Звук при этом достаточно громкий и различимый, но звучит неестественно. Это требует от переводчика больших усилий для перевода выступлений спикеров.

По мнению некоторых нейропсихологов, звук плохого качества представляет не только конкретную опасность для слуха, но и требует от

[1]Caniato A. RSI Sound Myth Buster // Ten Misconceptions that Result in RSI Sounding Terrible. 2020, 26 June. URL: https://aiic.org/site/blog/RSI-sound-myth-buster

переводчика дополнительных усилий на когнитивном уровне. Действительно, попытка понять содержание высказывания при плохом качестве звука влияет на другие мыслительные процессы, такие как память и формулирование мысли. Это способствует повышению уровня стресса у переводчиков, который сказывается на их психическом здоровье, что является и дополнительным фактором возникновения чувства отчуждения, на что жалуются многие переводчики. Для сохранения здоровья переводчиков и повышения качества переводческих услуг Мэтью Болл рекомендует развивать технологии дистанционного перевода, повышая как качество звука, так и уровень интернет-связи и аппаратного обеспечения. Кроме того, необходимо убеждать переводческие компании и заказчиков в том, что качественное функционирование технологий удаленного синхронного перевода обеспечивает добавленную стоимость участию в мероприятии и способствует сохранению здоровья переводчиков [Ball, 2021].

По мнению Е. С. Краснопеевой, «дальнейшие изменения в отрасли, вероятно, в ближайшие годы придадут импульс и исследованиям в области переводческой практики» [Краснопеева, 2021, с. 147].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благодаря развитию технологий, повышению скорости Интернета и улучшению качества связи открылись возможности для распространения новых способов организации перевода, позволяющих не зависеть от расстояний, которые разделяют как участников мероприятий, так и переводчиков. Пандемия COVID-19 способствовала ускорению этого процесса. Как отмечает Е. С. Краснопеева, «с повсеместным распространением технологий укрепляется представление о дистанционном переводе не как о мере, применяемой *in extremis*, а как о полноправной замене традиционных видов перевода» [Краснопеева, 2021, с. 159].

Современные технологии обеспечивают качественный перевод без необходимости физического присутствия переводчика в месте проведения конференций, однако для качественного предоставления переводческих услуг необходимо обеспечить надлежащие технические условия. На сегодняшний день устный онлайн-перевод стал повседневной реальностью и используется на всевозможных мероприятиях. Он, безусловно, по ряду параметров уступает переводу в очном формате, тем не менее можно отметить не только недостатки, но и достоинства этой разновидности устного перевода. К достоинствам можно отнести: возможность организации мероприятий нового типа, объединяющих участников из любой точки мира без необходимости их очного участия; экономия на аренде оборудования для синхронного перевода; работа переводчика из дома без необходимости приезжать в место проведения мероприятия. Среди недостатков можно упомянуть следующие: отставание доставки звукового сигнала по сравнению с офлайн-переводом; отсутствие возможности слышать коллегу и необходимость использовать дополнительные устройства (проблема уже решена в некоторых платформах); персональные вложения переводчика для оборудования рабочего места; увеличение времени устранения возможных технических неполадок.

Онлайн-перевод является эффективным способом преодоления языкового барьера и физических расстояний, поскольку предоставляет возможности осуществлять перевод, не пересекая границ. Ставший возможным благодаря достижениям технического прогресса, устный перевод онлайн становится всё более востребованным для организации мероприятий, проводящихся как в очном формате, так и в режиме онлайн. Тем не менее хочется надеяться, что синхронный перевод в офлайн-формате также вскоре вернет свое заслуженное место, и оба формата будут развиваться параллельно и использоваться организаторами, исходя из параметров наибольшего удобства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексейцева Т. А. и др. Профессиональная подготовка переводчиков в новой реальности: новые вызовы и новые компетенции / Т. А. Алексейцева, Н. О. Магнес, Е. П. Иванова, М. В. Корышев // Древняя и новая Романия. 2020. № 26. С. 260–271.
2. Spinolo N., Amato, A. Technology in Interpreter Education and Practice : Introduction // inTRAlinea. Special Issue. Technology in Interpreter Education and Practice. 2020. URL: https://www.intralinea.org/index.php/specials/article/2520.
3. Mouzourakis P. Remote Interpreting, a Technical Perspective on Recent Experiments // Interpreting International Journal of Research and Practice in Interpreting. 2006. Vol. 8(1). P. 45–66.

4. Ball M. Distance Interpreting and the Risk of Alienation // A 100 years of Conference Interpreting / ed. by K. G. Seeber. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2021. P. 262–269.
5. Краснопеева Е. С. Дистанционный устный перевод: терминология, таксономия и ключевые направления исследования // Научный диалог. 2021. № 11. С. 143–167.

REFERENCES

1. Alekseitseva, T. A., Magnes, N. O., Ivanova, E. P., Koryshev, M. V. (2020). Professional training of translators in the new reality: new challenges and new competencies. Ancient and New Romania, 26, 260–271. (In Russ.)
2. Spinolo, N., Amato, A. (2020). Technology in Interpreter Education and Practice : Introduction. inTRAlinea. Special Issue. Technology in Interpreter Education and Practice. https://www.intralinea.org/index.php/specials/article/2520.
3. Mouzourakis, P. (2006) Remote Interpreting, a Technical Perspective on Recent Experiments, Interpreting International Journal of Research and Practice in Interpreting, 8(1), 45–66.
4. Ball, M. (2021). Distance Interpreting and the Risk of Alienation. In Seeber, K. G. (ed.), A 100 years of Conference Interpreting (pp. 262–269). Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing.
5. Krasnopeeva, E. S. (2021). Distance Interpreting: Terminology, Taxonomy, and Key Directions of Research. Nauchnyi dialog, 11, 143–167. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дадыко Андрей Владимирович
старший преподаватель кафедры итальянского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dadyko Andrei Vladimirovich
Senior lecturer at the Department of the Italian Language
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	09.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'42

Образный компонент метафоры в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений В. В. Путина)

А. Б. Елизаров

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
alelizarov@yandex.ru.

Аннотация. Статья представляет собой исследование степеней образности метафор в политическом дискурсе на материале публичных выступлений В. В. Путина. Автором рассматриваются три степени образности метафор по частотности их объективации в дискурсе и силе образного компонента. По результатам исследования были сделаны выводы о том, что наиболее частотно репрезентированной группой являются узуальные метафоры, по силе образного компонента в политическом дискурсе выделяются окказиональные метафоры.

***Ключевые слова*:** метафора, политический дискурс, степени образности метафоры, узуальная метафора, окказиональная метафора, «мертвая» метафора

***Для цитирования*:** Елизаров А. Б. Образный компонент метафоры в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений В. В. Путина) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 41–47.

Original article

The Figurative Component of Metaphor in Political Discourse (based on V. V. Putin's public speeches)

Aleksandr B. Elizarov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
alelizarov@yandex.ru

Abstract. The article represents a study of the degrees of imagery of metaphors in political discourse (based on V. V. Putin's public speeches). The author considers three degrees of imagery of metaphors according to the frequency of their objectification in discourse and the strength of the figurative component. According to the results of the study, the conclusions were made that the most frequently represented group is the usual metaphors, the occasional metaphors are distinguished as the strongest in accordance with the figurative component in political discourse.

***Keywords*:** metaphor, political discourse, degrees of metaphor imagery, usual metaphor, occasional metaphor, «dead» metaphor

***For citation*:** Elizarov, A. B. (2024). The figurative component of metaphor in political discourse (on public speeches of V. V. Putin). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 41–47. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Риторика современного политического дискурса насыщена примерами метафор различной степени образности. В связи с этим интерес исследования данного явления с точки зрения его репрезентации и функционирования в речи политиков не ослабевает среди ученых-лингвистов. Кроме того, как справедливо отмечают исследователи метафор Дж. Лакофф и М. Джонсон «Метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [Лакофф, 1990, с.387].

Можно говорить о том, что метафоризация присутствует во всех сферах человеческой деятельности, метафорической экспансии так или иначе подвержены разные виды дискурса. Принимая во внимание всесторонний охват метафорой языковых аспектов, можно выделить тот факт, что она выступает неким средством познания и вербализации окружающей действительности. Более того, по мнению Н. Ю. Чечиной, «метафора представляет собой квинтэссенцию универсального и специфичного, поскольку, с одной стороны, является орудием познания и мышления, а, с другой – опирается на национально-культурное мировоззрение человека» [Чечина, 2023, с. 105].

МЕТАФОРА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Метафора является важным инструментом языка, особенно в политическом дискурсе, где она служит для формирования и утверждения определенных идей, ценностей и убеждений. Образный компонент метафоры играет значительную роль в политической коммуникации, поскольку обогащает и усиливает политическую риторику, делая ее более эмоциональной и образной, а также помогает сформировать определенные политически выгодные ассоциации и представления у потенциальной целевой аудитории.

Исследование метафоры, ее особенностей и функционирования в дискурсе представляет большой интерес для ученых-лингвистов. Среди ученых, которые посвятили свои труды изучению данного феномена, отметим Н. Д. Арутюнову, М. Блэка, Э. В. Будаева, М. Джонсона, И. М. Кобозеву, Дж. Лакоффа, Г. Н. Скляревскую, А. П. Чудинова и др.

В связи с тем что изучение метафоры в современной политической риторике требует всестороннего рассмотрения вопроса, считаем необходимым придерживаться понятия «политический дискурс», предложенного Е. А. Шейгал, которая отмечает, что политическая коммуникация в широком смысле включает «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал, 2000, с. 34].

Анализируя метафору в нашей работе, мы придерживаемся определения Н. Д. Арутюновой: метафора представляет собой троп или фигуру речи, которая состоит в «употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений, действий или признаков для характеристики или номинации другого объекта, сходного с данным в каком-либо отношении. Метафора предполагает использование слова не в его прямом значении, вследствие чего происходит преобразование его смысловой структуры»[1]. Именно модификация смыслового значения, которая связана с воздействием на денотат и создает семантическую двуплановость, присуща метафоре.

В политическом дискурсе наряду с медийным дискурсом «эффективность доставки сообщения адресату определяется не только обращением к социальной проблематике, но и правильным соотнесением избранной темы с когнитивным планом декодирования сообщения реципиентом» [Романтовский, Шенлебен, 2023, с. 90]. Таким образом, раскрываемость метафорического смысла происходит уже на этапе продуцирования высказывания.

Говоря о политическом дискурсе, отметим, что метафоры часто используются для создания образов и символов, которые становятся ключевыми элементами политической коммуникации. Например, метафорическое выражение «камень преткновения» образно указывает на проблему или спорный вопрос, который создает затруднения для достижения цели или развития процесса. Такие метафоры способны мобилизовать общественное мнение, персонифицировать политические идеи и даже создавать некоторые стереотипы.

Важно отметить, что метафоры в политическом дискурсе также могут использоваться для создания эмоциональной реакции у аудитории. Так, метафора «стена» в политике может быть использована для воздействия на эмоциональный компонент слушателей, ассоциируясь с идеей безопасности или разделения. Более того, метафоры в политическом дискурсе способны структурировать и упорядочивать сложные политические концепции, делая их более доступными для широкой аудитории. Например, метафора «коридор власти» может представлять сложные политические процессы в виде простого и понятного образа для широкой публики.

[1]Арутюнова Н. Д. Метафора // БЭС. Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 316.

МАТЕРИАЛ, ЦЕЛЬ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования в нашей работе послужили опубликованные выступления Президента Российский Федерации В. В. Путина в период с 2020 по 2023 годы. При исследовании фактического материала было выделено 356 метафор для проведения последующего анализа.

Проводимый в работе анализ основывается на ряде методов, который был применен в рамках комплексного подхода к изучению исследуемого нами феномена. Так, метод сплошной выборки был использован для сбора практического материала, методы компонентного и контекстуального анализа с целью их дальнейшей классификации, описательно-аналитический метод был применен в исследовании для характеристики изучаемых метафорических единиц.

Целью нашего исследования полагаем определение характера метафор политического дискурса на материале публичных выступлений В. В. Путина в соответствии со степенями образности. На наш взгляд, образный компонент метафоры играет важную роль в политическом дискурсе, помогая политикам устанавливать связи с аудиторией, формировать общественное мнение и передавать сложные идеи и ценности через эффективное использование речевых приемов. В ходе исследования нами были выделены категории метафор по степени образности, объективирующиеся в политическом дискурсе: образные и устоявшиеся, или так называемые «мертвые», метафоры.

СТЕПЕНИ ОБРАЗНОСТИ МЕТАФОР В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Вслед за В. П. Москвиным, базируясь на целостности внутренней формы, мы выделяем две группы метафор, где образные метафоры характеризуются семантической двуплановостью, а устоявшиеся метафоры, как правило, являются носителями исключительно семантического значения и выполняют номинативную функцию [Москвин, 2004]. В свою очередь, образные метафоры можно разделить на две подгруппы метафор – узуальные и окказиональные. В проводимом нами анализе мы выделяем 356 метафорических единиц, среди которых образные метафоры составляют 320 единиц, где на узуальные приходится 175 единиц анализа, окказиональные метафоры составляют 145 единиц, на долю «мертвых» метафор приходится 36 единиц, что составляет наименьшую группу. Рассмотрим каждую из них более подробно.

Узуальные метафоры

Под узуальными метафорами понимаются «метафоры либо общеупотребительные, либо получившие распространение в одной из функциональных подсистем языка: в том или ином языке для специальных целей» [там же, с. 133]. Можно говорить о том, что узуальная метафора имеет некую устоявшуюся сущность, в связи с которой повышается ее доступность для понимания целевой аудиторией. Это объясняет наибольшую степень объективации данной метафоры в политическом дискурсе, где особенно важно донести для реципиента смысл высказывания, чтобы в дальнейшем было принято политически выгодное решение. В зависимости от самой коммуникативной потребности узуальная метафора характеризуется общеизвестностью и максимальной доступностью для носителей определенной лингвокультуры. Данный тип метафор способен восприниматься носителем языка автоматически, не требуя тех или иных пояснений, а также свободно воспроизводиться. Проанализируем некоторые примеры узуальных метафор.

Приведем пример, где фигурирует, ставшая уже классической в политическом дискурсе узуальная метафора «театр военных действий»:

> США и НАТО приступили к беззастенчивому освоению территории Украины как ***театра*** потенциальных ***военных действий***[1].

Военная метафора довольно часто репрезентируется в текстах, содержащих политическую риторику, и имеет особый статус. Это во многом обусловлено тем, что современная политика так или иначе связана с информационной войной. В приведенном примере клишированная метафора «театр военных действий» представляет войну как некое театральное действие, у которого существуют не только актеры, в данном случае непосредственные участники конфликта, но и потенциальные зрители.

Еще один пример узуальной метафоры, которая относится к фрейму «театр», можно продемонстрировать, обратившись к следующему высказыванию:

> Устойчивой государственности на Украине так и не сложилось, а политические, выборные процедуры служат лишь прикрытием, ***ширмой для передела власти*** и собственности между различными олигархическими кланами.

[1]Зд. и далее примеры приводятся по электронному ресурсу. – *А. Е.* URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/67828

Так, под ширмой, прямым значением которой является перегородка, разделяющая пространства, в приведенном примере подразумевается некое прикрытие неблаговидных действий.

Следующий пример демонстрирует, как не всегда доступные для восприятия действия могут быть осмыслены путем проведения корреляций с известными предметами и явлениями:

> В середине 1980-х годов на фоне нарастающих социально-экономических проблем, очевидного кризиса плановой экономики национальный вопрос, сутью которого были не какие-то ожидания и несбывшиеся чаяния народов Союза, а прежде всего ***растущие аппетиты*** местных элит, всё более обострялся.

В данном случае таким известным действием выступила метафора «растущие аппетиты», которая по своему прямому значению относится к физиологическим процессам, однако в приведенном примере отражает возрастающую алчность и желание нажиться.

В некоторых высказываниях присутствует целый кластер узуальных метафор, которые, объективируясь в одном предложении, способствуют усилению эмфазы политического высказывания:

> Совершив государственный переворот, националисты и те политические силы, которые их поддерживали, окончательно ***завели*** ситуацию ***в тупик***, ***столкнули*** Украину ***в бездну гражданской войны***. Спустя восемь лет после тех событий ***страна расколота***.

Анализируя приведенный выше пример, необходимо отметить сразу три узуальные метафоры «завести в тупик», «столкнуть в бездну», «страна расколота», которые, по сути, создают своего рода метафорическую градацию, наращивание драматической атмосферы, которая позволяет продемонстрировать масштаб проблемы. Градация в данном примере является довольно динамической, это обусловлено тем, что первые две метафоры имеют значение действия, в то время как последняя уже указывает на результат.

Узуальная метафора политического дискурса публичных выступлений В. В. Путина имеет наибольшее распространение, что говорит о ее главенствующей роли среди классификации метафор по степени образности. Такой показатель характеризуется общедоступностью и известностью объективируемых предметов или явлений для потенциального адресата, что способствует достижению максимального осмысления воспроизводимого высказывания.

Окказиональные метафоры

Следующей выделенной нами подгруппой метафор, имеющих образный компонент, является окказиональная метафора, которая в нашем исследовании представлена 145 единицами, и занимает второе место по частотности репрезентации в дискурсе. Окказиональные метафоры также характеризуются уникальным индивидуально-авторским компонентом, так как существуют исключительно в рамках того контекста, в котором объективируются в данный момент. В связи с этим, можно говорить о том, что в отличие от узуальных метафор, которые доступны для понимания представителями той или иной лингвокультуры в связи со своим устоявшимся статусом, окказиональные метафоры не являются до конца освоенными системой языка и потому иногда требуют пояснения. Этим объясняется их не столь частая объективация в политическом дискурсе по сравнению с узуальной метафорой. Рассмотрим некоторые примеры узуальных метафор в политическом дискурсе.

> ***Бацилла националистических амбиций*** никуда не делась, а изначально ***заложенная мина***, ***подрывающая государственный иммунитет*** против ***заразы национализма***, только ждала своего часа. Такой миной, повторю, было право выхода из СССР.

Приведенный пример демонстрирует целый ряд окказиональных метафор, объективирующихся в одном предложении. Автор в приведенном высказывании обращается к сферам «здоровье» (*бацилла, иммунитет, зараза*) и атрибутам, относящимся к сфере «война» (*заложенная мина*). Так, из примера видно, что окказиональные метафоры, действительно являются нетривиальными и не позиционируются в тексте как классические клишированные элементы, они имеют индивидуально-авторскую нагрузку и порождены текущим контекстом коммуникативной ситуации. Это говорит о их большей экспрессивно-выразительной, эмотивной нагрузке, нежели у узуальных, а тем более «мертвых» метафор.

Следующий пример демонстрирует схожую с вышеприведенным высказыванием окказиональную метафору:

> Им оказывалось нетрудно раз за разом навязывать свою волю слабой власти, которая сама была ***поражена вирусом национализма и коррупции*** и искусно подменяла истинные культурные, экономические, социальные интересы народа…

Комментируя данный пример, можем отметить, что автор цитаты вновь обращается к субсфере

«здоровье», репрезентируя метафору «вирус национализма и коррупции».

В процессе анализа метафор мы отметили, что некоторые из окказиональных метафор в политическом дискурсе могут повторяться. Таким образом, нами был сделан вывод о том, что подобные повторы авторских метафор могут свидетельствовать о том, что некоторые окказиональные метафоры с течением времени приобретают статус узуальных, фиксируясь в языке и культуре. Это объясняется тем, что, повторяясь несколько раз, метафора закрепляется в лингвокультуре и становится доступной для понимания широкой аудитории, т. е. приобретает статус устоявшейся сущности.

Проанализируем следующий пример окказиональной метафоры:

> Подлетное время до Москвы крылатых ракет «Томагавк» составит менее 35 минут, баллистических ракет из района Харькова – 7–8 минут, а гиперзвуковых ударных средств – 4–5 минут. Это называется, прямо «***нож к горлу***».

В приведенной цитате метафора «нож к горлу» служит показателем прямой угрозы, которую создает описываемая в тексте ситуация. Уникальность репрезентируемой метафоры заставляет потенциального реципиента острее чувствовать опасность, исходящую от данных действий.

Приведем еще один пример:

> Коррупция, которая, без сомнения, является вызовом и проблемой для многих стран, в том числе и для России, на Украине приобрела какой-то уже особый характер. Она буквально ***пропитала***, ***разъела*** украинскую ***государственность***.

Употребление метафоры «пропитать и разъесть государственность» создает у адресата прямые ассоциации с неким едким химическим веществом, которое как кислота разъедает предметы. В данном примере таким веществом является коррупция, которая согласно тексту, пагубно влияет на государственные устои страны, медленно, но верно разрушая их.

Проанализировав образный компонент окказиональных метафор в политическом дискурсе, можем сделать вывод о том, что данный тип метафор в связи с наличием авторской отнесенности характеризуется большей эмотивностью и экспрессивной выразительностью. Это говорит о том, что метафоры данной группы используются автором в тех ситуациях, когда следует создать максимальный акцент на том или ином явлении. Кроме того, исходя из проведенного анализа, отмечаем, что некоторые окказиональные метафоры могут повторяться и с течением времени переходить в разряд узуальных и, фиксируясь в лингвокультуре, приобретать статус общеупотребительных.

«Мертвые» метафоры

«Мертвые», или устоявшиеся, метафоры характеризуются отсутствием образного компонента, не имеют той метафорической выразительности, которая присуща группе образных метафор. «Мертвые» метафоры давно утратили свою двуплановость и имеют лишь семантическое значение. Согласно нашему исследованию, в политическом дискурсе они составляют наименьшую по объективации группу, на них приходится 36 примеров.

«Мертвые» метафоры в политическом дискурсе, как правило, относятся к номинации политических явлений (партийные ряды, инструменты удержания власти):

> А затем и вовсе ***пошли проторенной*** на заре создания СССР ***дорожкой*** удовлетворения амбиций националистических элит, выращенных в собственных ***партийных рядах***, позабыв при этом, что ***в руках у КПСС*** нет уже, да и слава богу, таких ***инструментов удержания власти*** и самой страны, как государственной террор, диктатура сталинского типа.

Кроме того, в приведенном примере присутствует метафора «путь» (*пройти проторенной дорожкой*), которая не только демонстрирует вектор движения, но и наименьшую степень трудности движения по заданному пути. Мы также наблюдаем, что приведенный пример изобилует наличием метафор разной степени образности, вместе с «мертвыми» метафорами, там присутствуют узуальные (*на заре создания*, *быть в руках у кого-либо*).

Следующие примеры также содержат «мертвые» метафоры:

> …реальный суверенитет Украины разного рода спекуляциями на ***национальной почве*** и внешней этнографической атрибутикой», «всю систему, все ***ветви власти***.

В приведенных выражениях *на национальной почве* и *ветви власти* не осталось образного компонента, потенциальный реципиент воспринимает лишь их семантическое значение.

Примеры проанализированных нами «мертвых» метафор в политическом дискурсе объективируются практически в качестве терминологических единиц, а значит, выполняют исключительно номинативную функцию. Некоторые из приведенных примеров

стали неотъемлемой частью политического дискурса и полностью утратили свою образность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение представляется немаловажным отметить, что наличие образного компонента в метафоре является важным фактором для создания убедительного высказывания в политическом дискурсе. В проведенном исследовании нами было выявлено, что доминантной группой метафор по степени образности выступает узуальная метафора. Это объясняется тем, что метафоры данной группы позволяют передать сложные политические идеи в доступной форме, активизировать эмоциональную составляющую аудитории и создать общий смысловой фон между адресатом и адресантом. Второй по частотности репрезентации является группа окказиональных метафор, которые отличаются большей эмотивностью и меньшей тривиальностью, так как не имеют строгой закрепленности в лингвокультуре. Они помогают установить эмоциональную связь с аудиторией, вызывая ее сочувствие или поддержку, а в некоторых случаях и негативную реакцию. Метафоры, с присущим им образным компонентом, позволяют создавать эффектную риторику и убеждающие сообщения, воздействуя на подсознание потенциального реципиента. В свою очередь, наименьшей по частотности объективации группой выступает группа «мертвых» метафор, которые, утратив свою двуплановость, в политическом дискурсе выполняют номинативную функцию.

Таким образом, можно говорить о том, что степени образности метафоры играют немаловажную роль в политическом дискурсе, помогая политикам устанавливать связи с аудиторией, формировать общественное мнение и передавать сложные идеи и ценности через эффективное использование языка. Образные компоненты метафоры в политическом дискурсе часто используются для передачи сложных политических и социальных идей. Кроме того, образный компонент метафоры в политическом дискурсе служит для убеждения аудитории в правильности принятия политического решения, подчеркивая позицию того или иного решения.

На наш взгляд, данное исследование представляет новые перспективы в сфере политической риторики и способствует расширению нашего понимания влияния образных компонентов метафоры на политический дискурс. Перспективу дальнейших исследований мы видим в рассмотрении степеней образности метафоры в личностных дискурсах политиков и исследовании данного явления в других дискурсах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. Чечина Н. Ю. Метафоризация экономической лексики в медиадискурсе современного китайского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 104–110.
3. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
4. Романтовский А. В., Шёнлебен М. М. Сферы-источники и специфика употребления концептуальной метафоры в медиатекстах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 89–95.
5. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры: терминологический словарь-справочник. М.: УРСС, 2004.

REFERENCES

1. Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. (1990). Metaphors we live by. Moscow: Teoriya metafory. (In Russ.)
2. Chechina, N. Yu. (2023). Metaphorization of economic terms in the media discourse of the modern Chinese language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 104–110. (In Russ.)
3. Shejgal, E. I. (2000). Semiotika politicheskogo diskursa = The semiotics of political discourse: PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)
4. Romantovskij, A. V., Shyonleben, M. M. (2023). Spheres-Sources and Specifics of Use of Conceptual Metaphor in Media Texts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13 (881), 89–95. (In Russ.)
5. Moskvin, V. P. (2004). Vyrazitelnye sredstva sovremennoj russkoj rechi: tropy i figury = Expressive means of modern Russian speech. Tropes and figures: terminological dictionary. Moscow: URSS. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елизаров Александр Борисович
старший преподаватель
кафедры переводоведения и практики перевода английского языка
переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elizarov Aleksandr Borisovich
Senior Lecturer
at the Department of Translation Studies and Translation and Interpreting (the English Language)
the Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	19.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'25

Оценка качества перевода как вид интеллектуальной деятельности и методы ее исследования

Е. А. Княжева

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
knel@cs.vsu.ru

Аннотация. В статье представлен подход к исследованию оценки качества перевода, рассматриваемой как вид интеллектуальной деятельности, изучение и описание которой осуществляется с использованием методов моделирования. Результаты экспериментального исследования оценочной деятельности в сфере индустриального перевода, проведенного с помощью метода структурно-функционального моделирования, позволяют составить представление об основных этапах и действиях оценивающей стороны, а также об объективных и субъективных факторах, влияющих на процесс принятия решения о качестве перевода.

Ключевые слова: оценка качества перевода, результат оценки, процесс оценки, моделирование интеллектуальной деятельности, индустриальная сфера перевода, структурно-функциональное моделирование

Для цитирования: Княжева Е. А. Оценка качества перевода как вид интеллектуальной деятельности и методы ее исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 5 (886). С. 48–55.

Original article

Translation Quality Assessment as a Type of Intellectual Activity and Methods of Its Research

Yelena A. Knyazheva

Voronezh State University, Voronezh, Russia
knel@cs.vsu.ru

Abstract. The paper presents an approach to the analysis of translation quality assessment as a type of intellectual activity which is studied by means of modeling methods. The results of our experimental study of translation assessment in the translation industry carried out using the structural-functional modeling technology, allowed us to outline the main stages and operations performed by the assessment actor, as well as the objective and subjective factors governing the process of decision making.

Keywords: translation quality assessment, assessment result, assessment process, modeling of intellectual activity, translation industry, structural-functional modeling

For citation: Knyazheva, Ye. A. (2024). Translation quality assessment as a type of intellectual activity and methods of its research. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 47–55. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Оценка качества перевода (*далее* ОКП) относится к одной из вечных проблем переводоведения, актуальность которой неуклонно возрастает по мере появления новых видов и форматов перевода. В теоретическом отношении изучение проблемы ОКП осложняется достаточно широким разбросом мнений в области ее концептуального содержания. Это получает непосредственное отражение и на практике, когда одни и те же переводы оцениваются по-разному в силу того, что точка зрения оценивающей перевод стороны обусловлена влиянием конвенциональной нормы и научной парадигмы, а также соответствующей интерпретационной позицией эксперта. Наблюдаемые различия во взглядах переводоведов и практикующих переводчиков, вплоть до самых радикальных, являются одним из главных препятствий на пути исследования проблемы ОКП, а с другой стороны, вполне закономерным следствием традиционного подхода, когда в центре внимания оказывается исключительно результат оценки.

В классических работах представителей лингвистического переводоведения – В. Н. Комиссарова, В. С. Виноградова, Ю. В. Ванникова, А. Д. Швейцера и др. качество перевода оценивается на основе установления адекватности и эквивалентности перевода и его соответствия нормативным требованиям. Согласно концепции динамической (функциональной) эквивалентности Ю. Найды, важнейшим критерием качества перевода является обеспечение реакции иноязычного получателя, сходной с реакцией получателя оригинала [Nida, 1964]. С позиций К. Норд и Дж. Хаус, приоритетным критерием оказывается функция текста [Nord, 2006; House, 1997], в скопос-теории Г. Вермеера и К. Райс главным показателем высокого уровня качества является соответствие перевода его цели, что обеспечивается с помощью выбора переводческой стратегии [Reiß, Vermeer 2013]. В русле коммуникативно-функционального подхода, разрабатываемого В. В. Сдобниковым, качество перевода оценивается на основе соответствия результата перевода параметрам конкретной коммуникативной ситуации [Сдобников, 2015]. Таким образом, различия в приоритетах связаны с критериальной основой оценочной позиции, формируемой под влиянием научной парадигмы, носителем которой является оценивающая перевод сторона.

Исходным положением нашей концепции является необходимость разграничения *результата* оценки перевода, описываемого в терминах эквивалентности и адекватности, и *ее процесса,* рассматриваемого как вид интеллектуальной деятельности, в ходе которой принимается решение о качестве перевода. Предлагаемый нами процессуальный подход ориентирован на выявление и описание основных этапов оценочной деятельности и тех факторов, которые оказывают существенное влияние на формирование оценочного суждения эксперта.

Исходя из того, что процесс интеллектуальной деятельности скрыт от непосредственного наблюдения, вопрос о методах исследования решается нами в пользу методов моделирования, уже достаточно давно и успешно используемых в теории перевода. Обзор литературы по данной проблематике представлен в монографии Т. А. Волковой [Волкова, 2016].

В данной статье мы рассмотрим некоторые результаты эксперимента, проведенного с применением метода структурно-функционального моделирования, который ранее был апробирован нами на материале учебного перевода. Общая модель оценочной деятельности и результаты структурно-функционального моделирования учебного перевода представлены в монографии «Оценка качества перевода: история, теория, практика» [Княжева, 2023]. Опыт использования данного метода для моделирования процессов в различных сферах деятельности свидетельствует о том, что он позволяет наглядно представить сущность и процедуру любой деятельности, включая оценку перевода. На текущем этапе исследования данный метод используется в целях изучения и описания оценки качества перевода, практикуемой в индустриальной сфере, под которой мы понимаем профессиональную деятельность штатных сотрудников и фрилансеров, работающих в переводческой отрасли, т. е. в переводческих компаниях, переводческих отделах компаний, предприятий, организаций, НИИ и т. д.

Согласно информации, посвященной обеспечению и гарантиям качества перевода, представленной в профессиональных стандартах и на сайтах крупных переводческих компаний, качество перевода обеспечивается за счет профессионального переводческого редактирования. К указанным документам можно отнести американский[1] и европейский[2] стандарты качества, а также отечественные «Правила оказания переводческих и особых видов лингвистических услуг»[3] и «Письменный перевод. Рекомендации переводчику, заказчику

[1]ASTM F 2575-06 Standard Guide for Quality Assurance in Translation // URL: https://www.astm.org/Standards/F2575.htm (дата обращения: 10.01.2024).

[2]European quality Standard EN-15038:2006 URL: http://qualitystandard.bs.en-15038.com/ (дата обращения: 09.09. 2018).

[3]Правила оказания переводческих и особых видов лингвистических услуг. Стандартинформ 2014 ПР50.1.027 2014. URL: http://docs.cntd.ru/document/1200111365 (дата обращения: 03.02.2023).

и редактору»[1]. Однако несмотря на то, что основная задача редактирования заключается в приведении результата перевода в соответствие с переводческими нормами, правилами и требованиями заказчика, оценочная деятельность редакторов далеко не всегда эксплицируется как таковая. Основной акцент, как правило, делается на выявлении и классификации ошибок и различного рода недостатков, подлежащих исправлению. В этом отношении несомненный исследовательский интерес представляет изучение практического опыта представителей переводческой отрасли, пока еще не получившего должного внимания переводоведов. Одним из первых шагов в этом направлении можно считать исследование В. В. Сдобникова, посвященное изучению основных особенностей деятельности редакторов, работающих в штате переводческих компаний [Сдобников, 2018].

Исследование оценочной деятельности редакторов, осуществляемое с использованием метода структурно-функционального моделирования, является попыткой в какой-то мере восполнить существующий пробел. Основным источником использованной нами информации являются данные опросов, в ходе которых редакторам было предложено описать свой собственный алгоритм работы над текстом чужого перевода, рассказать о своих приоритетах в процессе принятия решения, о способах обратной связи с переводчиком, а также о своих действиях в спорных случаях.

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА КАК ВИД ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Согласно Л. С. Выготскому, А. Н. Леонтьеву и С. Л. Рубинштейну, любая деятельность понимается как способ взаимодействия человека с окружающим миром. Человек как субъект деятельности планирует свою деятельность в соответствии с поставленными целями, выбирает средства для ее осуществления и вносит необходимые коррективы. Что касается интеллектуальной деятельности, то, по мнению ряда психологов, она соотносима с такими близкими понятиями, как «мышление», «мыслительная деятельность», «умственные действия», «процесс решения задач», и предполагает процессуальное рассмотрение. С точки зрения П. Я. Гальперина, мышление относится к ориентировочно-исследовательской деятельности субъекта, которая направлена на обследование проблемной ситуации и планирование поведения. В работах О. В. Тихомирова и А. В. Брушлинского мышление понимается как деятельность, принципиально сходная с практической в структурном отношении [прив. по: Воронин, 2006].

Исследование любых видов деятельности всегда направлено на изучение *процесса* достижения конечного результата, который включает потребности и регулирующие мотивы, субъект и объект, цели, задачи и отдельные самостоятельные действия. Исходя из того, что данная структура имеет достаточно универсальный характер, мы считаем возможным использовать ее в качестве основы для процессуального подхода к изучению оценки качества перевода как специфического вида интеллектуальной деятельности.

Исходя из известной классификации потребностей А. Маслоу, мы относим потребность в оценке перевода к категории познавательных, под которыми понимаются потребности в знании, умении, понимании и исследовании. На основе познавательной потребности формируется мотив, однако в сложных видах деятельности, к которым, безусловно, относится оценка перевода, обычно присутствует не один мотив, а несколько, которые, в свою очередь, связаны с профессиональными задачами субъекта оценки. В каждой конкретной ситуации субъектом оценки может оказаться преподаватель перевода, редактор или менеджер переводческого проекта, специалист в области теории перевода, а также и конечный получатель как представитель непрофессиональной среды.

Что касается цели оценочной деятельности, то ее общая формулировка всегда требует уточнений, поскольку оценка качества перевода может быть встроена в обучение переводчиков или же в производственный процесс, ориентированный на доведение переводческого продукта до готовности. Цель оценки перевода, осуществляемой представителями научно-исследовательской сферы, связана с конкретной областью исследования, к которой относится не только перевод, но и лингвистика. Цель оценки перевода в лице его заказчика обусловлена производственными задачами, связанными с приемкой конкретного заказа, в то время как цель оценки конечного получателя часто связана с потребностью общения, в частности, и в социальных сетях.

Процессуальный подход к оценке качества перевода также предполагает разграничение промежуточной и конечной оценки перевода, которую, в зависимости от сферы перевода, могут осуществлять представители профессиональной и непрофессиональной среды. В сфере индустриального перевода субъектами промежуточной оценки являются представители профессиональной среды (переводчики, редакторы и менеджеры переводческих проектов),

[1]Письменный перевод. Рекомендации переводчику, заказчику и редактору. 3-я редакция: сайт Союза переводчиков России. URL: http://www.russiantranslators.ru/perevodchesky-opit/practika/01 (дата обращения: 29.02.2024).

а субъектами конечной оценки – представители непрофессиональной среды (заказчики и конечные получатели). В сфере учебного перевода промежуточная оценка является самооценкой и выполняется студентами (которые еще не являются специалистами) на этапе редактирования, в то время как конечная оценка учебного перевода осуществляется преподавателями, т. е. представителями профессиональной среды. Но если профессиональное оценочное суждение обусловлено интерпретационной позицией эксперта, основанной на теоретических знаниях и практическом опыте, и формируется в процессе сопоставительного анализа исходного и переводного материала, то непрофессиональная оценка в лице конечного получателя, т. е. оценка потребительская, базируется на субъективных представлениях и ожиданиях и обычно осуществляется с позиций *нравится / не нравится*.

Как уже было упомянуто выше, процесс интеллектуальной деятельности, в отличие от ее результата, скрыт от непосредственного наблюдения. Поэтому одним из способов изучения и описания деятельности является метод моделирования, позволяющий представить один и тот же объект рядом различных моделей, отражающих какой-либо аспект или же наиболее важные качества и характеристики данного объекта или процесса.

В нашем случае объектом моделирования является оценочная деятельность в области перевода, которая осуществляется с определенной целью и в определенных условиях. В качестве эксперимента на данном этапе исследования мы использовали метод структурно-функционального моделирования, причем наиболее удобной для наших целей оказалась технология Structured Analysis and Design Technique (SADT) с применением нотации Integration definition for functional modeling (IDEF0). Технология SADT широко используется в структурном системном анализе для моделирования информационных систем различного назначения, а нотация IDEF0 позволяет сформировать наглядное графическое представление моделируемой системы и реализуемых в ней процессов [Алгазинов, Сирота, 2009].

В соответствии с выбранной методологией, первым шагом является определение *контекста*, т. е. наиболее абстрактного, по сути, концептуального уровня описания системы в целом. Это предполагает задание *объекта* моделирования, *целей* моделирования и *точки зрения* на модель. Под объектом понимается сама система, и поэтому в первую очередь необходимо установить, что является внутренними компонентами системы, а что лежит за ее пределами и рассматривается как внешняя среда. Как мы уже говорили ранее, объектом моделирования выступает оценочная деятельность, а точка зрения на модель представляет собой позицию субъекта оценки, в соответствии с которой осуществляется ее процедура. Таким образом, цель моделирования состоит в том, чтобы исследовать, описать и (при необходимости) оптимизировать алгоритм оценки.

Для решения этих задач сначала необходимо получить представление о реальном процессе, т. е. построить модель AS-IS (как есть), которая основана на анкетировании и опросе персонала и изучении рабочей документации. Специалисты по исследованию бизнес процессов отмечают, что весьма распространенной ошибкой является создание идеализированной модели, например, ее построение на основе знаний или предположений руководителя, а не конкретного исполнителя работ. В результате получается приукрашенная модель, получившая обозначение SHOULD-BE (как должно быть), которая несет ложную информацию и которую невозможно использовать в дальнейшем для анализа. Результатом устранения выявленных недостатков является создание модели TO-BE (как будет), или нескольких моделей, из которых выбирается оптимальный вариант [там же]. На данном этапе работы в нашу задачу входило исследование оценочной деятельности профессионального редактора перевода и построение модели AS-IS.

РЕЗУЛЬТАТЫ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА

В первую очередь необходимо подчеркнуть, что объект моделирования в нашем случае – оценка качества чужого перевода, осуществляемая редактором, а не саморедактирование, которое выполняется переводчиком на заключительном этапе его работы. Данное уточнение существенно, так как редактор и переводчик являются разными субъектами оценки, точки зрения которых могут не совпадать.

В соответствии с выбранной методологией, моделирование процесса начинается с построения контекстной диаграммы, дающей общее представление о данном виде деятельности:

Контекстная диаграмма 1 показывает, что оценочная деятельность редактора художественного перевода осуществляется в процессе сопоставления исходного и переводного материала и соотнесения текста перевода с нормативными требованиями и оценочными критериями. Немаловажную роль при этом играет и некий прообраз

перевода конкретного фрагмента, существующий в сознании редактора и обозначенный в данной контекстной диаграмме как *ментальный прототекст редактора*. В целях обоснования своей оценочной позиции в формате обратной связи с переводчиком редактор использует дополнительные информационные ресурсы.

На основе анализа полученных данных нами были построены следующие альтернативные модели.

Модель, представленная на рисунке 2, отображает следующий порядок действий: в первую очередь редактор просматривает текст перевода и отмечает неудачные, с его точки зрения, фрагменты. Далее редактор осуществляет сверку выделенных фрагментов с соответствующими фрагментами исходного текста, руководствуясь оценочными критериями, основанными на знании нормативных требований к художественному переводу, учете тематики и жанра текста

Рис. 1. Контекстная диаграмма 1

ВАРИАНТ 1. МОДЕЛЬ AS-IS

Рис. 2. Диаграмма декомпозиции 1

ВАРИАНТ 2. **МОДЕЛЬ AS-IS**

Рис. 3. Диаграмма декомпозиции 2

ВАРИАНТ 3. **МОДЕЛЬ AS-IS**

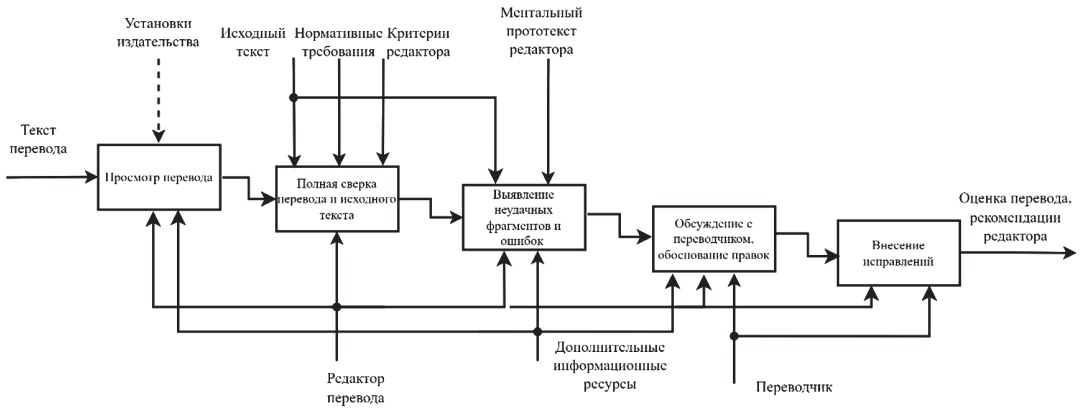

Рис. 4. Диаграмма декомпозиции 3

и собственном прообразе перевода. В данной модели редактор самостоятельно вносит правки в текст перевода, при необходимости оставляя комментарии или вопросы переводчику, и далее высылает ему исправленный текст. Переводчик принимает или отклоняет правки и отвечает на комментарии, что обеспечивает поддержание обратной связи. В спорных случаях редактор обосновывает свою позицию, приводя ссылки на дополнительные информационные ресурсы (корпус, словарь, форум и т. д.), подтверждающие его точку зрения. На заключительном этапе работы редактор выносит решение о готовности перевода к сдаче заказчику.

Модель, представленная на рисунке 3, показывает, что в данном случае редактор начинает с чтения исходного текста, после чего следует сплошная сверка оригинала с текстом перевода. Оценочные критерии редактора основаны на знании нормативных требований к художественному переводу, профессиональной интуиции и ментальном прототексте. Необходимость внесения в текст исправлений, предлагаемых редактором, обосновывается с помощью лингвистических фактов, анализа контекста, ссылок на прецедентные тексты, словари, данные НКРЯ. Обратная связь с переводчиком поддерживается в ходе обсуждения правки, осуществляемой в режиме диалога. После внесения согласованной правоки редактор оценивает результат и на этой основе принимает решение о готовности перевода к сдаче.

Данная модель отображает следующие действия оценивающей стороны: сначала редактор просматривает текст перевода и составляет общее представление о его качестве с учетом издательской установки, под которой понимаются особые пожелания издательства в форме устной договоренности с редактором или неофициального электронного письма. Далее редактор осуществляет полную сверку перевода с исходным текстом с

опорой на оценочные критерии редактора, которые, хотя и понимаются интуитивно, основаны на знаниях в области общей теории перевода, частной теории перевода английского и русского языков и личном переводческом опыте. Повышенное внимание уделяется проблемным фрагментам и обсуждению с переводчиком необходимости их исправлений. По результатам данного обсуждения согласованная правка вносится самим переводчиком, либо редактором (с разрешения переводчика), и далее редактор принимает окончательное решение о качестве перевода и степени его готовности к публикации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты, полученные на этапе создания модели AS IS «Оценка качества перевода художественного текста», показывают следующее: деятельность редактора относится к промежуточной оценке качества перевода, выполняемой с профессиональных позиций, цель которой заключается в определении степени готовности перевода к сдаче заказчику. Конкретные действия редактора заключаются в выявлении недостатков перевода, обосновании необходимости их устранения и внесении согласованных с переводчиком правок.

Несмотря на то, что для профессионального редактора уровень перевода очевиден уже с первых страниц текста, в большинстве случаев редактор осуществляет полную сверку перевода и оригинала. Необходимость полной сверки объясняется тем, что в противном случае редактор не владеет всем контекстом, и тогда возникает опасность пропуска ошибок и различного рода погрешностей.

Поскольку субъектом оценки перевода является человек, процесс и результат оценки (в нашем случае оценки редактора) обусловлены действием объективных и субъективных факторов. Объективность оценки основана на критериях и процедурах оценочной деятельности субъекта, формируемых на базе теоретических знаний и нормативных требований к художественному переводу, а также на практике обращения к необходимым информационным ресурсам для обоснования своей оценочной позиции. Субъективность оценки объясняется влиянием прообраза перевода, возникающего в сознании редактора уже в ходе ознакомления с оригиналом, что повышает риск вкусовой правки и своеобразной подгонки перевода под переводческое решение редактора, которые не улучшают перевод в стилистическом или содержательном отношении, а просто делают его другим. В настоящее время одним из главных ориентиров для переводчика и редактора считается техническое задание на перевод, предоставляемое переводческой компанией, однако, согласно данным нашего опроса, в случае художественного перевода издательства обычно ограничиваются неформальными пожеланиями в устной или письменной форме. Конструктивность оценки обеспечивается за счет использования инструментов обратной связи, в данном случае, устной и письменной коммуникации редактора и переводчика, в ходе которой обсуждаются проблемные фрагменты текста и аргументы обеих сторон, и согласовывается внесение необходимых изменений в перевод.

Перспективы привлечения методов моделирования в исследовании оценки качества перевода как вида интеллектуальной деятельности мы видим в том, что они предоставляют возможность детального изучения процесса оценки перевода и факторов, влияющих на ее конечный результат и обеспечивающих объективность и конструктивность оценочных суждений. Одним из таких методов является структурно-функциональное моделирование, которое позволяет наглядно представить сущность и процедуру любой деятельности, выявить слабые звенья в изучаемых процессах и наметить пути их устранения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Nida E. Towards a Science of Translating. Leiden, 1964.
2. Nord C. Loyalty and Fidelity in Specialized Translation // Artigos e communicações: Confluências Revista de Tradiçao Cientifica e Técnica. Maio, 2006. № 4. P. 29–41.
3. House, J. Translation Quality Assessment: A Model Revisited. Gunter Narr Verlag, 1997.
4. Reiß K., Vermeer H. Towards a General Theory of Translational Action/ Scopos Theory Explained / Translated from German by Christiane Nord. Manchester: St.Jerome Publishing, 2013.
5. Сдобников В. В. Перевод и коммуникативная ситуация: монография. М.: Флинта: Наука, 2015.
6. Волкова Т. А. От модели перевода к стратегии перевода: монография. М.: Флинта: Наука, 2016.
7. Княжева Е. А. Оценка качества перевода: история, теория, практика: монография. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2023.
8. Сдобников В. В. Принципы профессионального редактирования переводов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 152–156.

9. Воронин А.Н. Интеллектуальная деятельность: проявление интеллекта и креативности в реальном взаимодействии // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2006. Т. 3. № 3. С. 35–58.
10. Алгазинов Э. К., Сирота А. А. Анализ и компьютерное моделирование информационных процессов и систем: учеб. пособие для вузов / под общ. ред. А. А. Сироты. М.: Диалог – МИФИ, 2009.

REFERENCES

1. Nida, E. (1964). Towards a Science of Translating. Leiden.
2. Nord, C. (2006). Loyalty and Fidelity in Specialized Translation. Artigos e communicações: Confluências Revista de Tradiçao Cientifica e Técnica. Maio, 4, 29–41.
3. House, J. (1997). Translation Quality Assessment: A Model Revisited. Gunter Narr Verlag.
4. Reiß, K., Vermeer, H. (2013). Towards a General Theory of Translational Action. In Scopos Theory Explained, transl. from German by Ch. Nord. Manchester: St.Jerome Publishing.
5. Sdobnikov, V. V. (2015). Perevod i kommunikativnaya situaciya = Translation and communicative situation: monograph. Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russ).
6. Volkova, T. A. (2016). Ot modeli perevoda k strategii perevoda = From Translation model to translation strategy: monograph. Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russ).
7. Knyazheva E.A. (2023) Ocenka kachestva perevoda: istoriya, teoriya, praktika: monografiya = Translation quality evaluation: history, theory, and practice: a monograph. 2nd ed Moscow: FLINTA. (In Russ).
8. Sdobnikov, V.V. (2018). Principles of Professional Translation Editing. Vestnik of Voronezh State University. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya, 2, 152–156. (In Russ.)
9. Voronin, A. N. (2006). Intellectual activity: manifestation of intelligence and creativity in real interaction. Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki, 3(3), 35–58. (In Russ.)
10. Algazinov, E. K., Sirota, A. A. (2009). Analiz i komp'yuternoe modelirovanie informacionnyh processov i sistem = Analysis and computer modeling of information processes and systems: textbook. manual for universities, under general ed. by A. A. Sirota. Moscow: Dialog-MIFI. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Княжева Елена Александровна
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры перевода и профессиональной коммуникации
Воронежского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Knyazheva Yelena Alexandrovna
PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor at the Department of Translation and Professional Communication
Voronezh State University

Статья поступила в редакцию	09.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.111:81

Языковая неопределенность в текстах юридических документов

Н. Ю. Кораблева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
korabl-nat@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются виды языковой неопределенности, встречающиеся в текстах юридических документов. Неопределенность как свойство языка проявляется на разных уровнях, включая лексический. Снятие лексической неопределенности без наличия контекста не представляется возможным, в связи с чем профессиональным юристам рекомендуется, по возможности, избегать употребления оценочных прилагательных и нечетких выражений для последующего единообразного толкования юридического документа.

Ключевые слова: языковая неопределенность, лексическая неопределенность, оценочные прилагательные, нечеткие выражения, юридические документы

Для цитирования: Кораблева Н. Ю. Языковая неопределенность в текстах юридических документов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 56–62.

Original article

Vagueness in Legal Texts

Natalia Yu. Korableva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
korabl-nat@mail.ru

Abstract. The article looks at the cases of vagueness in legal texts. Vagueness itself as an integral part of any language can be traced at its different levels including lexical, grammar and other ones. It is generally recommended to avoid cases of vagueness in legal texts for the sake of their transparency and uniformity in further interpretation and understanding as context will not be of any help to lift the problem of misunderstanding.

Keywords: vagueness, lexical vagueness, evaluative adjectives, fuzzy expressions, legal texts

For citation: Korableva, N. Y. (2024). Vagueness in legal texts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 56–62. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Проблема языковой неопределенности текстов юридических документов по-прежнему вызывает интерес у исследователей, деятельность которых напрямую связана с юридической лингвистикой, относительно новым направлением, появившемся на стыке двух научных парадигм: лингвистики и юриспруденции. Подобное сочетание направлений открывает перед лингвистами целый ряд возможностей для проведения новых исследований, позволяющих работать с текстами юридических документов с позиции их лингвистического и юридического анализа.

По мнению исследователей, предпринимающих анализ текстов юридических документов с позиции юридической лингвистики, в рамках данного направления следует выделить ряд явлений, имеющих языковую природу и подпадающих под понятие «языковая неопределенность» (vagueness).

Как справедливо отмечает С. Бромбергер, языковая неопределенность имеет лексическое происхождение и берет свои истоки в словаре [Bromberger, 2012]. С лексическим происхождением данного явления согласны многие лингвисты, тем не менее по-разному определяющие понятие языковой неопределенности. Так, например, К. Баркер предлагает рассматривать неопределенность как разновидность неуверенности в отношении применимости предиката [Barker, 2006]. По мнению Г. П. Грайса, неопределенность возникает в так называемых пограничных случаях (borderline cases), когда отсутствуют четкие границы, позволяющие с относительной однозначностью интерпретировать анализируемый текст [Grice, 1989]. В свою очередь, Р. Соренсен говорит о невозможности однозначного определения понятия языковая неопределенность [Sorensen, 2018], что отчасти подтверждается на практике ввиду широкого спектра нередко противоречащих друг другу классификаций языковой неопределенности, которые за последние десятилетия предложили ученые-лингвисты.

Тем не менее исследователи едины во мнении, что языковая неопределенность не приветствуется в юридических документах, в связи с появлением возможностей для двусмысленного толкования текста той или иной статьи или документа, а также его возможной неоднозначной интерпретации. При этом не оставляет сомнения тот факт, что тексты юридических документов должны отличаться ясностью и однозначностью в подаче материала, что дает возможность профессиональным юристам снимать элементы двусмысленности и неоднозначности.

В рамках данной статьи мы рассмотрим виды языковой неопределенности, которые можно нередко встретить в текстах правовых документов, проведем лингвистический анализ юридических статей, взятых из гражданского и уголовного кодекса РФ. Полученные выводы могут быть в дальнейшем использованы юристами-практиками в своей профессиональной деятельности.

СЛУЧАИ ЯЗЫКОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ

На сегодняшний день лингвисты придерживаются мнения о том, что можно говорить об узком и широком понимании понятия языковой неопределенности. Неопределенность в узком смысле представляет бóльший интерес для исследователей, деятельность которых связана непосредственно с анализом текста, включая юридические документы, так как позволяет подробно рассмотреть и классифицировать случаи возникновения неопределенности и способов ее преодоления.

Как уже отмечалось выше, ясность и прозрачность толкования юридических текстов является неотъемлемой частью права. В связи с тем что правовые нормы должны быть в дальнейшем закреплены в соответствующих статьях, т. е. в юридических документах, возрастает требование к «определенности» их содержания, снятию возможной двусмысленности в последующей интерпретации.

Однако подобное закрепление правовых норм не гарантирует однозначность в их дальнейшем толковании. Конечно же, стоит помнить о том, что в рамках юридической практики профессиональные юристы применяют наработанные годами принципы и правила толкования юридических текстов, которые, в свою очередь, составляют часть юридической догматики, позволяющей рассчитывать на предсказуемый результат. При этом речь не всегда идет о возможном снятии случаев языковой неопределенности.

К первому случаю неопределенности, проявляющейся на лексическом уровне, следует относить употребление оценочных прилагательных, включая градуальные прилагательные, такие как *высокий*, *низкий*, *большой*, *маленький*, а также прилагательные, употребление которых предполагает интерпретационно-оценочную составляющую, например: *существенный*, *разумный*, *приемлемый*, *пригодный*, *желательный*.

Неопределенность, возникающая в связи с употреблением обозначенных выше оценочных прилагательных, не всегда может сниматься контекстом, особенно если речь идет о правовых статьях

и юридических текстах в целом, не предполагающих дальнейшего пояснения. Обращение к толковому словарю – обычной для лингвистов практике при работе с художественным текстом, также не гарантирует желаемый результат.

Особую сложность для последующей интерпретации текста представляют словосочетания с использованием прилагательных в сравнительной или превосходной степени, а также модификаторов, основная задача которых заключается в усилении воздействия градуальных прилагательных и придании высказыванию эмоционального звучания.

Рассмотрим случаи возникновения лексической неопределенности на примере статей Гражданского кодекса РФ:

> Обращение взыскания на заложенное имущество не допускается, если допущенное должником нарушение обеспеченного залогом обязательства *незначительно* и размер требований залогодержателя вследствие этого *явно несоразмерен* стоимости заложенного имущества (ст. *348 ГК РФ*).

В статье гражданского кодекса мы сталкиваемся со случаем употребления градуальных прилагательных, таких как *незначительный* и *несоразмерный*, а также использованием оценочного модификатора *явно*, усиливающего значение прилагательного *несоразмерный*. В первом случае неопределенность возникает из-за необходимости дальнейшего толкования степени незначительности нарушения, допущенного должником, и в связи с отсутствием четко обозначенных границ данной незначительности. При отсутствии дополнительных разъяснений спектр толкования данного словосочетания может носить расширенный характер, что, в свою очередь, лишает данное высказывание субъективности в последующем восприятии. Во втором случае речь идет об употреблении модификатора степени проявления признака, что неизбежно влечет за собой появление неоднозначности при последующем толковании степени несоразмерности, что также негативно сказывается на объективности восприятия текста правовой статьи.

Лексическая неопределенность может также возникнуть и при прочтении и последующей интерпретации следующей статьи Гражданского кодекса РФ:

> Если продавец передал покупателю товар в количестве, превышающем указанное в договоре купли-продажи, покупатель обязан известить об этом продавца в порядке, предусмотренном статьей 483 настоящего Кодекса. В случае, когда в *разумный* срок после получения сообщения покупателя продавец не распорядится соответствующей частью товара, покупатель вправе, если иное не предусмотрено договором, принять весь товар (ст. *466 ГК РФ*).

В приведенном выше примере неопределенность возникает в связи с употреблением оценочного прилагательного *разумный*, которое вносит некую неоднозначность в понимании того, какой срок ожидания можно отнести к категории разумного ожидания. При отсутствии последующего разъяснения или четкого обозначения границ появляется возможность для субъективного толкования словосочетания *разумный срок*.

Несмотря на очевидную сложность с последующей однозначной интерпретацией словосочетания, включающего в себя градуальные прилагательные, в текстах юридических документов нередко встречаются целые шкалы, содержащие подобные оценочные элементы, зачастую сопровождаемые модификаторами степени проявления признака, например: ***особо тяжкое*** *преступление*, *вред* ***средней тяжести***, ***чрезвычайно высокая*** *степень вреда* и т. д.

> *Особо тяжкими* преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых настоящим Кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание (ст. *15 УК РФ*).

> Умышленное причинение *тяжкого вреда* здоровью, опасного для жизни человека, или повлекшего за собой потерю зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрату органом его функций наказывается лишением свободы на срок до восьми лет (ст. *111 УК РФ*).

> Умышленное причинение *средней тяжести* вреда здоровью, не опасного для жизни человека и не повлекшего последствий, указанных в статье настоящего Кодекса, но вызвавшего длительное расстройство здоровья или значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть (ст. *112 УК РФ*).

В первых двух примерах мы сталкиваемся с использованием градуального прилагательного *тяжкий*, наиболее часто встречающегося в словосочетаниях, обозначающих степень причиненного вреда или тяжести совершенного преступления. Отсутствие контекста или дополнительных разъяснений, что вряд ли представляется возможным в самом тексте статьи, не позволяет в полной мере оценить масштаб совершенного деяния. В третьем примере помимо использования модификаторов степени проявления признака, вводящего элемент неопределенности, общее понимание контекста осложняется и многократным использованием

оценочных прилагательных, привносящих элемент субъективизма в оценку данной статьи.

Как справедливо отмечает Л. И. Былинина, наличие в предложении словосочетаний с градуальными прилагательными и степенными конструкциями предполагает субъективную интерпретацию текста. Исследователь предлагает использовать термин «judge-dependent», позволяющий обозначить факт зависимости последующей интерпретации контекста от субъекта оценки [Bylinina, 2016].

Неизбежной представляется и вольность в толковании текстов юридических документов, содержащих интерпретационно-оценочные характеристики объектов за счет употребления соответствующих прилагательных. К данной категории прилагательных, по мнению Г. И. Кустовой, следует относить такие прилагательные, как: *полезный*, *значимый*, *удобный*, *достижимый*, *важный*, *эффективный*, *грубый* [Кустова, 2018].

> Юридически *значимые действия* по государственной регистрации изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, баз данных, товарных знаков и географических указаний осуществляет федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности (ст. *1246 ГК РФ*).

> При сдаче работы заказчику подрядчик обязан сообщить ему о требованиях, которые необходимо соблюдать для *эффективного и безопасного использования* результата работы, а также о возможных для самого заказчика и других лиц последствиях несоблюдения соответствующих требований (ст. *736 ГК РФ*).

> *Грубое нарушение* требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей (ст. *15.11. КоАП РФ*).

В первом случае лексическая неопределенность возникает в связи с использованием градуального прилагательного *значимый*, характеризующего степень юридических действий. Без дополнительного разъяснения или контекста не представляется возможным однозначная интерпретация понятия «значимые действия», что, в свою очередь, пораждает двусмысленность в понимании текста данной статьи. Во втором примере речь идет о появлении неопределенности в связи с необходимостью последующей интерпретации и определения понятия *эффективный*. Дополнительную сложность создает и использование оценочного прилагательного *безопасный*. В третьем примере мы сталкиваемся с необходимостью дальнейшей оценки степени совершенного нарушения. Использование градуального прилагательного *грубый* создает почву для неоднозначного восприятия и толкования степени совершенного нарушения, что приводит к возникновению дополнительной сложности в работе юристов-практиков.

К еще одному виду лексической неопределенности помимо использования градуальных прилагательных и модификаторов, усиливающих их значение, следует относить употребление нечетких выражений (fuzzy expressions). Речь идет о словах и словосочетаниях, наделенных элементами субъективной модальности. Вслед за американским лингвистом Дж. Лакоффом, предложившим использовать термин «хедж» («hedge») для обозначения данного вида выражений [Lakoff, 1973], мы будем придерживаться аналогичной терминологии в своей статье. По мнению исследователя, хеджи придают высказыванию нечеткость, которая может носить более или менее выраженный характер. По мнению Е. В. Падучевой, разделяющей точку зрения Дж. Лакоффа, основная задача хеджей заключается в передаче отношения говорящего к происходящему [Падучева, 2016].

Яркими примерами хеджей являются такие выражения, как: *вроде бы, нечто вроде, по большей части, в определенном смысле, приблизительно, примерно, на самом деле, в действительности*.

Большинство лингвистов сходятся во мнении, что в рамках хеджей можно условно выделять так называемые модальные операторы (shields), т. е. слова и словосочетания, передающие степень модальности выражения, и аппроксиматоры (approximators), основная задача которых заключается в регулировании уровня точности высказывания [Prince, Frader, Bosk, 1982; Salager-Meyer, 1995]. К наиболее часто встречающимся аппроксиматорам можно отнести такие выражения, как: *ровно пять минут*, *приблизительно два километра*, *примерно в центре города*.

Следует отметить, что в ходе работы с текстами юридических документов законадатели стараются не «злоупотреблять» использованием модальности. Этим объясняется не столь распространенное употребление хеджей в целом. Тем не менее полностью отказаться от их использования не представляется возможным.

Чаще всего в текстах юридических документов можно встретить такие хеджи, как *явно* и *очевидно*:

> Норма иностранного права, подлежащая применению в соответствии с правилами настоящего раздела, в исключительных случаях не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка Российской Федерации с учетом характера отношений, осложненных иностранным элементом (ст. *1193 ГК РФ*).

Если подрядчик не приступает своевременно к исполнению договора подряда или выполняет работу настолько медленно, что окончание ее к сроку становится *явно невозможным*, заказчик вправе отказаться от исполнения договора и потребовать возмещения убытков (ст. *715 ГК РФ*).

В обоих случаях хедж *явно* выступает в роли модального оператора, основная задача которого заключается в передаче степени модальности высказывания. При этом использование хеджа приводит к появлению языковой неопределенности и необходимости дальнейшего определения степени возможности / невозможности действия (пример 2) или определения точности / однозначности суждения (пример 1).

Кредитор вправе отказаться от предоставления заемщику предусмотренного кредитным договором кредита полностью или частично при наличии обстоятельств, *очевидно свидетельствующих* о том, что предоставленная заемщику сумма не будет возвращена в срок статья (ст. *304 ГК РФ*).

Использованный в третьем примере хедж *очевидно*, служит той же цели, что и хедж *явно* в первых двух примерах, порождая, в свою очередь, возникновение случая языковой неопределенности в правовой статье.

В текстах юридических документов нередко встречаются словосочетания, содержащие элементы модальной необходимости, придающие выражению нечеткость. Подобные выражения принято также считать разновидностью хеджей. Чаще всего в правовых документах можно встретить следующие хеджи: *при необходимости*, *по мере необходимости*.

По признании наследника принявшим наследство суд определяет доли всех наследников в наследственном имуществе и *при необходимости* определяет меры по защите прав нового наследника на получение причитающейся ему доли наследства (ст. *1155 ГК РФ*).

Еще одной разновидностью хеджей, придающих выражению нечеткость, принято считать модификаторы степени проявления признака. К наиболее распространенным можно отнести такие выражения, как: *крайне*, *существенно*, *весьма*, *непомерно, злостно*. По мнению бельгийского исследователя С. Бромбергера, модификаторы степени призваны увеличивать неопределенность высказывания [Bromberger, 2012].

Сделка, совершенная под влиянием заблуждения, может быть признана судом недействительной по иску стороны, действовавшей под влиянием заблуждения, если заблуждение было *настолько существенным*, что эта сторона, разумно и объективно оценивая ситуацию, не совершила бы сделку, если бы знала о действительном положении дел (ст. *178 ГК РФ*).

Сделка на *крайне невыгодных условиях*, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств, чем другая сторона воспользовалась, может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего (ст. *179 ГК РФ*).

К числу нечетких выражений также принято относить нечеткие кванторы (fuzzy quantifiers): *значительное / незначительное количество*, *несколько*, *примерно*, и выражения со значением времени (fuzzy time expressions): *редко*, *иногда*, *часто*, *вскоре после*, *немедленно* [Блинова, Белов, 2020].

Полномочия на ведение дел товарищества, предоставленные одному или *нескольким участникам,* могут быть прекращены судом по требованию одного или *нескольких других участников* товарищества при наличии к тому серьезных оснований (ст. *72 ГК РФ*).

Суд может по просьбе истца обратить к *немедленному исполнению* решение, если вследствие особых обстоятельств замедление его исполнения может привести к значительному ущербу для взыскателя или исполнение может оказаться невозможным (ст. *212 ГПК РФ*).

Как видно из приведенных выше примеров, использование нечетких кванторов в правовых статьях и текстах юридических документов приводит к возникновению субъективности в их последующем толковании, что идет вразрез с ключевыми требованиями, предъявляемыми к данному виду документов, а именно: прозрачности и единообразии последующего толкования, что, в свою очередь, вносит определенную сложность в работу юристов-практиков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный лингвистический анализ текстов правовых статей и юридических документов, позволяет сделать выводы о том, что лексическая неопределенность как языковое явление нередко встречается в текстах юридических документов, порождая целый ряд проблем, связанных с пониманием и последующим однозначным объективным толклванием юридических текстов. К случаям лексической неопределенности следует относить употребление оценочных прилагательных, включая

градуальные прилагательные в сравнительной и превосходной степени, усиленные модификаторами, а также нечеткие выражения, включая хеджи, модификаторы степени проявления признака, нечеткие кванторы и выражения со значением времени. В связи с тем что данные лексические единицы вызывают неточность в понимании текста юридического документа и дают возможность для его последующего субъективного толкования, следует, по возможности, отказаться от использования в текстах правовых документов нечетких выражений, порождающих появление случаев языковой неопределенности и неоднозначности, включая лексическую неопределенность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bromberger S. Vagueness, Ambiguity, and the "Sound" of Meaning // Analysis and Interpretation in the Exact Sciences / ed. by M. Frappier, D. Brown, R. DiSalle. New York: Springer, 2012. P. 75–94.
2. Barker Ch. Vagueness // Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. by K. Brown. Oxford: Elsevier, 2006. P. 294–298.
3. Grice P. Studies in the Way of Words. Harvard: Havard University Press, 1989.
4. Sorensen R. Vagueness // The Stanford Enceclopedia of Philosophy. Stanford, 2018. URL: https://plato.stanford.edu/entries/vagueness/
5. Bylinina L. Judge-dependence in degree constructions // Journal of Semantics. 2016. Vol. 34 (2). P. 291–331.
6. Кустова Г. И. Прилагательное. Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. III. Части речи и лексико-грамматические классы. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018. С. 1–68.
7. Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. Vol. 2. P. 458–508.
8. Падучева Е. В. Модальность // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Ч. I. Глагол. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2016. С. 19–94.
9. Prince E., Frader J., Bosk C. On hedging in physician-physician discourse // Linguistics and the professions / ed. by R. D. Pietro. Norwood, NJ: Ablex Publishing, 1982. P. 83–97.
10. Salager-Meyer F. I think that perhaps you should: A study of hedges in writtern scientific discourse // The Journal of TESOL France. 1995. Vol. 2. P. 127–143.
11. Блинова О. В., Белов С. А. Языковая неоднозначность и неопределенность в русских правовых текстах // Вестник Санкт-Петербурского университета. Серия право. 2020. Т. 11. Вып. 4. С. 774–812.

REFERENCES

1. Bromberger, S. (2012). Vagueness, Ambiguity, and the "Sound" of Meaning. In Frappier, M., Brown, D., DiSalle, R. (eds.), Analysis and Interpretation in the Exact Sciences (pp. 75–94). New York: Springer.
2. Barker, Ch. (2006). Vagueness. In Brown, K. (ed.), Encyclopedia of Language and Linguistics (pp. 294–298). Oxford: Elsevier.
3. Grice, P. (1989). Studies in the way of words. Harvard: Havard University Press.
4. Sorensen, R. (2018). Vagueness. In The Stanford Enceclopedia of Philosophy. Stanford. https://plato.stanford.edu/entries/vagueness/
5. Bylinina, L. (2016). Judge-dependence in degree constructions. Journal of Semantics, 34(2), 291–331.
6. Kustova, G. I. (2018). Adjective. In Materials for corpus grammar of Russian language (vol. III, Parts of speech and lexico-grammatical classes, pp. 1–68). Moscow: Institute of Russian language. (In. Russ).
7. Lakoff, G. (1973). Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. Journal of Philosophical Logic, 2, 458–508.
8. Paducheva, E. V. (2016). Modality. In Materials for corpus grammar of Russian language (part I: verb, pp. 19–78). Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. (In Russ).
9. Prince, E., Frader, J., Bosk, C. (1982). On hedging in physician-physician discourse. In Pietro, R. D. (Ed.), Linguistics and the professions (pp. 83–97). Norwood, NJ: Ablex Publishing.
10. Salager-Meyer, F. (1995). I think that perhaps you should: A study of hedges in writtern scientific discourse. The Journal of TESOL France, 2, 127–143.
11. Blinova, O. V., Belov, S. A. (2020). Iazikovayay neodnoznachnost i neopredelenost v russkih pravovih textah = Language ambiguity and vagueness in Russian legal texts. Vestnik of Saint-Petersburg State University. Law, 11(4), 774–812. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кораблева Наталья Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры английского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Korableva Natalia Yurievna
PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of the English Language
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'255:22.05.06

Речевой жанр покупательского интернет-отзыва (на материале отзывов о предметах одежды)

И. В. Космарская

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
kosmarsky@mail.ru

Аннотация. В статье автор останавливается на особенностях нового жанра – покупательского интернет-отзыва, рассматривая его на материале отзывов покупателей о предметах одежды. Предпринята попытка уточнить его место в номенклатуре виртуального жанроведения. На представленном материале изучены лингвопрагматические особенности покупательского интернет-отзыва, его лингвокреативный потенциал. Предложен прогноз перспектив его развития.

Ключевые слова: интернет-отзыв, виртуальный жанр, лингвокреативный потенциал, лингвистические приемы, креативные решения, перспективы развития жанра

Для цитирования: Космарская И. В. Речевой жанр покупательского интернет-отзыва (на материале отзывов о предметах одежды) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 63–69.

Original article

Speech Genre of Consumer Online Review (based on reviews of clothing items)

Iskra V. Kosmarskaya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
kosmarsky@mail.ru

Abstract: The article discusses the features of a new genre – consumer online reviews based on reviews of clothing items. An attempt has been made to clarify its place in the genre nomenclature of virtual genre studies. The linguistic and pragmatic features of the genre and its linguistic and creative potential were studied using representative material. A forecast of the prospects for its development is proposed.

Keywords: Internet review, virtual genre, linguistic creative potential, linguistic techniques, creative solutions, prospects for the development of the genre

For citation: Kosmarskaya, I. V. (2024). Speech genre of consumer online review (based on reviews of clothing items). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 63–69. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В сетевом общении сегодня представлены различные жанры, связанные между собой или самостоятельные, автономные. Одни из них имеют исключительно сетевое происхождение, другие – заимствованы из традиционной коммуникации. Первые формируются как сетевой продукт и присущи только Сети; вторые транспонируются в цифровую форму, при этом могут 1) не претерпевать существенных изменений; 2) претерпевать изменения и подстраиваться к сетевым стандартам; 3) формально сохранять свое название, но по всем признакам порождать новый тип текста. Первые подвижны: исчезают одни, появляются другие; вторые относительно стабильны: многим из них удается сохранить ключевые жанрообразующие признаки. Одним из самых активных сетевых жанров с полным основанием можно считать покупательский интернет-отзыв.

Новые технологии создали новые возможности для осуществления будничных дел, в том числе покупки различных товаров дистанционно, т. е. основываясь лишь на изображении товара и описании, которое предлагает производитель или продавец. Как следует из данных, полученных аналитическим агентством «Markway», почти 93 % опрошенных покупателей перед покупкой обязательно просматривают отзывы. Самая авторитетная площадка – маркетплейсы. Несколько (4–6) положительных отзывов для 40 % покупателей является основанием для принятия решения, столько же негативных отзывов будет основанием для отказа от нее. Отзывы, по мнению покупателей, есть самый надежный способ узнать о реальных качествах товара, хотя 70 % опрошенных утверждает, что встречали и фейковые, заказные отзывы. Особое место аналитики уделяют поколению покупателей-зумеров, чьи предпочтения определят перспективы онлайн-торговли. У этой возрастной группы большие ожидания от интернет-магазинов и соответствующие требования, в основе которых лежат подлинные отзывов.

Покупательский отзыв – очень важная часть работы компании-продавца по привлечению клиентов. Мнению людей доверяют, к оценкам и рекомендациям прислушиваются – продавец заинтересован в отзывах и всячески стимулирует своих клиентов к их размещению (начисление бонусных баллов, подарки в виде купонов или промокода на скидку и т. д.) Одновременно покупательский отзыв – сильнейший механизм не только организации продаж, но и управления репутацией компании. Негативные отзывы существенно влияют и на продажи, а также на степень доверия производителю и продавцу.

Накопленный колоссальный массив покупательских интернет-отзывов о товарах и услугах представляет большой интерес для лингвистов и не только для них: за этими текстами – образ нашего современника (преимущественно современницы, что само по себе очень интересный факт и требует отдельного изучения) с его вкусами, пристрастиями, претензиями, амбициями, представлениями о красивом и некрасивом, практичном и непрактичном, целесообразном и нецелесообразном, достойном и недостойном. За ними в определенном смысле и образ нашего времени. В последние несколько лет заметно увеличилось количество исследований, посвященных этой теме. Наиболее привлекательными для исследователей оказались отзывы о парфюмерной продукции и туристические отзывы [Русский язык в интернет-коммуникации ... 2021; Буцева, 2021]. О. С. Иссерс рассмотрела медицинские отзывы, связанные с лечением и оказанием медицинской помощи [Иссерс, 2023].

Материалом для нашего исследования стали покупательские интернет-отзывы о предметах одежды, размещенные на крупнейшей онлайн-платформе Lamoda. Проанализировано около четырехсот отзывов о предметах одежды сегмента Premium.

ПОКУПАТЕЛЬСКИЙ ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВ

Что такое отзыв покупателя интернет-магазина? Это комментарий, который добровольно оставляет человек, купивший товар или по каким-то причинам не купивший его. Как мы уже отмечали, новые гости сайта тщательно изучают отзывы: их отсутствие или негативный характер часто становятся причиной отказа от покупки. В тех случаях, когда та или иная вещь нужна или нравится, а отзывов нет, просят купивших (заказавших) отозваться. Нередки вот такие обращения:

- Девочки, кто уже купил джинсы, – напишите!!![1]
- Кто-нибудь уже купил? Большемерят или в размер?
- Напишите, пожалуйста, отзыв!
- Кто-нибудь! Как он после стирки?? Не теряет объем? И катышек нет?

Жанр покупательского интернет-отзыва принято относить к сетевым, виртуальным, однако здесь следует учесть, что в доцифровую эпоху у него был аналог, прототип – запись в книге жалоб и предложений (позднее – книга отзывов и предложений). В советский период в нее по сложившейся традиции

[1]Зд. и далее орфография и стиль отзывов приводятся без изменений.

заносились благодарности и, обычно по настоятельному требованию покупателя, жалобы или претензии. С 1 января 2021 года в силу вступили новые правила розничной торговли, которые отменили книгу жалоб. Нового формата законодательно не предложено. По всей видимости, возможности этого инструмента, а вместе с ним и жанра, исчерпаны: покупатели получили возможность оставить свой отзыв о товаре, работе компании, работе курьерской службы в онлайн-чате, в личном кабинете, в социальных сетях, на специальных сайтах отзывов и активно ею пользуются. Постепенно стал интенсивно формироваться и новый жанр, тем более что по закону досудебная претензия, направленная по электронной почте, в мессенджерах и т. п., считается юридически значимым сообщением.

Таким образом, покупательский интернет-отзыв как будто нельзя считать исконно сетевым жанром, но вместе с тем следует иметь в виду, что в настоящее время он функционирует исключительно под влиянием условий сетевой коммуникации. Представляется очень интересным сопоставление по всем параметрам отзыва в книге жалоб и предложений и современного интернет-отзыва – это может дать ответ на вопрос, трансформировался ли прототип или жанр потерял актуальность, а новые условия вызвали к жизни новый жанр, который занял прочное место в виртуальной жанровой номенклатуре. В данной работе такой анализ не входит в наши задачи.

По мнению М. М. Бахтина, речевой жанр должен обладать рядом признаков, таких как: целенаправленность, смысловая целостность и завершенность, прямая и непосредственная связь с действительностью, логическая полноценность, экспрессия, повторяемая форма (структура). Чрезвычайно важны в нем роли участников – адресанта (автора отзыва) и адресата (получателя информации). От того, признается авторитет автора или не признается, зависит результат коммуникативного акта. В случае с отзывом авторитет автора устанавливается априори, ему готовы поверить, его оценку готовы признать. Кстати заметить, по большей части отзывы действительно полезны и реакция на них – благодарность за помощь в выборе:

- Спасибо за отзывы, очень помогли.
- Если бы не отзывы, я бы и не заметила карманов со стразиками сзади.
- Все писали, что (*джинсы*) большемерят, послушалась и заказала на размер меньше моего – и не ошиблась!

Однако очевидно, что консюмеристские привычки и уровень требований к товарам и услугам могут сильно различаться. Позитивные отзывы формируют ожидания, которые при знакомстве с товаром не оправдываются, что вызывает разочарование и в товаре, и в отзыве. Недовольство по поводу введших в заблуждение отзывов высказывается нечасто: люди осознают, что это не преднамеренное действие, а отражение разного уровня требований к качеству товара. Правда, несмотря на понимание, этикетные нормы не вполне в таких случаях выдерживаются:

- Да не большемерят они! Научитесь выбирать европейский размер!
- Очень тонкая тряпка, красная цена – 400 рублей. Отказ с возмущением – думайте, что пишете.
- Колхозно, не поняла восторгов.
- Не вводите в заблуждение.
- Ну не понимаю восторгов: цвет вырви глаз, голимая синтетика, ворот узкий, фасон бабушкин кашель, сидит кургузо.
- Господи, кому это может понравиться.

Интернет-отзыв определяется как речевая реализация конкретного коммуникативного акта в реальной коммуникативной ситуации. Согласно классификации, принятой в теории речевых актов, его можно отнести к прагматическому классу прямых инициативных высказываний. Статус речевого жанра интернет-отзыва подтверждается вышеназванными «классическими» признаками: коммуникативной целенаправленностью, диалогичностью, целостностью, завершенностью, смысловой достаточностью, оценочностью, а также полиадресностью и полифункциональностью. Одним из важнейших конструктивных признаков жанра является коммуникативное намерение автора. Это оценка – положительная, отрицательная или нейтральная. Но в связи с полиадресностью, т. е. обращенностью к множеству читателей, оценка приобретает публичный и массовый характер. Для интернет-отзыва мы бы считали важным добавить еще три:

1) осознание автором отзыва социальной важности производимого им текста;
2) языковая гетерогенность;
3) языковая свобода и лингвокреативность.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОКУПАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВА

Предназначение покупательского отзыва заключается в объективном анализе свойств заказанной (приобретенной) вещи и на его основе – рекомендации заказать (купить) или не делать этого. Потенциальные покупатели ждут именно этого сообщения – рациональной оценки. Маркетологи

Lamoda конструируют отзыв при помощи наводящих вопросов:

- Что вам понравилось в этом товаре?
- Кому бы вы его рекомендовали?

Заметим между прочим, наводящие вопросы склоняют скорее к положительному отзыву. Итог отзыва – оценка по пятизвездочной шкале. На некоторых других онлайн-платформах применяются формализованные отзывы-анкеты со схемой:

1) вариант товара;
2) достоинства;
3) недостатки.
4) комментарии (факультативны).

Обратим внимание на то, что для определенных групп товаров композиционно необходимые микротемы конкретизированы, например для товара «кофе в капсулах» введены позиции: ароматность, крепость, вкус. Очевидно, что все эти шаги сделаны для дисциплинирования личного мнения покупателя и облечения его (мнения) в приемлемую форму – жанр отзыва.

Исследованный нами материал обнаружил следующие виды отзывов:

1) тексты с подробным анализом и продуманной рекомендацией, написанные в деловом, по представлениям автора, стиле (незначительное количество):

   Рубашка имеет голубой цвет, фактура ткани с блеском. Фасон зауженный. Пройма рукавов стандартная. Размер в размер. На рост 155 длинна. Пуговицы перламутровые, общей положительной картины не портят. Красиво смотрится с серо-розовым жилетом из той же коллекции. Цена соответствует качеству. Рекомендую к приобретению.

2) тексты с подробным анализом и продуманной рекомендацией, написанные в разговорном ключе (большая часть):

   Рубашка имеет голубой цвет, фактура ткани с блеском. Фасон зауженный. Пройма рукавов стандартная. Размер в размер. На рост 155 длинна. Пуговицы перламутровые, общей положительной картины не портят. Красиво смотрится с серо-розовым жилетом из той же коллекции. Цена соответствует качеству. Рекомендую к приобретению.

3) тексты свободные, с выраженным индивидуальным характером, с элементами игры, но тем не менее содержащие анализ и рекомендации (таких отзывов много и наблюдается тенденция к их увеличению):

   Вообще ни о чем. Фасон – мешок с широченными рукавами, ткань – шерстяное одеяло (в садике такое было). Электризуется так, что искры летят. Кашемир говорите? Не знаю. Что за кашемир такой, из какой кашемирии.

4) тексты и квазитексты, содержащие исключительно эмоциональные знаки (слова или пиктограммы, например эмодзи):
   а) Вау
   б) Крутейшие
   в) Не подошло 😢
   г) 💔

Первая группа отзывов содержит оценку, основанную на рациональных объективных суждениях о товаре и его качествах, вторая и третья объединяют тексты, в которых в разных пропорциях совмещены рациональные и эмоциональные суждения, четвертая группа включает в себя тексты, выражающие оценку, сформированную только на чувствах и переживаниях. Языковая информация, заключенная в отзыве, содержит интеллектуальный (аналитический) компонент и эмоциональные концепты, отражающие различные эмоциональные и эстетические оценки. Их сочетание имеет большую иллокутивную силу и предназначено для воздействия на адресата, на его психику и решения. Эмоциональность может быть проявлена и ингерентно, и адгерентно.

Исследованный материал позволяет выявить следующие оценки:

1) нейтральные:

   - Качественный яркий свитер. Цвет как на картинке. Описанию соответствует полностью. Рекомендую брать на размер больше; Товар соответствует описанию. Качество норм. Ворот высокий, двойной. Комфортный, теплый. Я взяла костюмом.
   - Пиджаки этой марки мне нравятся. На невысокий и средний рост. Русский 42 размер хорошо на 82-66-84, 160. Рукава на пару см можно убрать. Взяла с брюками.

2) положительные (в диапазоне от одобрения до восхищения и восторга):

   - Здоровски смотрится! Качество хорошее. Хоть и броский цвет, но не вульгарный, не дешевый. Мне зашел☺ (*одобрение*).

- Мечта, а не шубка! Все в ней прекрасно! Взяла не раздумывая (*восхищение*).
- Качество – бомба! Цвет, фасон – супер! Стильный невероятно! Я нашла идеальный жакет (*восторг*).

3) отрицательные (в диапазоне от неодобрения до возмущения и уничижения):

- Вроде бы ничего смотрятся, но совсем не понятно, зачем такие рукава – реально расклешенные. Нелепые какие-то, все испортили (*неодобрение*).
- Не понравилось все: материал, цвет, фасон. Полное разочарование, испортилось качество N (*разочарование*).
- Немодно, нестильно, некрасиво!!! Качество отвратительное! Дешевая синтетика! Колхоз ☹☹☹ (*презрение, уничижение*).

Языковая гетерогенность. В данной работе мы оставляем за скобками тот факт, что отзывы можно заказать и что часть их написана не настоящими покупателями, а копирайтерами. Вот что, в частности, рекламирует одно из копирайт-агентств: «Мы пишем отзывы, словно сами воспользовались услугой / товаром. Каждый отзыв уникален. Мы не повторяемся». Также мы не рассматриваем так называемые вбросы – серии сфабрикованных недобросовестными конкурентами отрицательных отзывов. И те, и другие – чрезвычайно интересное явление в первую очередь с точки зрения лингвистической, требующее тщательного изучения.

Известно, что обычно маркетинговые службы исправляют только орфографические, пунктуационные и грубые речевые ошибки, чтобы сохранить индивидуальный стиль автора и подлинность отзыва. В «Правилах размещения отзывов» Lamoda указывает, что отзывы будут отредактированы при наличии в них синтаксических, орфографических и пунктуационных ошибок.

Отобранные для анализа отзывы репрезентируют разный уровень владения языком своих авторов и в целом представляют собой объективный срез речевой и языковой культуры сетевых покупателей одежды премиум-класса в диапазоне от полнофункционального типа до среднелитературного и раскованного, фамильярного.

Языковая свобода и лингвокреативность. Лингвокреативность стала едва ли не самой важной метаязыковой сущностью последних 20–30 лет. Языковую игру в лингвистике связывают с размыванием жанровых границ, нарушением традиционных канонов, осознанием личной и творческой свободы. Интерес к ней огромен, количество исследований растет и охватывает всё больше и больше областей. Интернет-пространство предлагает разнообразный и чрезвычайно интересный и богатый материал. Человек вступает в виртуальное пространство со своим индивидуальным образом, один из основных аспектов которого – языковой. Г. Н. Трофимова указала на чрезвычайно важное обстоятельство: текст и личность в сетевом пространстве обретают равнозначность [Трофимова, 2021].

Лингвокреативность понимается нами как творческая способность носителя языка создавать из доступных ему языковых средств новые единицы на всех уровнях: фонетическом, грамматическом, лексическом, фразеологическом, дискурсивном. Как правило, эти единицы вполне соотносимы с действующей и хорошо известной всем участникам коммуникации социолингвистической нормой.

Исследованный материал показывает, что главной целью автора отзыва, использующего свой лингвокреативный потенциал, является гармонизация общения, создание атмосферы доверительности, непринужденности, легкости. Одновременно решается вопрос самопрезентации автора как человека самоироничного, ироничного, модного, современного, приятного в общении, умного, остроумного. Встречаются следующие приемы:

1) смешение языковых регистров:

- Качество хорошее, но штаны как-то слишком консервативно выглядят.
- Много лучше в жизни, чем на фото. Шикардос.
- Не соответствует размеру, маломерит, тонковата. Ну такое себе.
- Прикольненькое, но на рост не ниже 170 и грудь от 2 размера;

2) создание новых, свежих сравнений и метафор:

- Я в этом пиджаке похожа на майского жука.
- Классные, ну офигенные! Сегодня пошла в них летящей походкой.
- Напоминает плед на диван. По лекалам – плечи впритык, зато в области живота – на 6 месяцев беременности подойдет. Двойка за все!
- Свитер зефирный, прикупила к нему юбку твинсет – и стала королевишной.
- Надевая этот свитер, ты облачаешься в ежовую шкуру – иголками внутрь. Даже футболка, надетая между телом и свитером, первого не спасает.

Особого внимания требуют цветообозначения, с помощью которых авторы передают тончайшие оттенки:

- Цвет – пенка с малинового варенья.
- Скорее это светло-коричневатый с розовато-вишневым приглушенным подтоном.
- Цвет ранней осени.
- Цвет запеченных румян.
- Прекрасный солнечный кардиган.
- Тонкий мягкий цвет тихой роскоши;

3) создание комического эффекта за счет неожиданных и оригинальных образов:

- На мне похож на коротенький серый мешок. Рост 167, имеется грудь.
- Брала в подарок дочке подруги, а та набрала почти центнер. Футболки понравились (Ну Марни!), но не налезли. У дочки +комплекс, с подругой вдрызг поругались;

4) словотворчество:

- Дизайн, цвет – бомбический! На тусич пойду с цепочкой, на работу – с ремешком. Мой любимый пушистик.
- Кардиган нежно-комфортный;

5) иноязычные, чаще жаргонные вкрапления:

- Олд мани во всей своей красе.
- Можно как платье носить, а можно как тунику поверх аутфита с шортами и майкой.
- Ну прям овер – овер.
- Ребят, ну камон;

6) принятые в интернет-коммуникации сокращения:

- Оч хорошо сели, как влитые.
- Ну ооооч стильный, только учтите, что в составе 40% полиэстера. Расцветка и качество хор, но фасон – прошлый век.
- Качество норм, цвет отменный.

7) интонационные растяжки, обозначенные графически: Ооооооочень колючий!

- Девочкиииииии, ну что это за прелесть.
- Хороший свитерок, но чуууть великоват и не подошел к моим брюкам;

8) использование латиницы:

- Это любоff.
- Мегакрутой color-block;

9) популярные в интернет-коммуникации эрративы (намеренные орфографические ошибки) и литуративы (зачеркивания) в нашем материале отсутствуют.

Комплексный анализ показывает слабую представленность в покупательских интернет-отзывах вербальной агрессии. В них достаточно часто выражена негативная оценка, но практически нет речевой агрессии. Как инвектива в определенных редких ситуациях встречаются эксплицитно-оценочные окказионализмы, построенные, как правило, на основе разговорных или просторечных пейоративных лексем. Негативная оценка автора отзыва вызвана значительными различиями в системах консюмеристских «ценностей» и никогда не достигает уровня «языка вражды»:

- Ну что за колхозище, кто это сейчас носит.
- Ламода, позор в таком виде доставлять премиум-вещи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Покупательский интернет-отзыв – востребованный сетевой жанр, который обнаруживает все признаки нового публичного медийного жанра. Формируется новая дискурсивная практика, которая требует наблюдения и изучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: коллективная монография / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, Е. В. Щеникова и др. ; под ред. Л. В. Рацибурской. М.: Флинта, 2021.
2. Буцева Т. Н. Некоторые наблюдения о неологических процессах в русском языке 2000–2021-х годов. // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сборник научных статей. М.: Флинта, 2021. С. 112–125.

3. Иссерс О.С. Речевой жанр отзыва потребителя и его трансформация в цифровую эпоху// Жанры речи. 2023. Т. 18. № 4 (40). С. 375–385
4. Трофимова Г. Н. К проблеме формирования смыслов современными медиа // Медиаскоп. 2021. Т. 9. № 2. С. 365–377.

REFERENCES

1. Radbil, T. B. et al. (2021). Russkij yazyk v internet-kommunikacii: lingvokognitivnyj i pragmaticheskij aspekty = Russian language in Internet communication : linguocognitive and pragmatic aspects: collective monograph, edited by L. V. Ratsiburskaya . Moscow: FLINTA (In Russ.)
2. Butseva, T. N. (2021). Nekotorye nabludeniya o neologicheskich processach v russkom yazyke v 2000-2021= Some issues about neological processes in Russian in 2000–2021. Aktivnye processy v sovremennom russkom yazyke: nacional'noe i internacional'noej (pp. 112–125): the digest of articles. Moscow: FLINTA. (In Russ.)
3. Issers, O. S. (2023). Rechevoj janr otzyva potrebitela i jego transformacija v zifrovuju epochu = Speech genre of consumer feedback and its transformation in the digital era. Genres of speech, 18, 4(40), 375–385.(In Russ.)
4. Trofimova, G.N.(2021) K probleme formirovanija smyslov sovremennymi media = On the problem of the formation of meanings by modern media. Mediascope, 9(2), 365–377. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Космарская Искра Вадимовна
кандидат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой русского языка и теории словесности
переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kosmarskaya Iskra Vadimovna
PhD (Philology)
Head of the Department of Russian Language
Faculty of Translation and Interpretion, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	09.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'255:22.05.06

Актуальность лингвистической теории перевода и переводческая практика

И. М. Матюшин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
igor.matyushin@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются основные достижения лингвистической теории перевода и приводятся аргументы в пользу ее актуальности на современном этапе развития науки о переводе, что подтверждается переводческой практикой. Автор статьи анализирует основные критические замечания в отношении лингвистической теории перевода со стороны сторонников интерпретативной теории Д. Селескович и М. Ледерер и формулирует собственное мнение по поводу их релевантости.

Ключевые слова: лингвистическая теория перевода, интерпретативная теория перевода, переводческая практика, эквивалентность, взаимодействие языков, уровни языка, приемы перевода, переводческие трансформации

Для цитирования: Матюшин И. М. Актуальность лингвистической теории перевода и переводческая практика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 70–77.

Original article

Relevance of Linguistic Theory of Translation and Translation Practice

Igor M. Matyushin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
igor.matyushin@gmail.com

Abstract. The article reviews the main accomplishments of the linguistic theory of translation and argues in favour of its relevance to present-day translation science, which is confirmed by translation practice. The author of the article analyses criticism against the linguistic theory of translation from the proponents of the interpretive theory of D. Seleskovitch and M. Lederer, and comments on its credibility.

Keywords: linguistic theory of translation, interpretive theory of translation, translation practice, equivalence, language interaction, language levels, translation techniques, translation transformations

For citation: Matyushin, I. M. (2024). Relevance of linguistic theory of translation and translation practice. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 70–77. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на многовековую переводческую практику, принято считать, что теоретическое осмысление перевода как особой когнитивной деятельности человека, началось лишь в XX веке. Становление теории перевода в качестве самостоятельной научной дисциплины проходило сложно на фоне возражений со стороны языковедов, литературоведов и филологов. Достаточно упомянуть высказывание А. А. Реформатского в статье, датированной 1952 годом и опубликованной в авторитетном журнале того времени «Иностранные языки в школе», в котором ученый ставит вопрос о жизнеспособности науки о переводе и тут же дает на него ответ: «Такой науки быть не может». По его мнению, переводчики-практики могли бы применять в своей профессиональной деятельности достижения многих других наук, в то время как собственной науки область перевода иметь не может. Это обусловлено разнообразием типов и жанров перевода, ведь изучение особенностей специального научного перевода не актуально для перевода стихотворного, а проблемы, относящиеся к переводам классической литературы, не нужны при составлении разговорников-минимумов. Все эти аспекты А. А. Реформатский называет «разноделимыми величинами, у которых нет общего знаменателя» [Реформатский, 1952, с.12]. Не случайно во второй половине XX века параллельно зародились (и в некоторой степени находились в оппозиции) два научных направления: лингвистическая и литературоведческая теории перевода [Raková, 2014, с.86].

Впрочем и многие переводчики-практики часто не видят оснований для научного изучения их деятельности, аргументируя это успешностью выполнения профессиональных задач без владения основами теории перевода. Кроме того, по мнению Э. Прунча, понятие «теория перевода» ассоциируется с мыслью о противоположности между научным изучением перевода и переводческой практикой, в чем он усматривает значительный недостаток этого научного термина [Прунч, 2015]. В качестве контраргумента можно привести справедливое замечание В. Н. Комиссарова, согласно которому любая теория перевода непосредственно связана с переводческой практикой. Действительно, теоретические концепции в любой области знания обязательно должны основываться на описании фактов реального процесса, доступных для наблюдения, обобщать и объяснять эти факты. При этом теория перевода как научная дисциплина может оказывать обратное влияние на переводческую практику, поскольку она обогащает ее и предлагает пути решения проблем [Комиссаров, 2002].

Сегодня можно утверждать, что за последние 100 лет теория перевода вполне сформировалась в качестве самостоятельной отрасли науки. В хронологическом плане первой переводоведческой концепцией стала лингвистическая теория перевода, основывающаяся на сравнительном изучении исходного и переводного текста. Несмотря на появление в дальнейшем иных теоретических взглядов, порой прямо противопоставляющих себя лингвистической теории, последняя, на наш взгляд, по-прежнему лежит в основе любого изучения процесса профессионального перевода и отнюдь не утратила своей актуальности.

Целью данной статьи является уточнение вклада лингвистической теории перевода (которую применительно к России можно с полным правом называть «Переводоведческой школой Московского иняза») с точки зрения переводческой практики, а также анализ целесообразности критики лингвистической теории сторонниками интерпретативной теории перевода, разработанной в стенах Высшей школы переводчиков (ESIT) в Париже.

ВКЛАД ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В ИЗУЧЕНИЕ ПРОЦЕССА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА

Лингвистическая теория перевода сформировалась в 50-е годы XX века, когда сразу в нескольких странах были опубликованы работы, представлявшие собой теоретические размышления о природе и сущности процесса перевода. Их объединяло стремление выяснить основные закономерности опосредованной межъязыковой коммуникации на основе сравнения оригинальных и переводных текстов. Одновременно появилась надежда на создание универсальной лингвистической модели, определяющей нормы и правила перехода от одного языка к другому, которой могли бы руководствоваться профессиональные переводчики в своей деятельности.

В 1959 году была опубликована книга канадских лингвистов Жана-Поля Вине и Жана Дарбельне «Сравнительная стилистика французского и английского языков». Авторы книги были убеждены в том, что сравнительный анализ стилистических особенностей французского и английского языка позволит выделить универсальные закономерности, применение которых может впоследствии привести к частичной автоматизации процесса перевода.

Сравнивая исходные (ИТ) и переводные (ПТ) тексты, Ж-П. Вине и Ж. Дарбельне пришли к выводу, что объективно существуют лишь два пути, по которому может пойти переводчик. Эти два пути

они назвали прямым (или дословным) переводом, с одной стороны, и косвенным (oblique) переводом – с другой. По их мнению, существуют коммуникативные ситуации, при которых сообщение на исходном языке (ИЯ) можно прекрасно (parfaitement) перевести в сообщение на языке перевода (ПЯ). Такой способ перевода основан на параллельных категориях (структурный параллелизм), либо же на параллельных концепциях (металингвистический параллелизм). В иной коммуникативной ситуации переводчик встречает в ПЯ лакуны, которые надлежит заполнить эквивалентными средствами, поскольку перед переводчиком стоит главная задача: обеспечить общее впечатление (l'impression globale) от обоих сообщений, причем, это впечатление «должно быть одинаковым». Применение второго способа («пути», по терминологии авторов работы), неизбежно наведет переводчика на мысль, что, прибегая к структурным или металингвистическим различиям, он не в состоянии добиться определенного стилистического эффекта в ПТ без изменений (больших или меньших) в синтаксической структуре (l'agencement) или даже на уровне лексических единиц. В таких случаях переводчик будет вынужден прибегнуть к более изощренным приемам, названным «приемы косвенного перевода», которые на первый взгляд могут показаться удивительными [Vinay, Darbelnet, 1972].

Безусловным вкладом Ж-П. Вине и Ж. Дарбельне в зарождающуюся теорию перевода стало то, что они впервые сформулировали и классифицировали технические приемы перевода, которыми пользуется переводчик для достижения эквивалентного «общего впечатления» (по их выражению) от исходного и переводного текста. Три приема, а именно: заимствование (l'emprunt), калькирование (le calque) и дословный перевод (la traduction littérale) они отнесли к категории прямых приемов перевода, а еще четыре: транспозиция (la transposition), модуляция (la modulation), эквиваленция (l'équivalence) и адаптация (l'adaptation) назвали косвенными приемами. Все семь приемов, по мнению авторов, могут применяться переводчиком на уровне лексики, синтаксической структуры или общего смысла высказывания.

Основы лингвистической теории перевода в Советском Союзе заложены А. Б. Федоровым в его книгах «Введение в теорию перевода» и «Основы общей теории перевода». По мнению А. Б. Федорова, к задачам теории перевода относятся выявление закономерностей в ходе компаративного анализа подлинника и перевода, обобщение в свете научных данных выводов, сделанных из наблюдений над отдельными частными случаями перевода. Выполнение этих задач могло бы «опосредованно способствовать переводческой практике» [Федоров, 2002, с.20], которая в результате будет использовать доводы и доказательства, предложенные наукой о переводе, в поисках оптимальных средств выражения и, таким образом, решать конкретные практические задачи, опираясь на достижения научных исследований. Ключевым для данной статьи является убеждение А. Б. Федорова в том, что основным предметом внимания для теории перевода должно быть соотношение между подлинником и переводом, объяснение и обобщение «различия форм», которые имеют ИТ и ПТ в различных коммуникативных ситуациях.

В книге «Теоретические проблемы перевода», опубликованной в 1963 году, французский лингвист Жорж Мунен также утверждает лингвистический подход в качестве концептуальной основы для изучения перевода. По его мнению, «перевод – это контакт языков, и одновременно явление билингвизма» [Mounin, 1963, с. 4]. Чрезвычайно интересным и по-прежнему актуальным является его замечание о том, что современная лингвистика сталкивается с теоретической проблемой, которую ставит перед ней переводческая деятельность. Действительно, общепринятые представления о структуре лексики, морфологии и синтаксиса наводят на мысль о том, что перевод в принципе невозможен. Однако люди испокон веков пользуются плодами труда переводчиков. Таким образом, по образному выражению Ж. Мунена, «существование перевода привносит скандальный элемент в современную лингвистику» [там же, с. 8]. Поддерживая теоретические взгляды А. Б. Федорова, Ж. Мунен также считал, что выявление закономерностей и теоретическое обобщение необходимо для перевода, который является «творческой и критической деятельностью». Наука о переводе позволит извлекать из переводческой практики «выводы более широкого масштаба, распространять их на целый ряд случаев, преодолевать эмпиризм и кустарные приемы работы» [там же, с. 16].

Окончательное становление лингвистической теории перевода в качестве самостоятельной отрасли науки связано с работами выдающихся советских переводоведов Я. И. Рецкера, Л. С. Бархударова, А. Д. Швейцера, В. Н. Комиссарова, Р. К. Миньяр-Белоручева, Л. К. Латышева и многих других.

На наш взгляд, лингвистическая теория, по-прежнему, может рассматриваться как основная научная база изучения перевода по нескольким причинам:

1) ее непреходящее значение заключается в том, что она придала изучению перевода научный характер. Использование сопоставительного анализа является не только продуктивным в практическом плане, но и естественным методом изучения

перевода, поскольку процесс перевода предполагает установление определенных отношений между текстами на разных языках. В результате сопоставления ИТ и ПТ выявляется информация, значимая для переводческой практики, именно поэтому «можно заключить, что изучение перевода лингвистическими методами вполне обоснованно и продуктивно» [Комиссаров, 2002, с. 37];

2) преимущество сравнительного изучения двух языков заключается также в том, что таким образом переводчик осознает структурные различия между двумя языками и на основании этого анализа вырабатывает алгоритм переводческих действий [Raková, 2014];

3) результаты сопоставительных исследований представляют собой значительный вклад в теорию сравнительно-сопоставительного языкознания. «Теория перевода исследует определенный тип отношений между языками и, следовательно, ее можно рассматривать как один из разделов компаративной лингвистики» [Кэтфорд, 1978, с. 91];

4) в рамках лингвистической теории перевода был разработан понятийно-категориальный аппарат, удобный для теоретического описания процесса перевода;

5) лингвистическая теория перевода содержит классификацию и описание технических приемов перевода, которые оказались очень полезны для ретроспективного описания результата перевода. Они придают смысл различным манипуляциям с языком, которые производит переводчик. Полезность этих приемов подтверждается практикой перевода.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Возникшие на протяжении последующих десятилетий многочисленные переводоведческие концепции во многом опирались на достижения лингвистической теории. Однако их отношение к последней варьировалось от безусловного признания ее заслуг до категоричного отрицания изучения процесса перевода методом сопоставления исходного и переводного текста. Среди последних, на наш взгляд, выделяется интерпретативная теория перевода (которую также называют «теорией смысла», или «теорией Парижской школы»). Ее создатели Д. Селескович и М. Ледерер неоднократно подчеркивали, что принятый ими подход прямо противоположен взглядам сторонников лингвистической теории. Однако, по справедливому замечанию Г. Т. Хухуни и И. И. Валуйцевой, противопоставление другим концепциям, предшествующим положениям и принципам, порой нарочито и резко, вряд ли можно признать правильным путем в науке, ведь «для того, чтобы осуществить «отталкивание», необходимо иметь для него опору, от которой оно и будет происходить» [Хухуни, Валуйцева, 2023, с. 36].

Одним из ключевых критических замечаний в адрес лингвистической теории является упрек в ее стремлении изучать перевод не на уровне текста и дискурса, а на основе анализа отдельных предложений, часто без учета контекста. По мнению сторонников теории смысла, она, в отличие от лингвистической теории перевода, не основывается на сравнении языков (лингвистических систем) и не рассматривает предложения как единицы перевода; вместо этого интерпретативная теория перевода делает акцент на контекстуальном переводе, подчеркивая анализ смысла, проявляющегося в дискурсе [Delisle, 1984].

В своей программной работе «Интерпретировать, чтобы перевести» Д. Селескович и М. Ледерер постоянно противопоставляют свою концепцию лингвистической теории перевода. Авторы «теории смысла» полагали, что применение сопоставительного анализа ИТ и ПТ как основного метода изучения перевода приводит к ситуации, которую древние греки называли «апорией», т. е. логическим противоречием: признание того, что языки непереводимы в силу их глубоких различий, но при этом выстраивание теории перевода на основе изучения этих самых языков [Seleskovitch, Lederer, 1993]. Основатели Парижской школы также считали, что в процессе перевода не происходит никакого взаимодействия между языковыми системами, поскольку процесс перевода осуществляется так же естественно, как и процесс одноязычной коммуникации. Отправной точкой интерпретативной теории перевода является следующий постулат: процесс перевода осуществляется не на уровне языка, а на уровне дискурса или текста [Бодрова, 2021].

Категоричное отрицание возможности осуществления перевода на уровне языка (а точнее, на различных уровнях языка) аргументируется тем, что каждое слово, не говоря уже о фразах или сверхфразовых единствах, проявляет свое смысловое выражение только в тексте и, следовательно, анализ перевода отдельных слов и фраз, вырванных из контекста, является контрпродуктивным, поскольку, оказавшись в ином контекстуальном окружении, эти лексические единицы приобретают иной смысл. Д. Селескович образно сравнила слово вне контекста, которое еще не стало сообщением, с банкнотой, которая еще не материализовалась в покупке какого-нибудь товара: 50-франковая купюра может быть использована для покупки продуктов, книг или железнодорожного билета, но до

этого момента она несет в себе лишь одну из этих виртуальных возможностей [Seleskovitch, Lederer, 1993, с. 24].

Насколько справедливы эти критические замечания в адрес лингвистической теории? Возведение текста и дискурса в ранг основного уровня осуществления перевода, а также важности контекстуального окружения для вычленения смысла является очевидным и, безусловно, не может быть оспорено. Однако внимательное прочтение трудов основоположников лингвистической теории свидетельствует о том, что они не только не отрицали этот очевидный факт, но, напротив, рассматривали текст как основную единицу перевода. В частности, В. Н. Комиссаров подчеркивал, что проблемы перевода – это, в основном, проблемы анализа, понимания и построения текста, и, таким образом, текст следует рассматривать в качестве основной единицы перевода. Оснований для подобного утверждения несколько. Во-первых, текст предстает в качестве единого смыслового целого, и поэтому значения всех его элементов взаимосвязаны и этому целому подчинены. В связи с этим понимание отдельных высказываний в большей или меньшей степени зависит от содержания всего текста и от того места, которое они занимают в тексте. Таким образом, текст является той единицей, в рамках которой решается вопрос о контекстуальном значении всех языковых средств. Во-вторых, переводчику постоянно приходится оценивать неизбежные потери, и при этом переводчик руководствуется принципом преобладания целого над частью. В результате переводчик может пожертвовать менее существенными деталями в своем стремлении правильно передать основное содержание текста. В-третьих, «конечной целью переводчика является создание текста, который отвечал бы требованиям когезии и когерентности, и все решения переводчика принимаются с учетом этих требований» [Комиссаров, 2002, с. 65]. Важность текстологических аспектов перевода отмечали и другие ученые, однако при этом подчеркивали, что признание текста основной единицей перевода не позволяет решить все переводческие проблемы, часто связанные с передачей отдельных элементов, складывающихся в единый текст.

Возможен ли перевод на других уровнях языка помимо текстуального? Теория Парижской школы дает на этот вопрос однозначный отрицательный ответ, называя любой перевод на уровне ниже текстуального «перекодированием» (transcodage), т. е. не переводом вообще. Термин «перекодирование», действительно, вызывал возражения у многих исследователей, так как он отсылает к простому «переносу значения» с одного языка на другой, в связи с чем Дж. Кэтфорд считал этот термин ошибочным и предлагал отказаться от него при описании перевода [Кэтфорд, 1978]. Однако это не означает, что переводчик способен передать смысл высказывания только основываясь на широком контексте: коммуникативные ситуации разнообразны, и коммуникация может происходить на любом уровне языка.

Аргументируя невозможность перевода на других уровнях языка ниже текстуального, Т. И. Бодрова (Гоженмос) приводит возможные варианты перевода на разных уровнях языка фразы на французском языке *L'Est va plus vite qu'on ne le croit*, взятой из выступления президента Европейского банка реконструкции и развития.

По мнению, Т. И. Бодровой, перевод данного предложения на лексическом уровне (слово в слово) состоит в том, чтобы найти в словаре русские соответствия каждому французскому слову, а именно: *L'Est* (*Восток*), *va* (*идет*), *plus* (*более*), *vite* (*быстро*), *qu'on* (*чем мы*) *ne* (*не*) *le* (*что*) *croit* (*думаем*). Очевидно, что полученное в результате предложение на русском языке лишено какого-либо смысла. Перевод той же фразы на уровне речи (на уровне реализации языка), но вне контекста, позволяет получить более понятный вариант перевода, однако он не дает полного понимания смысла высказывания: *Восток движется быстрее, чем мы думали* или *Восток перемещается быстрее, чем ожидалось*. Для правильного перевода данной фразы, по мнению автора, необходимо знание контекста, а именно: того, оратор имел в виду переход к рыночной экономике стран Центральной и Восточной Европы. Таким образом, передача правильного смысла высказывания возможна только на текстуальном уровне: *Этот переход в странах Центральной и Восточной Европы происходит быстрее, чем мы думаем*. Т. И. Бодрова делает следующий вывод: «лингвистический перевод, который не учитывает контекст, приводит к перекодированию, основанному на подборе соответствий словам одного языка в другом языке, в то время как значения слов в системе языка не позволяют выделить смысл, который становится очевидным только на уровне текста» [Бодрова (Гоженмос), 2021, с. 65-66].

Как можно прокомментировать подобный пример? Во-первых, любой, даже не профессиональный переводчик, будучи в здравом уме и твердой памяти, не переведет данную фразу «слово в слово», как показано в первом случае. Во-вторых, предложенный правильный перевод на русский язык выполнен отнюдь не на текстуальном уровне (поскольку мы по-прежнему имеем дело не с полным текстом, а лишь с отдельным предложением), а на уровне лексическом. Действительно, чтобы правильно перевести это предложение, достаточно

подобрать хороший лексический эквивалент для слова *l'Est*, которое в данном случае, безусловно, означает «страны Центральной и Восточной Европы». Очевидно, что не существует противоречия между переводом на лексическом и текстуальном уровне по той простой причине, что смысл – это не абстрактный конструкт, существующий сам по себе: смысл выражен в семантическом наполнении, которое несут в себе отдельные лексические единицы. По сути, приведенный пример требует от переводчика всего лишь действия, которое Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне назвали прямым способом перевода: заменить французское слово *l'Est* на правильный эквивалент в русском языке, руководствуясь собственным лексическим тезаурусом и элементарными фоновыми знаниями.

Вместе с тем существуют коммуникативные ситуации, которые обязывают переводчика осуществлять перевод отнюдь не на текстуальном, а на лексическом и даже на фонетическом уровнях. Например, перевод списка участников международной конференции, включающий имена и фамилии на иностранном языке, предполагает применение приема транскрипции, т. е. перевода на фонетическом уровне. Перевод перечня запасных частей (*болт*, *гайка*, *винт* и т. д) или же перечня стран будет осуществляться исключительно на лексическом уровне (слово в слово!) без учета контекста и при отсутствии какой-либо необходимости в контексте. В любом случае, перевод возможен лишь при условии понимания семантического значения лексических единиц, их смысловых нюансов, а главное, выстраивания эквивалентных соответствий между лексическими единицами исходного и переводящего языка.

Вторым объектом критики со стороны теории смысла является уже упомянутое понятие «прием перевода» и синонимичное ему понятие «переводческая трансформация»[1]. Как отмечал Л. К. Латышев, в задачу переводчика входит разрешение неизбежного конфликта двух языков с помощью намеренных отступлений от структурного и семантического параллелизма между ИТ и ПТ в пользу их равноценности в плане воздействия. Именно эти отступления получили в лингвистической теории перевода название «переводческие трансформации». Переводческие трансформации выступают средством разрешения противоречия, периодически возникающего между двумя требованиями к переводу: требованием равноценности регулятивного воздействия ИТ и ПТ и требованием определенной меры их семантико-структурного подобия [Латышев, 2005]. Более того, по мнению Л. С. Бархударова, «предметом лингвистической теории перевода как раз и является научное описание процесса перевода как межъязыковой трансформации, т. е. преобразования текста на одном языке в эквивалентный ему текст на другом языке» [Бархударов, 1975, с. 6].

Действительно, сравнивая текст оригинала и текст перевода, ученые естественным образом пришли к выводу, что их отношение можно представить в качестве преобразования (трансформации) первого во второй по определенным правилам [Комиссаров, 2002]. Именно существование этих правил и ставит под сомнение интерпретативная теория перевода.

Сторонники этой теории полагают, что само понятие «трансформация» заводит изучение процесса перевода в тупик, поскольку переводчики не трансформируют один язык в другой, а передают смысл высказывания. По их мнению, сведение процесса перевода, представляющего собой творческий процесс, к ограниченному набору механических действий, может пагубно отразиться на способности переводчика передавать смысл текста. В связи с этим они призывают «отрешиться от любых переводческих приемов или рецептов перевода» [Бодрова (Гоженмос), 2021, с. 285]. Они также обращают внимание на то, что, выполняя перевод, переводчик, как правило, действует интуитивно, никогда не задумывается о том, какую именно переводческую трансформацию применить, а видов подобных трансформаций можно насчитать бесчисленное множество, так как они зависят от контекстуального окружения и коммуникативной задачи. Согласно интерпретативной теории, слишком пристальное внимание к проблеме переводческих трансформаций в ходе обучения переводу также нецелесообразно, так как в основе обучения «должен лежать принцип поиска смысловых эквивалентов, который способствует развитию творческой активности переводчика» [там же, с. 285–286]. Аргументируя такую позицию, сторонники интерпретативной теории, как правило, ссылаются на собственный опыт, в котором не находится места упорядоченной системе переводческих трансформаций. Однако наш собственный переводческий опыт свидетельствует, скорее, об обратном.

В частности, Т. И. Бодрова (Гоженмос) приводит в качестве примера выступления ораторов, плохо владеющих английским языком. Тем не менее устным переводчикам удается не только понять смысл их речи, но и передать его на хорошем уровне. Т. И. Бодрова (Гоженмос) считает, что такие ситуации дают ценный аргумент, доказывающий несостоятельность любых попыток применить понятие приемов перевода к синхронному переводу, так как они являются результатом

[1]Несмотря на разные взгляды на соотношение этих двух понятий, мы их употребляем в качестве синонимов.

сравнения лексических и синтаксических структур двух языков, но совершенно неэффективны при переводе речи, отмеченной неправильными грамматическими структурами и кальками. Если же переводчикам всё же удается выполнить свою работу, то отнюдь не благодаря конкретизации, генерализации и прочим переводческим трансформациям [Бодрова (Гоженмос), 2021].

На наш взгляд, подобный пример как раз должен бы был свидетельствовать о чрезвычайной полезности знакомства с переводческими трансформациями. Трудно представить, как можно передать смысл устного выступления, которое грешит языковыми ошибками, а также отсутствием логических связей, не применяя конкретизацию или генерализацию понятий, равно как и другие приемы, такие как модуляция, транспозиция и компенсация. По нашему глубокому убеждению, которое подтверждается переводческой практикой, только благодаря применению всего арсенала переводческих трансформаций и продуманному алгоритму действий можно правильно передать смысловую нагрузку подобных выступлений.

Кстати, основоположники лингвистической теории понимали термин «трансформации» не как синоним «перекодирования», а как переводческое действие, необходимое для правильной передачи смысла: «Термин «трансформация» используется в переводоведении в метафорическом смысле. На самом деле речь идет об отношении между исходными и конечными языковыми выражениями, о замене в процессе перевода одной формы выражения другой, замене, которую мы образно называем превращением или трансформацией. Таким образом, переводческие трансформации являются по существу межъязыковыми операциями «перевыражения» смысла» [Швейцер, 1988, с. 118]. На наш взгляд, важнейшим практическим значением понятия «переводческие трансформации» является не только придание системности переводческим действиям, направленным на передачу смысла исходного высказывания, но и установление определенных рамок, в пределах которых эти действия допустимы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на появление за прошедшие десятилетия целого ряда теоретических концепций в изучении процесса перевода (коммуникативного подхода Ю. Найды, социолингвистической теории перевода У. Лабова, переводческой герменевтики Дж. Стайнера, интерпретативной теории перевода Д. Селескович и М. Ледерер, скопос-теории Г. Вермеера и К. Норд, дескриптивной теории Г. Тури и др.), лингвистическая теория, первой проложившая системный научный путь к изучению перевода, не утрачивает своей актуальности и, по-прежнему, является научной основой для последующих теоретических изысканий. Ее главное и непреходящее значение обусловлено тесной связью с многолетней переводческой практикой, ежедневно подтверждающей верность основных взглядов на сущность перевода, изложенных в трудах основоположников лингвистической теории. Дальнейшее развитие переводоведческой мысли, на наш взгляд, должно происходить не в оппозиции к предыдущим теоретическим концепциям, а в русле их эволюционного развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Реформатский А. А. Лингвистические вопросы перевода // Иностранные языки в школе. 1952. № 6. С. 12–22.
2. Raková, Z. Les théories de la traduction. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2014.
3. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. Перевод с немецкого языка. М.: Р.Валент, 2015.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002.
5. Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction. Nouvelle édition revue et corrigée. Paris : Didier, 1972.
6. Федоров А. Б. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ ; М.: Филология Три, 2002.
7. Mounin G. Les problèmes théoriques de la traduction. Paris : Gallimard, 1963.
8. Кэтфорд Дж. К. Лингвистическая теория перевода. Пер. с английского Л. Черняховской // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 91–114.
9. Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И. Историческое переводоведение как научная дисциплина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 35–41. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/2_870_H.pdf
10. Delisle J. L'analyse du discours comme méthode de traduction. Théorie et pratique. Ottawa : Presses Universitaires, 1984.
11. Seleskovitch D., Lederer M. Interpréter pour traduire. 3ème édition, revue et corrigée. Paris : Didier Érudition, 1993.

12. Бодрова (Гоженмос) Т. И. Российское переводоведение в свете интерпретативной теории перевода (Теория, практика и методика преподавания) / перевод с французского Н. А. Фененко. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2021.
13. Латышев Л. К. Технология перевода. М.: Академия, 2005.
14. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975.
15. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.

REFERENCES

1. Reformatskii, A. A. (1952). Lingvisticheskie voprosy perevoda = Linguistic issues of translation. Inostrannye yazyki v shkole, 6, 12–22. (In Russ.)
2. Raková, Z. Les théories de la traduction. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2014.
3. Prunč, E. (2015). Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoi asimmetrii k politicheskoi = The ways of development of Western translation studies. From language asymmetry to political one. Moscow: R.Valent. (In Russ.)
4. Komissarov, V. N. (2000). Sovremennoe perevodovedenie = Modern Translatology. Course of Lectures. Moscow: ETS. (In Russ.)
5. Vinay, J.-P., Darbelnet, J. (1972). Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction. Nouvelle édition revue et corrigée. Paris : Didier.
6. Fedorov, A. V. (2090). Osnovy obshchei teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) = Foundation of General Theory of Translation (Linguistic Problems). Saint Petersburg: Philological Faculty of SPbSU, Moscow: Philology Tri. (In Russ.)
7. Mounin, G. (1963). Les problèmes théoriques de la traduction. Paris : Gallimard.
8. Catford, J. (1978) Lingvisticheskaya teoria perevoda. = Linguistic Theory of Translation. Voprosy teorii perevoda v zarubejnoi lingvistike (pp. 91–114). Moscow: Mejdunarodnie otnoshenia. (In Russ.)
9. Khukhuni, G. T., Valuytseva, I. I. (2023). History of translatology: Scientific subject. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 35–41. http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/2_870_H.pdf (In Russ).
10. Delisle, J. (1984). L'analyse du discours comme méthode de traduction. Théorie et pratique. Ottawa : Presses Universitaires.
11. Bodrova (Gojenmos), T. I. (2021). Rossiiskoye perevodovedenie v svete interpretativnoi teorii perevoda (Teoria, praktika i metodika prepodavania) = La Traductologie russe (Théorie, pratique, enseignement : ses apports et ses limites). Voronej: Nauka-Unipress. (In Russ.)
12. Seleskovitch, D., Lederer, M. (1993). Interpréter pour traduire. 3ème édition, revue et corrigée. Paris : Didier Érudition.
13. Latyshev, L. K. (2005). Technologia perevoda = Translation technology. Moscow: Academia. (In Russ.)
14. Barkhudarov, L. S. (1975). Yazik i perevod (Voprosy obshei i chastnoi teorii perevoda) = Language and Translation (Issues of General and Private Theory of Translation). Moscow: Mejdunarodnie otnoshenia. (In Russ.)
15. Shveitser, A. D. (1988). Teoria perevoda: Status, problemy, aspekty = Theory of Translation: Status, Problems, Aspects. Moscow: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Матюшин Игорь Михайлович
кандидат филологических наук
доцент кафедры перевода французского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Matyushin Igor Mikhailovich
PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of Russian-French Translation
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	06.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	06.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811+81'272+811.531

Лингвистическая интерференция как социокогнитивный феномен

Т. С. Мозоль

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
yoondanhee@gmail.com

Аннотация. Проблема лингвистической интерференции сочетает в себе как когнитивные, так и социальные аспекты, в связи с чем представляется важным изучение данного явления в рамках социокогнитивной лингвистики. Лингвистическая интерференция может действовать как на коллективном (языковая политика и культурные модели), так и на индивидуальном уровне (нарушение существующих языковых норм ради достижения высшей коммуникативной нормы). При этом оба уровня тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены друг другом.

Ключевые слова: лингвистическая интерференция, языковой контакт, норма и вариативность, языковая политика, англо-корейский языковой контакт

Для цитирования: Мозоль Т. С. Лингвистическая интерференция как социокогнитивный феномен // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 78–85.

Original article

Linguistic Interference as a Sociocognitive Phenomenon

Tatiana S. Mozol

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
yoondanhee@gmail.com

Abstract. The problem of linguistic interference combines both cognitive and social aspects, therefore it seems important to study this phenomenon within the framework of sociocognitive linguistics. The linguistic interference (contact-induced linguistic changes) is realized both at the collective level (language policy, cultural models) and at the individual level (violation of existing linguistic norms for the sake of achieving the highest communicative norm). Both levels are closely interconnected and interdependent.

Keywords: linguistic interference, language contact, norm and variation, language policy, the English-Korean language contact

For citation: Mozol, T. S. (2024). Language interference as a sociocognitive phenomenon. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 78–85. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Исследования в области языковых контактов и лингвистической интерференции отличаются междисциплинарностью и пересечением с довольно широким спектром разнообразных подходов. Фактически лингвистическая интерференция представляет собой область, которая максимально открыта для многих междисциплинарных проблем как внутри социолингвистики, так и за ее пределами: например, проблем языковой политики, нормы и узуса, диалектного варьирования, билингвизма, усвоения языка, языковой личности, культурной идентичности и др. Несмотря на открытость исследований в этой области к использованию различных подходов, теоретический аппарат и методы когнитивной и социокогнитивной лингвистики к проблеме языковых контактов и интерференции последовательно не применялись. Интерес к рассмотрению лингвистической интерференции и шире языковых контактов в когнитивной лингвистике стал появляться относительно недавно. Некоторые ученые даже указывают на необходимость создания нового направления – когнитивной контактной лингвистики, исходя из того, что языковая интерференция всегда предполагает долговременную (системную) реконцептуализацию или текущее (дискурсивное) реконструирование фрагментов действительности у носителей языка-реципиента, поэтому в качестве локуса языкового контакта может рассматриваться концептуальная система индивида или концептуальная картина мира языкового коллектива [Cognitive Contact Linguistics, 2019].

Трактовка лингвистической интерференции как социокогнитивного феномена представляется целесообразной также в контексте тенденции социального поворота (социального усиления), которая наблюдается в XXI веке в когнитивных науках и когнитивной лингвистике, в частности. Данный поворот определяется как одно из важнейших направлений развития когнитивной лингвистики в будущем, многие ученые: Г. Кристенстен, Р. Дирвен (G. Kristiansen, R. Dirven, 2008), У. Крофт (W. Croft, 2009), П. Хардер (P. Harder, 2010), М. Путц, Дж. Робинсон, М. Райф (M. Pütz, J. Robinson, M. Reif, 2014), Р. У. Лангакер (R. W. Langacker, 2016), Е. Домбровска (E. Dąbrowska, 2016, 2020), Д. Гираэртс (D. Geeraerts, 2018) и др.– подчеркивают важность изучения социальных аспектов языка наряду с когнитивными. Так, П. Хардер указывает на то, что невозможно всё рассматривать как исключительно ментальные факты, поскольку формирование и функционирование смыслов в социуме зависит также от взаимодействия на коллективном уровне [Harder, 2010]. Е. Домбровска также отмечает, что «язык не является исключительно социальным или исключительно когнитивным феноменом», он представляет собою их сочетание [Dąbrowska, 2020, с. 224].

Признание важности социальных аспектов языковой деятельности человека и рост интереса к их изучению обусловили формирование нового направления – социокогнитивной лингвистики (или когнитивной социолингвистики), которая сочетает в себе теоретические подходы и методы когнитивной семантики, социолингвистики, социальной психологии и при этом большее внимание уделяет социальным и этнокультурным параметрам познания и общения в анализе языковых фактов [Ирисханова, 2014]. Внимание социокогнитивной лингвистики приковано не только к структуре языка, но и охватывает прикладные области лингвистических исследований, такие как язык и идеология, языковая политика, прикладная культурная лингвистика, мировые варианты английского языка. При этом центральное внимание в этом междисциплинарном подходе уделяется языковой вариативности. Таким образом, социокогнитивная лингвистика стремится, с одной стороны, обеспечить более широкое понимание построения и вариативности значения, а с другой – объяснить вариативность культурных и когнитивных моделей, наблюдаемых в разных языках, языковых сообществах, обществах и культурах [Pütz, Robinson, Reif, 2014].

Мы исходим из того, что процесс лингвистической интерференции также сочетает в себе характеристики как когнитивного, так и социального характера. При этом, как справедливо отмечают У. Крофт и Р. Келлер, языки не изменяются сами по себе, их меняют люди через свои действия в социуме, поэтому объяснить языковые изменения возможно на основе рассмотрения «действующих индивидов» [Croft, 1990; Keller, 1994]. Несколько видоизменим сказанное, добавим следующее: *объяснить лингвистическую интерференцию можно, изучая* ***индивидов****, действующих* ***в социуме****.* Таким образом, цель данной работы – обосновать целесообразность похода к рассмотрению лингвистической интерференции[1] как социокогнитивного феномена, в частности в контексте проблемы языковой нормы как одного из центральных понятий в изучении языковых изменений, вариативности и интерференции.

[1]В данной работе мы придерживаемся широкого понимания лингвистической интерференции как совокупности всех видов изменений (фонетико-фонологических, лексико-семантических, морфологических, синтаксических, дискурсивных), возникающих в языках как следствие контактов между ними.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В КОНТЕКСТЕ НОРМ ЯЗЫКА И КОММУНИКАЦИИ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Внимание к проблеме языковой нормы в когнитивной лингвистике появилось совсем недавно[1], однако, как отмечают некоторые когнитивные социолингвисты, до сих пор не существует когнитивной теории языковой нормы [Geeraerts, 2010]. В то же время понятие нормы является одним из центральных в понимании сущности явления лингвистической интерференции, поскольку лингвистическая интерференция становится причиной нарушения существующих языковых норм, а укоренение новых языковых элементов в принимающем языке представляет собой, по сути, формирование новых норм [Croft, 2010]. Языковая норма, с социокогнитивной точки зрения, представляет собой разделяемые социумом знания о правильности и уместности той или иной языковой формы или конструкции, о ее типичных формально-структурных и семантических свойствах. Как отмечает Д. Гираэртс, порождение и интерпретация дискурса не являются произвольными (arbitrary), они ограничены «коллективным согласием относительно коммуникативной значимости языковых средств выражения» [Geeraerts, 2010, с. 257].

Соответственно, нормы представляют собой социокультурные модели знаний о языке и способах его употребления, которые являются общими для членов языкового сообщества и которые взаимосвязаны со стереотипами коммуникативного поведения, с одной стороны, и с прототипической категоризацией, перенесенной в сферу языка (ср. прототипическое прилагательное, прототипический глагол и пр.). Еще одной важной когнитивной идеей для социокогнитивного понимания взаимосвязи интерференции и нормы является концепция языкового употребления (Usage-Based Theory), вследствие чего закрепление (entrenchment) явления в языке достигается в результате многократного употребления языкового выражения в речи[2]. В условиях языкового контакта нормы могут подвергаться изменениям, а значит, меняются и структуры знаний, репрезентирующие тот или иной лингвистический или экстралингвистический опыт. В связи с этим закономерно возникает вопрос о соотношении ригидности языковых норм и гибкости языка, знаний о языке и знаний о мире в условиях языковых контактов и активных заимствований. В поиске ответа на этот вопрос Д. Гираэртс приводит теорию Р. Бартч о языковой норме, поскольку данный подход примиряет собой факт существования языковых норм с процессами языкового развития [Geeraerts, 2010]. Р. Бартч понимает под нормой «социальную реальность понятий языковой правильности; эта социальная реальность обеспечивает координацию между формой и употреблением языковых средств речевым сообществом» [Bartsch, 1982, с. 75]. Она рассматривает коммуникацию как процесс сотрудничества говорящего и слушающего, целью которого является достижение высшей нормы, т. е. эффективной коммуникации. Согласно Р. Бартч, передача говорящим своей позиции, оценки, точки зрения, новых научных взглядов, новых концепций в рамках новых контекстов является непростой задачей при условии соблюдения языковых норм более низкого порядка.

Таким образом, говорящий с целью достижения высшей нормы (т. е. эффективной коммуникации) может нарушать языковые (или коммуникативные) нормы более низкого порядка [там же], а изменения в языке не нарушают нормы, напротив, гибкость языковой системы обусловлена наличием норм, поскольку эффективная коммуникация среди индивидов представляет собой норму высшего порядка. Ради высшей нормы коммуникации говорящий может творчески нарушать нормы более низкого порядка, а слушающий при этом должен проявлять терпимость и желание сотрудничать в процессе интерпретации.

Нарушение норм и возможность изменений позволяют языку адаптироваться в качестве средства передачи изменений в природной, социальной, технической и культурной среде [Bartsch, 1982]. Таким образом, нормы в дальнейшем могут изменяться при репликации и селекции языковых инноваций в процессе изменений, вызванных лингвистической интерференцией. При попадании элементов иностранного языка в процессе лингвистической интерференции в принимающий язык происходит нарушение существующих конвенциональных норм языка. При этом носители принимающего языка имеют «право» на это, если главной целью является эффективное достижение коммуникативных целей (передача нового понятия или смыслового оттенка, оценки, получение желаемого коммуникативного эффекта, позиционирование и самоидентификация самого себя в процессе коммуникации и пр.), в результате чего в дальнейшем происходит расширение и изменение языковых норм. В каждом случае совершения языкового выбора говорящий помещает себя в социум и делает выбор, к какому способу концептуализации обратиться для достижения коммуникативной цели.

[1]См. труды I. Itkonen (2008); R. W. Langacker (2008)

[2]См. труды R. W. Langacker (1987), W. Croft (2000), H.-J. Schmid (2020).

Одним из ярких примеров подобной вариативности ради достижения цели коммуникации (помимо передачи нового понятия, смыслового оттенка или оценки) является позиционирование и самоидентификация самого себя в процессе коммуникации. Так, иноязычные вкрапления и переключение кодов (в языковой паре корейского и английского языков) ассоциируются в южнокорейском обществе с более высоким социальным статусом и образованностью, что обусловливает сосуществование более «высокостатусных» и «низкостатусных» альтернативных форм. Использование стандартного корейского языка причисляет говорящего к более высокому статусу, но при этом использование англицизмов и знание английского языка одновременно наделяет говорящего явным престижем и статусом влиятельного, образованного, профессионального, модного человека (как правило, молодого возраста или средних лет), разбирающегося в современных тенденциях. Другой тип – это вариант, который придает говорящему образ более лояльного, близкого, дружелюбного и приятного в общении, чем в престижном варианте, например, за счет использования одного из корейских региональных диалектов[1].

Кроме того, специфика социокультурной ситуации (например, интенсивный языковой контакт, культурное влияние и т. п.) также оказывает влияние на отклонения в языковой норме. Факторы, поддерживающие языковые нормы, являются частью той же общей реальности, которая поддерживает социальные структуры, поэтому вполне естественно, что влияние и давление извне на общую социальную систему также будет иметь влияние на языковую систему [Harder, 2010], как в случае с иноязычным влиянием в рамках языкового контакта. Язык, таким образом, является объединением гетерогенных, частичных норм, регулирующих языковые практики речевых сообществ. В таком понимании язык существует так же, как и другие социальные образования, в качестве аспекта культурной среды, сложного образования, сочетающего в себе ментально обоснованные нормы и социально навязанные условности. Низкая степень структурной целостности подразумевает, что отдельные ее части могут быть удалены, т. е. каждая языковая форма может иметь свое собственное уникальное распределение; каждый говорящий может иметь свои собственные уникальные навыки. Язык существует в «социальной нише», к которой говорящие вынуждены приспосабливаться, а также делать выбор, когда возникает необходимость использования языка в ситуации реальной коммуникации [Harder, 2010].

[1]См. исследование южнокорейских лингвистов 최샛별, 최유정 (2011).

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ: КОЛЛЕКТИВНЫЙ УРОВЕНЬ

Когнитивные лингвисты: Д. Холланд, Н. Куин (D. Holland, N. Quinn, 1987), Дж. Лакофф (G. Lakoff, 1996), Дж. П. Палмер (G. P. Palmer, 1996) и др. – подчеркивают, что мы осознаем социальные реалии в рамках определенных культурных моделей. Язык – это социальная и культурная реалия, следовательно, для понимания явления лингвистической интерференции и изменения (сохранения) языковых норм необходимо выделить социокультурные модели, которые лежат в ее основе и действуют на коллективном уровне.

Согласно Д. Гираэртсу, существуют две противоположные модели: рационалистическая и романтическая, которые представляют собой основополагающие точки зрения относительно языка и языковой вариации и, как следствие, языковой нормы. В рационалистической модели язык рассматривается как инструмент и средство коммуникации, в романтической – считается способом выражения идентичности. Эти модели, по мнению Д. Гираэртса, могут быть применены как к внутриязыковым вариациям, так и к межязыковому разнообразию (отношения между разными языками) [Geeraerts, 2018]. С рационалистической точки зрения стандартный язык и его нормы являются приоритетными, поскольку стандартный язык представляет собой нейтральное, находящееся вне всех диалектов средство коммуникации для всех членов языкового сообщества. Языковые вариации и отклонение от стандартной нормы в рационалистическом подходе не представляет особой ценности и интереса, поскольку большое количество вариаций может затруднять коммуникацию. Эффективная коммуникация, для которой требуется максимальное единообразие и максимальная нейтральность обеспечивает возможность равноправного участия в жизни общества. Рационалистическая позиция тесно связана со стандартизацией языка и языковым планированием. В романтической модели язык рассматривается в большей степени как средство выражения собственной идентичности, поэтому особую ценность приобретает языковая вариативность.

Идея национализма способна объединять в себе рационалистический и романтический подходы с идеями о нации как сообществе коммуницирующих друг с другом людей и нации как сообществе людей с одинаковой идентичностью. В национализме XIX века язык представляется как носитель общей национальной идентичности и в то же время как необходимый инструмент, который

нужен для организации политических институтов, системы образования и т. п.

В последней четверти XX века зарождается новая постмодернистская идеология как своего рода реакция на национализм. Национализм, который внешне может сочетать в себе как рационалистическую, так и романтическую модели, с языковой точки зрения в реальности отдает приоритет одному языку. В постмодернистской модели провозглашается вариативность и принятие всех возможных форм разнообразия. Например, индивид может быть членом меньшинства и в то же время принадлежать ко всей нации или обладать другой идентичностью, которую он выберет, как в культурном, так и в политическом смысле. Реже встречается постмодернистская позиция с функциональной рационалистической точки зрения. В этом случае рационалистическая мотивация также включает в себя логику множественности, логику функционального умножения. В рамках одного языка можно говорить на своем диалекте на местном уровне и на стандартном языке на официальном уровне. С лингвистической точки зрения, это защита функциональной дифференциации, многоязычия, билингвизма и стилистической вариативности. В рамках постмодернизма рационалистическая и романтическая модель также могут объединяться: отдельные люди могут говорить на разных языках, так же как у них может быть разная идентичность. Это имеет смысл как с романтической, так и с рационалистической точек зрения [Geeraerts, 2018].

К примеру, применительно к языковой ситуации в Республике Корея во второй половине XX века после освобождения от японского колониального господства в стране превалировала рационалистическая модель в рамках националистического подхода, и главным направлением языковой политики стало распространение норм стандартного языка и повышение грамотности. Однако в XXI веке в рамках постмодернистской модели, объединяющей в себе романтический и рационалистический подходы, возможно говорить о тенденции многообразия и смешения идентичностей. С точки зрения рационалистического постмодерна в Республике Корея делается большой акцент на функциональной важности национального корейского языка наряду с практической важностью английского языка как средства коммуникации в эпоху глобализации. Знание английского языка помимо национального также стало необходимостью как важное средство коммуникации по мере интенсификации торговых, политических, военных и культурных связей с США и западным миром, знание английского языка гарантирует большую социальную и экономическую мобильность в современном южнокорейском обществе. При этом в соответствии с романтическим подходом наметилась тенденция признания различных форм идентичности и самоотождествления. В итоге происходит совмещение национальной самоидентификации как представителя корейского народа и идентичности второй языковой личности, которая активно формируется в условиях искусственного и естественного билингвизма в языковой паре корейский – английский, особенно среди жителей городов молодого и среднего возраста. Вместе с этим в романтическом русле происходит постепенное послабление в жесткой языковой идеологии государственного монолингвизма и политики стандартного языка. Так, к примеру, если раньше дети из смешанных семей подвергались полной языковой ассимиляции, то в последние годы наметилась тенденция по сохранению и поддержанию билингвизма и самоидентичности, признания важности сохранения первого (родного) языка у детей из мультикультурных семей. Кроме того, в XXI веке значительно изменилось отношение к диалектам корейского языка, стала подчеркиваться их ценность, необходимость исследования и сохранения [Мозоль, 2022]. В эпоху постмодерна в Республике Корея еще больше усилилась тенденция к признанию многообразия, разных форм идентичности, в том числе языковой, что в условиях интенсивного языкового контакта между корейским и английским языками еще больше способствует проявлению лингвистической интерференции на разных уровнях.

Таким образом, языковая политика и лежащие в ее основе глобальные культурные модели играют важную роль в установлении и поддержании языковой нормы. В частности, на коллективном уровне в рамках языковой политики государства определяется, войдут ли в национальный язык (фиксация в словарях и т. д.) получающие в результате лингвистической интерференции распространение на уровне языкового сообщества иноязычные языковые инновации и приведет ли это в дальнейшем к их воспроизводству во времени (использование следующим поколением).

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО УРОВНЕЙ

В результате языкового контакта в силу разных факторов (практическая необходимость, привлекательность, престижность, стремление идентифицировать себя с англоязычными и др.) индивид воспринимает и усваивает иноязычный элемент, который размещается в его языковой системе. К примеру в случае англо-корейского языкового контакта, после усвоения иноязычного (англоязычного) элемента

индивид начинает использовать его в корейском языке самостоятельно, параллельно или вместо его корейского аналога с целью достижения высшей коммуникативной нормы, иноязычная инновация укрепляется в его идиолекте, это может влиться в совокупный общий процесс уровня всей популяции (нации), найдя отражение в идиолектах многих членов языкового сообщества, частота употребления данной языковой единицы может возрасти, что приведет к усвоению слова в определенных социальных кругах (молодежь, специалисты в определенной профессиональной области) или даже на уровне всего языкового сообщества. Как отмечает П. Хардер, распространение нового языкового элемента в языковой нише запускает эволюционные процессы, являющимся ключевым фактором формирования социокультурной реальности [Harder, 2010, с. 158].

Н. Дж. Энфилд выделяет четыре основные стадии языковых изменений:

1) *экспозиция*: процесс перехода от общественного (внешний мир) к частному (в чье-то сознание), когда человек вступает в контакт и воспринимает или взаимодействует с каким-либо элементом культуры;

2) *репрезентация*: некая идея создается и хранится в сознании, основываясь на результатах экспозиции, под репрезентацией также подразумевается частный продукт этого процесса;

3) *воспроизводство*: процесс перехода от частного (в чьем-то сознании) к общественному (во внешний мир), что становится возможным отчасти благодаря мотивации человека вызвать то же публичное событие, что и на стадии 1;

4) *материал*: физический результат воспроизводства предмета культуры [Enfield, 2014].

Учитывая схему стадий языковых изменений, предложенную Н. Дж. Энфилдом, процесс лингвистической интерференции можно представить следующим образом:

1) языковой контакт, в процессе которого элементы иноязычного языкового сообщества переходят в сознание индивида;

2) ментальные процессы, в ходе которых происходит усвоение нового иноязычного элемента;

3) воспроизведение, в ходе которых осмысленный индивидом иноязычный элемент переходит в общественное пространство;

4) действие эволюционных процессов, которое обусловливает распространение и закрепление нового иноязычного элемента среди множества членов языкового сообщества;

5) целенаправленные действия на коллективном уровне, которые включают в себя языковую политику, вхождение в словари и в национальный язык и передачу следующему поколению и др[1].

Таким образом, использование (воспроизводство) языковых элементов на индивидуальном уровне создает основу для последующих языковых изменений, однако при этом важна роль коллективного уровня, поскольку без него все инновации оставались бы как индивидуальные единичные речевые акты, которые сами по себе нельзя рассматривать как изменения в языке. Данный процесс можно изобразить схематически (см. рис. 1).

[1]П. Хардер и Р. Келлер в связи с этим говорят о влиянии так называемой видимой и невидимой руки языковой эволюции. По мнению Р. Келлера, эффект невидимой руки заключается в том, что индивиды не создают языковые инновации с целью изменения языковой системы, они могут нарушать языковые нормы с целью эффективной реализации коммуникативных намерений, и, в свою очередь, подобные инновации могут приводить к языковым изменениям. Таким образом, языковые изменения – это ненамеренный эффект намеренных социальных действий [Keller, 1990]. Невидимая рука как особенность процессов отбора и адаптации, а также ее роль по отношению к явлениям культуры (в том числе языку), кардинально отличается от ее роли в биологии и экономике из-за основополагающей роли видимой руки совместных действий. Феномен видимой руки представляет собой важнейший пограничный участок между индивидом и всей популяцией. Координация между индивидуальным и коллективным уровнями означает, что социокультурные факты этим отличаются от биологических [Harder, 2010].

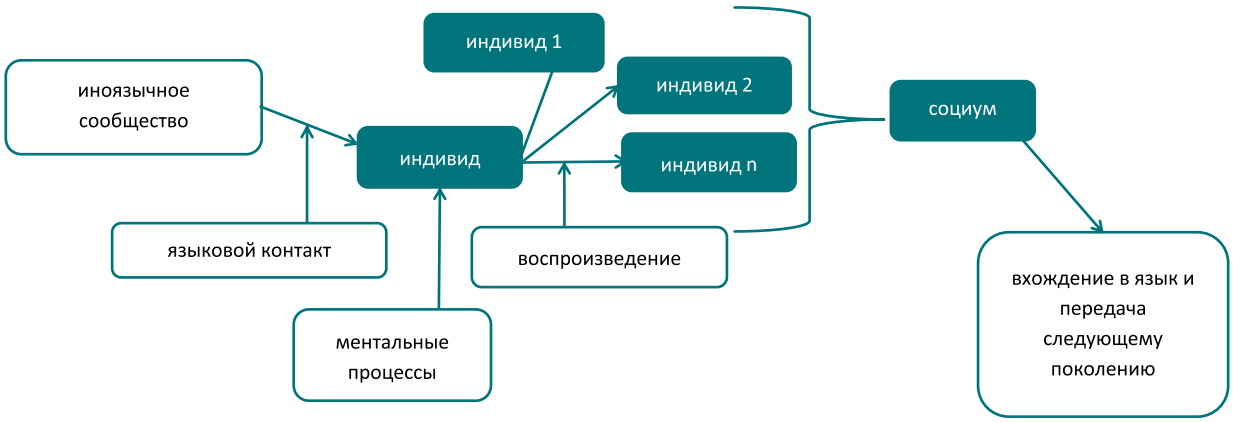

Рис. 1. Лингвистическая интерференция

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема лингвистической интерференции сочетает в себе как когнитивные, так и социальные аспекты, в связи с чем представляется перспективным изучение данного явления в рамках социокогнитивной лингвистики. Предпосылки лингвистической интерференции могут действовать как на индивидуальном (нарушение существующих языковых норм ради достижения высшей коммуникативной нормы), так и на коллективном уровне (языковая политика и культурные модели). С одной стороны, использование (воспроизводство) языковых элементов на индивидуальном уровне является базовым, без этого невозможно участие остальных частей системы. С другой стороны, действие лингвистической интерференции возможно при задействовании как индивидуального, так и коллективного уровней. Коллективный уровень также играет важную роль, поскольку без его включения возникали бы только индивидуальные единичные речевые акты, которые сами по себе не представляют изменения в языке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Cognitive Contact Linguistics. Placing Usage, Meaning and Mind at the Core of Contact-Induced Variation and Change / ed. by E. Zenner, A. Backus. E. Winter-Froemel. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton, 2019. Vol. 62. (Cognitive Linguistic Research / eds.: D. Geeraerts, D. Divjak, J. R. Taylor).
2. Harder P. Meaning in mind and society: A functional contribution to the social turn in cognitive linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010.
3. Dąbrowska E. Language as a phenomenon of the third kind // Cognitive Linguistics. 2020. Vol. 31 (2). P. 213–229.
4. Ирисханова О. К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4 (041). С. 5–17.
5. Pütz M., Robinson J., Reif M. The Emergence of Cognitive Sociolinguistics // Cognitive Sociolinguistics. Social and cultural variation in cognition and language use / ed. by M. Pütz, J. Robinson, M. Reif. Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 1–22.
6. Croft W. Typology and universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
7. Keller R. On language change: the invisible hand in language. London: Routledge, 1994.
8. Croft W. Explaining language change: an evolutionary approach. London: Longman, 2010.
9. Geeraerts D. Theories of lexical semantics. NY: Oxford University Press, 2010.
10. Bartsch R. The Concepts “Rule” and “Norm” in Linguistics // Lingua. 1982. Vol. 58. P. 51–81.
11. Geeraerts D. Ten Lectures on Cognitive Sociolinguistics. Leiden/Boston: Brill, 2018.
12. Мозоль Т. С. Языковая политика Республики Корея в XXI веке // Модернизация Кореи: политика, экономика, общество, культура: коллективная монография / отв. ред. Р. К. Тангалычева. М.: ВЦИОМ, 2022. С. 234–258.
13. Enfield N. J. Natural causes of language: Frames, biases and cultural transmission. Berlin: Language Science Press, 2014. (Conceptual Foundations of Language Science, 1).

REFERENCES

1. Zenner, E., Backus, A., Winter-Froemel, E. (Eds.). (2019). Cognitive Contact Linguistics. Placing Usage, Meaning and Mind at the Core of Contact-Induced Variation and Change. Berlin/Boston: Mouton De Gruyter, 2019. (Cognitive Linguistic Research, ed. by D. Geeraerts, D. Divjak, J. R. Taylor, vol. 62).
2. Harder, P. (2010). Meaning in mind and society: A functional contribution to the social turn in cognitive linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter.
3. Dąbrowska, E. (2020). Language as a phenomenon of the third kind // Cognitive Linguistics, 31(2), 213–229.
4. Iriskhanova, O.K. (2014). Sociocognitive linguistics and the study of social knowledge structures // Issues of Cognitive Linguistics, 4(041), 5–17. (In Russ.)
5. Pütz, M., Robinson, J., Reif, M. (2014). The Emergence of Cognitive Sociolinguistics. In M. Pütz, J. Robinson, M. Reif (eds.), Cognitive Sociolinguistics. Social and cultural variation in cognition and language use (pp. 1–22). Amsterdam.Phildelphia: John Benjamins Publishing Company.
6. Croft, W. (1990). Typology and universals. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Keller, R. (1994). On language change: the invisible hand in language. London: Routledge.
8. Croft, W. (2010). Explaining language change: an evolutionary approach. London: Longman.

9. Geeraerts, D. (2010). Theories of lexical semantics. NY: Oxford University Press.
10. Bartsch, R. (1982). The Concepts “Rule” and “Norm” in Linguistics. Lingua, 58, 51–81.
11. Geeraerts, D. (2018). Ten Lectures on Cognitive Sociolinguistics. Leiden/Boston: Brill.
12. Mozol, T.S. (2022). Jazykovaja politika Respubliki Koreja v 21 veke = Language Policy of the Republic of Korea in the 21st century. In Tangalycheva, R. K. (ed.), Modernization of Korea: Politics, Economy, Society, Culture (pp. 234–258). Moscow: VCIOM. (In Russ.)
13. Enfield, N. J. (2014). Natural causes of language: Frames, biases and cultural transmission. Berlin: Language Science Press. (Conceptual Foundations of Language Science 1).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мозоль Татьяна Сергеевна
кандидат педагогических наук, доцент
заведующая кафедрой восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mozol Tatiana Sergeevna
PhD (Pedagogy), Associate Professor
Head of the Oriental Languages Department
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	14.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	12.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811+81'25

Взаимодействие жанров: определение понятия и методология исследования

Н. А. Мухин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
muhaniksan@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются научные работы XXI века, в которых исследуется взаимодействие жанров в одном или нескольких текстах одного автора. Указываются подходы исследователей к формированию научного объекта, что отражается в используемой ими научной терминологии, а также выявляются сходства и различия между рассматриваемыми подходами.

Ключевые слова: полижанровость, жанровая полифония, контаминация жанров, многожанровость, жанровый синкретизм, жанровый гибрид, жанровая стилизация, полижанризм, перевод

Для цитирования: Мухин Н. А. Взаимодействие жанров: определение понятия и методология исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 86–93.

Original article

Interaction of Genres: Definition of the Concept and Methodology of Research

Nikita A. Mukhin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
muhaniksan@gmail.com.

Abstract: The article examines scientific papers on the interaction of genres, produced in the first quarter of the 21st century and based on one or a number of texts by one author. The approaches to the formation of the scientific object, reflected in the scientific terminology used, are pointed out; similarities and differences between them are revealed. It is concluded that the researchers exhibit cardinally different approaches to the phenomenon.

Keywords: polygenre, genre polyphony, genre contamination, multigenre, genre syncretism, genre hybrid, genre stylisation, polygenreism, translation

For citation: Mukhin, N. A. (2024). Interaction of genres: definition of the concept and methodology of research. Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities, 5(883), 86–93. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Немало работ посвящено изучению концепции жанра, что объясняется изменчивой и сложной природой изучаемого явления. По мнению М. М. Бахтина: «Жанр всегда и тот и не тот, всегда и стар и нов одновременно» [Бахтин, 1972, с. 178–179]. Например, в XX веке жанр рассматривали как сущность, постоянно уходящую в архаику и возрождающуюся, словно птица феникс; в XXI веке внимание ученых начало привлекать взаимопроникновение жанров [Скоропанова, 2001]. Взгляд исследователей на жанр оказался столь же изменчив, как и само явление (не отвергая достижения предшественников, нынешним исследователям удается находить ранее неизученные грани концепции жанра). Видение проблематики было и остается изоморфно объекту исследования. Вместе с тем выводы, сделанные за последние два десятилетия, еще предстоит обобщить. В абсолютном большинстве исследований перед авторами не стояла задача выявить закономерности развития жанровой системы в целом. Следствием атомизации исследований, например, является тот факт, что новые термины нередко используются *ad hoc* и без встраивания в единую систему. Отметим, что материалом в одних исследованиях служит отдельный текст, в других – ряд текстов, у которых может быть как один, так и несколько авторов. В рамках статьи рассмотрим только работы, затрагивающие творчество отдельных авторов (один или несколько текстов), с целью при сопоставлении подходов и позиций минимизировать фактор, смещающий исследовательский фокус на сравнение идиостилей. Обратимся к недавним работам, в которых затрагивается проблема тесного взаимодействия жанров, и определим применимость рассматриваемых подходов при решении переводческих проблем.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЖАНРОВ В РАМКАХ ОДНОГО ТЕКСТА

В первую очередь проанализируем научные труды, в которых взаимодействие жанров изучается на примере одного текста. Рассмотрим статью Д. К. Карслиевой «Жанровая полифония в романе Й. Макьюэна “Искупление”», опубликованную в 2013 году [Карслиева, 2013]. В ней исследуется взаимопроникновение жанров на материале романа современного английского писателя Й. Макьюэна «Искупление». В структуре произведения автор статьи выделяет ряд фрагментов, имеющих разную жанровую природу. Отмечается, что первая и третья части книги стилистически подражают английскому классическому роману: произведениям Дж. Остин, В. Вулф, Е. М. Форстера и Э. Боуэн. Вторая – эссе и военным репортажам Дж. Оруэлла, благодаря чему Й. Макьюэн расширяет стилистические границы романа, инкорпорируя в него элементы публицистических текстов. Кроме того, Д. К. Карслиева указывает на присутствие в тексте «Искупления» вкраплений эпистолярных жанров, например личное и деловое письмо. Исследователь считает, что постмодернистские романы полностью ассимилируют (превращают в целостное произведение) используемые жанровые формы в отличие от более ранних художественных произведений (в них введенные жанры сохраняют некоторую независимость). Для описания рассматриваемого взаимопроникновения жанров Д. К. Карслиева использует в качестве синонимов два термина – «жанровая полифония» и «полижанровость». Их содержание воспринимается автором как интуитивно очевидное, и в связи с этим не требующее определения.

Итак, Д. К. Карслиева постулирует, что с наступлением эпохи постмодернизма изменился подход писателей к «вплетению» в свои произведения вспомогательных жанров. Исследователь проводит детальный анализ романа Й. Макьюэна, при этом используемые автором термины трактуются интуитивно и имеют синонимы [Лантюхова, Загоровская, Литвинова, 2013]).

В один год с работой Д. К. Карслиевой была опубликована статья В. А. Пестерева «Полижанровость романа Даниэля Кельмана “Измеряя мир”» [Пестерев, 2013]. Оба исследователя сходятся во мнении, что в современной художественной литературе наблюдается усиление роли полижанровости. В. А. Пестерев отмечает, что из побочного свойства словесно-художественной культуры полижанровость «становится осознанным и целенаправленным эстетическим принципом и приемом творчества» [там же, с. 194], а Д. К. Карслиева указывает на более глубокую по сравнению с предшествующими периодами интеграцию жанров в материю произведения. Иными словами авторы фокусируются на разных сторонах причинно-следственной связи внутри рассматриваемого явления: превращение полижанровости в инструмент автора (В. А. Пестерев) ведет к необходимости его «оттачивания» и, как следствие, к более тесному взаимопроникновению жанров (Д. К. Карслиева). В целом и Д. К. Карслиева, и В. А. Пестерев делают вывод об изменениях в авторском методе «вплетения» в свои произведения вспомогательных жанров (однако рассматривают процесс с разных ракурсов). Необходимо отметить, что оба исследователя считают используемую терминологию интуитивно понятной. Как следствие, дополнительные пояснения при использовании терминов, описывающих взаимодействие жанров («жанровая полифония» и «полижанровость»

у Д. К. Карслиевой и «полижанровость» у В. А. Пестерева), кажутся излишними. Кроме того, В. А. Пестерев вводит два производных термина: «внутренняя полижанровость» и «внешняя полижанровость». В итоге, и Д. К. Карслиева, и В. А. Пестерев используют термины как достаточно прозрачные, из-за чего не возникает необходимость давать им определения.

К взаимодействию жанров в современном романе также обращалась Ф. А. Абилова в статье «Контаминация жанров в романе К. Исигуро "Когда мы были сиротами"» [Абилова, 2022]. Исследователь отмечает, что в изучаемом тексте с целью «служения» авторскому нарративу деконструкции[1] подвергаются сразу несколько жанров: детектив, семейный, любовный, антиколониальный романы. Ф. А. Абилова утверждает, что для книги К. Исигуро характерна полижанровость, как и для постмодернистской литературы в целом [там же]. Независимо от Д. К. Карслиевой и В. А. Пестерева Ф. А. Абилова приходит к схожим выводам. Все три исследователя сходятся во мнении, что полижанровость – явление, тесно связанное с постмодернизмом. Кроме того, и Д. К. Карслиева, и Ф. А. Абилова считают, что в современном романе жанровые традиции, к которым обращается автор, подвергаются значительной переработке в рамках произведения. Еще одним сходством подходов исследователей является характер использования терминологии: во всех трех статьях авторы не предполагают, что используемые термины требуют дополнительного пояснения. Однако при интерпретации очевидно, что для Ф. А. Абиловой контаминация жанров – это «необычные – гибридные, мутантные жанровые образования» [Абилова, 2022, с. 3121; Скоропанова, 2001, с. 157].

Стоит отметить, что некоторые аспекты проблематики могут исследоваться в одним автором, но совершенно не затрагиваться другими. Так, В. А. Пестерев приходит к заключению, что в эпоху постмодернизма полижанровость стала намеренно используемым приемом, а Д. К. Карслиева и Ф. А. Абилова проблему осмысленного применения автором полижанровости не изучают.

Если в предыдущих исследованиях рассматривались современные романы, то С. В. Фуникова в статье «Проблема полижанровости в "Записках охотника" И. С. Тургенева» обратилась к циклу очерков[2], написанному в XIX веке [Фуникова, 2015]. Она отмечает, что, с одной стороны, между элементами цикла существуют четкие жанровые границы, с другой – при более детальном рассмотрении самих элементов в них обнаруживается синтез различных жанровых традиций. Несмотря на существенные различия в исследуемом материале у Д. К. Карслиевой, В. А. Пестерева и Ф. А. Абиловой, с одной стороны, и С. В. Фуниковой – с другой (постмодернистские романы и цикл очерков, написанный в золотой век русской литературы), в центре их внимания находится одно и то же явление: тесное взаимодействие жанров в рамках текста. При этом оно изучается с разных ракурсов: Д. К. Карслиева рассматривает, как современный роман ассимилирует введенные в него жанры; для В. А. Пестерева значимой характеристикой оказывается осознанность или неосознанность автором использования полижанровости в своих произведениях; Ф. А. Абилова демонстрирует наполнение старых жанровых форм новым авторским содержанием в рамках современного романа; С. В. Фуникова сосредотачивается на равноправном сосуществовании жанров в рамках цикла. Как и во всех рассмотренных статьях, в исследовании С. В. Фуниковой содержание терминов принимается как интуитивно очевидное. Однако у терминологического аппарата статьи С. В. Фуниковой есть и особенность: в тексте используется термин «полижанровость» и его полукалька «многожанровость» [Фуникова, 2015].

Итак, из текстов рассмотренных статей, в которых проблема взаимодействия жанров изучается на примере отдельного произведения, следует: во-первых, авторы осуществляли научную деятельность без учета исследований друг друга; во-вторых, несмотря на различия в материале исследований, в них с разных позиций анализируются сходные явления, при этом часть выводов совпадает; в-третьих, хотя терминологические аппараты исследователей не согласованы, в них всё же присутствует «общий знаменатель» – термин «полижанровость», использованный в каждой из рассмотренных работ в значении взаимопроникновения жанров на уровне произведения. Вместе с тем не представляется возможным выявить, насколько близко исследователи трактуют термин «полижанровость», так как его понимание в статьях содержится лишь имплицитно (то же касается и других терминов, описывающих объект исследования – взаимодействие жанров).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЖАНРОВ В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА АВТОРА

Обратимся к научным текстам, в которых взаимодействие жанров изучается на примере двух и более текстов одного автора. Так, В. М. Кузурман

[1]Ф. А. Абилова использует термин «деконструкция» как часть синонимического ряда, включающего такие понятия, как «перекодировка», «преломление», «превращение в симулякр».

[2]В понимании С. В. Фуниковой цикл очерков «Записки охотника» И. С. Тургенева представляет собой единое, целостное произведение [Фуникова, 2015, с. 176].

в своем диссертационном исследовании[1] выявляет переводческие проблемы, возникающие в результате взаимодействия идиостиля В. Борхерта и жанров, в которых он работал [Кузурман, 2004]. В. М. Кузурман изучает сохранение единого идиостиля автора в разных жанрах (для исследователя полижанровость – это создание текстов, принадлежащих различным жанрам). Таким образом, в отличие от авторов Д. К. Карслиевой, В. А. Пестерева, Ф. А. Абиловой, С. В. Фуниковой, которые рассматривают полижанровость как свойство конкретного текста, для В. М. Кузурман полижанровость является характеристикой творчества автора в целом, результатом работы писателя в разных жанрах. В частности, В. М. Кузурман выделяет полижанровость как одну из черт творчества В. Борхерта, так как он писал в жанрах драмы, рассказа, новеллы, стихотворной миниатюры, песни, сонета, верлибра, лирического стихотворения [там же]. В ходе изучения творчества В. Борхерта и переводов его произведений на русский язык В. М. Кузурман были сделаны следующие выводы: в произведениях каждого жанра, к которому обращался писатель, прослеживаются уникальные черты его авторства; в переводах В. Борхерта на русский язык из-за неучета идиостилевых особенностей произведений нередко теряется своеобразие синтаксической структуры и словоупотребления исходного текста. С точки зрения В. М. Кузурман, творчество В. Борхерта и история переводов его произведений на русский язык свидетельствует о том, что для сохранения «силы подлинника» переводчик должен иметь ясное представление как об идиостиле переводимого им автора, так и о тех жанровых законах, которые в значительной степени предопределяют своеобразие этого идиостиля, т. е. для адекватного перевода произведений автора, идиостилю которого характерна полижанровость, от переводчика требуется глубокое понимание жанров, чтобы иметь возможность вычленять «авторскую константу» и находить способы ее передачи на языке перевода. Из изложенного следует, что выводы В. М. Кузурман находятся в иной научной системе координат по отношению к исследованиям Д. К. Карслиевой, В. А. Пестерева, Ф. А. Абиловой, С. В. Фуниковой. Если в исследованиях, в которых взаимодействие жанров изучается на примере одного текста, смысловая дистанция в понимании термина «полижанровость» была некритической[2], то В. М. Кузурман формально использует тот же термин, но объект ее исследования иной.

Рассмотрим другие научные работы, в которых взаимодействие жанров изучается на примере двух и более текстов одного автора, чтобы выявить, к чьей позиции ближе иные исследователи.

К. К. Джафарова в статье «Полижанровость и проповедническое слово Гоголя» рассматривает два цикла, написанных в первой половине XIX века [Джаффарова, 2019]. Несмотря на сходство изучаемого материала (ряд текстов одного автора) с В. М. Кузурман, К. К. Джафарову больше интересует не сохранение «авторской константы» (идиостиля) от произведения к произведению, а взаимодействие жанров на текстовом уровне. Т. е. концептуально статья К. К. Джафаровой ближе к рассмотренным трудам Д. К. Карслиевой, В. А. Пестерева, Ф. А. Абиловой, С. В. Фуниковой. В наибольшей степени схожи работы К. К. Джафаровой и С. В. Фуниковой, так как оба исследователя рассматривают цикл не как простую сумму входящих в них текстов, а как некий «сверхтекст». Кроме того, в обеих статьях характер использования терминологии практически совпадает: в названиях работ и К. К. Джафаровой, и С. В. Фуниковой употребляется термин «полижанровость», а в тексте – его полукалька «многожанровость». При этом в отличие от всех авторов рассмотренных статей К. К. Джафарову интересует не столько само взаимопроникновение жанров, сколько его участие вместе с другими факторами в создании уникальных ощущений от прочтения двух циклов Н. В. Гоголя, каждый из которых был написан «после пережитого творческого перелома» [Джаффарова, 2019, с. 188]. Как следствие, К. К. Джафарова делает вывод о природе «странности» и «особости» рассматриваемых произведений: «Странность “Арабесок” – в их причудливости, и нарочитой, и невольной. Странность “Выбранных мест” – в особом созвучии… художественно-смысловых линий: эстетической и морально-религиозной… литературной и публицистической, проповеднического слова-знания и релятивистской многожанровости» [Джаффарова, 2019, с. 190].

В статье Е. Р. Корниенко «Полижанровость в журналистском дискурсе Н. И. Новикова» [Корниенко, 2020] взаимодействие жанров рассматривается как на уровне творчества автора (здесь прослеживаются общие черты с диссертационным исследованием В. М. Кузурман), так и на уровне отдельных текстов (наблюдается сходство с идеями Д. К. Карслиевой, В. А. Пестерева, Ф. А. Абиловой, С. В. Фуниковой, К. К. Джафаровой). При этом видение проблематики Е. Р. Корниенко оказывается ближе к воззрениям В. М. Кузурман, что проявляется в использовании

[1]Тема диссертационного исследования: «Полижанровость идиостиля как проблема перевода (на материале переводов прозы, поэзии, драматургии и публицистики Вольфганга Борхерта на русский язык)» [Кузурман, 2004].

[2]Несмотря на отсутствие определений в исследованиях Д. К. Карслиевой, В. А. Пестерева, Ф. А. Абиловой, С. В. Фуниковой.

термина «полижанровость» в значении: широкий жанровый репертуар произведений автора. Сходством является и то, что В. М. Кузурман и Е. Р. Корниенко уделяют особое внимание жанровой классификации текстов В. Борхерта (драма, рассказ, стихотворная миниатюра и др.) [Кузурман, 2004] и Н. И. Новикова (нравоучительная проповедь, заметки, справочник и др.) [Корниенко, 2020] соответственно. С научными работами Д. К. Карслиевой, В. А. Пестерева, Ф. А. Абиловой, С. В. Фуниковой, К. К. Джафаровой исследование Е. Р. Корниенко связывает рассмотрение «оригинальных жанров» Н. И. Новикова как синтеза различных жанровых традиций на материале конкретных текстов. Однако термины, используемые для описания взаимодействия жанров на уровне отдельного текста («жанровый синкретизм», «жанровый гибрид», «жанровая стилизация»), не используются другими исследователями, чьи работы рассмотрены в рамках нашей статьи. Таким образом, в статье Е. Р. Корниенко присутствуют оба обозначенных подхода к рассмотрению взаимодействия жанров, но многие аспекты проблематики нуждаются в более детальном рассмотрении.

Научный труд Н. А. Гринченко «Проблема полижанровости в антинигилистических романах А. Ф. Писемского» [Гринченко, 2015] перекликается с рассмотренной статьей Д. К. Карслиевой [Карслиева, 2013]. Оба исследователя при анализе романов, относящихся к разным временным периодам (Н. А. Гринченко изучает романы середины XIX века, а Д. К. Карслиева – современные романы), обращаются к научному наследию М. М. Бахтина и, в частности, к одной и той же цитате: «Введенные в роман жанры обычно сохраняют в нем свою конструктивную упругость, и самостоятельность, и свое языковое и стилистическое своеобразие» [Бахтин, 1975, с. 134][1]. При этом Н. А. Гринченко соглашается с позицией М. М. Бахтина, а Д. К. Карслиева считает ее применимой только к романам, созданным до второй половины XX века. Отметим, что для описания взаимодействия жанров, как и в ранее рассмотренных научных трудах, используется термин «полижанровость»; но, кроме того, в статье Н. А. Гринченко также употребляются его синонимы «полижанризм» и «жанровый синкретизм». Их трактовка Н. А. Гринченко сформулирована следующим образом: «Взаимодействие различных жанровых традиций в пределах одного произведения» [Гринченко, 2015, с. 17]. Из формулировки исследователя следует, что в отличие от В. М. Кузурман, которая изучает полижанровость как свойство творчества автора, Н. А. Гринченко считает ее характеристикой текста.

[1]См.: [Карслиева, 2013, с. 127; Гринченко, 2015, с. 17].

Итак, в научных работах, в которых рассматривается взаимодействие жанров на материале одного или нескольких текстов одного автора, анализируются труды, написанные в XVIII–XXI веке. Исследователи для описания взаимодействия жанров используют термин «полижанровость», однако применяют его к разным научным объектам. Как следствие, можно выделить две неравные группы: одна (В. М. Кузурман, Е. Р. Корниенко) употребляет термин «полижанровость» для обозначения работы автора в разных жанрах; другая (Д. К. Карслиева, В. А. Пестерев, Ф. А. Абилова, С. В. Фуникова, К. К. Джафарова, Н. А. Гринченко) применяет термин для описания взаимопроникновения жанров в рамках конкретного текста. Сложившееся положение можно объяснить тем, что рамки терминов всё еще остаются подвижными из-за того, что исследователями их значение воспринимается как интуитивно понятное. Несмотря на различия в материале приведенных научных трудов некоторые тезисы исследователей оказываются близки. Так, в отличие от авторов, изучающих тексты, написанные до второй половины XX века (С. В. Фуникова, К. К. Джафарова, Е. Р. Корниенко, Н. А. Гринченко), ученые, анализирующие современные романы (Д. К. Карслиева, В. А. Пестерев, Ф. А. Абилова), отмечают, что изменился характер рассматриваемого явления: усилилось взаимопроникновение жанров, полижанровость стала осознанно применяемым инструментом, авторы стали наполнять традиционные жанровые нормы новым содержанием.

Исследователи (Д. К. Карслиева, В. А. Пестерев, Ф. А. Абилова, С. В. Фуникова, В. М. Кузурман, К. К. Джафарова, Е. Р. Корниенко, Н. А. Гринченко) при изучении взаимодействия жанров для описания рассматриваемого явления использовали термины: «жанровая полифония», «контаминация жанров», «жанровый синкретизм», «жанровый гибрид», «жанровая стилизация», «полижанризм». Однако в каждом из рассмотренных исследований чаще или реже для описания взаимодействия жанров использовался термин «полижанровость» (фактически он выступает как основной термин, применяемый каждым автором при описании изучаемого им явления). При этом в понимании термина имеется два кардинально различных, но равнозначных направления трактовки. Как следствие, необходимо закрепить оба значения: 1) *полижанровость* – создание автором своих произведений в разных жанрах; 2) *полижанровость* – свойство конкретного текста, сочетание в нем нескольких жанров (в случае как их тесного переплетения, которое наблюдается в постмодернистских текстах, так и дискретного существования, более характерного для текстов, написанных до XX в.). От использования того или

иного значения термина «полижанровость» будет изменяться научный объект (совокупность используемых автором жанров при первой трактовке и жанровые особенности отдельного произведения при использовании второго определения). Если будут написаны два исследования, в которых будет изучаться взаимодействие жанров с использованием в качестве материала произведений одного автора, но с опорой на разные значения термина «полижанровость», то содержание работ будет кардинально отличаться.

ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ ЖАНРОВ

Предлагаем рассмотреть те результаты, которые даст применение этих двух подходов в переводческой практике на примере творчества современного американского писателя Дж. Р. Р. Мартина в целом, и книги «Пламя и кровь» и ее перевода на русский язык, в частности. При использовании термина «полижанровость» в первом значении будут исследоваться жанры (как имеющие эквиваленты в русскоязычной литературе: *novel – роман*, *novella – повесть*, *short story – рассказ*; так и не имеющие аналогов), в которых создавал тексты Дж. Р. Р. Мартин. Особый интерес представляет использование американским автором такого жанра как *fix-up novel* (в котором ранее уже изданные рассказы объединяются в одно произведение или включаются в роман[1]). Подобное жанровое образование не имеет эквивалента в русскоязычной литературе, что вызывает проблемы при адаптации оригинальных произведений для русскоязычной аудитории. У Дж. Р. Р. Мартина к подобному композитному жанру можно отнести следующие произведения: «Windhaven», «Tuf Voyaging», «Fire&Blood». В последней из вышеперечисленных книг, опубликованной на русском языке под названием «Пламя и кровь», можно отметить тесное переплетение романа и исторического труда. Этот факт делает данный текст удачным примером для рассмотрения второй трактовки термина «полижанровость» (свойство конкретного текста). Важным уточнением является то, что Дж. Р. Р. Мартин подражает историческим трудам, но не повторяет их форму. Это проявляется в изменении структуры (использование диалогов вместо косвенной речи) для создания возможности вплести в воображаемый исторический труд фрагменты, более свойственные романам. Кроме того, фрагменты текста, которые можно условно отнести к историческому труду и роману, отличаются субъективностью / объективностью повествования. Элементы текста, более всего напоминающие исторический труд, характеризуются ссылками «автора» на своих коллег или на другие источники:

> The maesters of the Citadel who keep the histories of Westeros have used Aegon's Conquest as their touchstone for the past three hundred years»; «But before the Dragon's Peace, as the last two decades of his kingship were later called by the maesters of the Citadel,...»; «Aegon I Targaryen was a warrior of renown, the greatest Conqueror in the history of Westeros, yet many believe his most significant accomplishments came during times of peace (*G. R. R. Martin. Fire&Blood*).

В диалогах как в элементе «Fire&Blood», взятом из романов, образ автора полностью вытесняется «точной» и «объективной» передачей слов персонажей, например:

> "Yield now," Aegon began, "and you may remain as Lord of the Iron Islands. Yield now, and your sons will live to rule after you. I have eight thousand men outside your walls.
> "What is outside my walls is of no concern to me," said Harren. "Those walls are strong and thick." (*G. R. R. Martin. Fire&Blood*).

Указанный характер текста приводит к возникновению переводческих проблем, основная из которых заключается в сохранении в переводе жанровых границ оригинала на стыке двух структурных инвариантов, романа и исторического труда:

...To which Aegon said, "When the sun sets, your line shall end." It is said that Harren spat at that and returned to his castle (*G. R. R. Martin. Fire&Blood*).	– Когда зайдет солнце, твой род прервется, – сказал Эйегон, а Харрен лишь плюнул и вернулся в замок (*Дж. Р. Р. Мартин. Пламя и кровь*).

В приведенном примере из оригинального текста можно увидить резкий переход от объективности диалога к субъективности, выраженной в словосочетании *It is said*.... В переводе данный переход оказался нейтрализован за счет объединения предложений с помощью сочинительной связи. Можем предложить следующий вариант: *По сохранившимся свидетельствам, на это Харрен лишь плюнул и вернулся в замок*.

Рассмотренные подходы к термину «полижанровость» нам представляются перспективными,

[1]Robert M. Luscher. The American short-story cycle.

так как они могут стать полезным инструментом для исследователей в области переводоведения, позволяя раскрыть переводческие проблемы, которые ранее оказывались недостаточно затронутыми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первой части статьи были проанализированы исследования взаимодействия жанров, проведенные на материале одного или нескольких текстов одного автора. Выявлено существование двух подходов к трактовке широко употребляемого термина «полижанровость», на основании чего можно разделить исследователей этого явления на две группы: представители первой (В. М. Кузурман и Е. Р. Корниенко) трактуют данный термин как свойство творчества, а представители второй (Д. К. Карслиева, В. А. Пестерев, Ф. А. Абилова, С. В. Фуникова, К. К. Джафарова, Н. А. Гринченко) – как характеристику конкретного текста. Невозможно выделить одну из данных трактовок как более точно описывающую объект исследования, так как научный объект в них оказывается кардинально различным. Как следствие, предлагаем закрепить идеи, выраженные в обоих подходах, в двух значениях термина «полижанровость». Он может использоваться не только в лингвистике и литературоведении, но и в переводоведении (одна из возможных трактовок уже была применена В. М. Кузурман в диссертационном исследовании). На примере творчества Дж. Р. Р. Мартина, основываясь на двух значениях термина «полижанровость», было продемонстрировано, что исследователь может выработать способы переводческого анализа, позволяющие выявить особенности жанровой подсистемы автора и обнаружить жанрово-сложные фрагменты оригинального текста, что упрощает поиск адекватных переводческих решений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.
2. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. СПб.: Невский простор, 2001.
3. Карслиева Д. К. Жанровая полифония в романе Й. Макьюэна «Искупление» // Филология и культура. 2013. № 2 (32). С. 127–130.
4. Лантюхова Н. Н., Загоровская О. В., Литвинова Т. А. Термин: определение понятия и его сущностные признаки // Современные проблемы гражданской защиты. 2013. № 1 (6). С. 42–45.
5. Пестерев В. А. Полижанровость романа Даниэля Кельмана «Измеряя мир» // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов, Москва, 22–24 ноября 2012 года. Т. 10. М: Языки славянской культуры, 2013. С. 188–195.
6. Абилова Ф. А. Контаминация жанров в романе К. Исигуро «Когда мы были сиротами» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 10. С. 3120–3124.
7. Фуникова С. В. Проблема полижанровости в «Записках охотника» И. С. Тургенева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (45). С. 176–179.
8. Кузурман В. М. Полижанровость идиостиля как проблема перевода: На материале переводов прозы, поэзии, драматургии и публицистики Вольфганга Борхерта на русский язык: автореф. дис. … канд. филол. наук. Магадан, 2004.
9. Джафарова К. К. Полижанровость и проповедническое слово Гоголя // Гоголь и русская духовная культура. Девятнадцатые Гоголевские чтения: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, Москва, 29 марта – 04 апреля 2019 года. Новосибирск: Новосибирский издательский дом. 2020. С. 185–190.
10. Корниенко Е. Р. Полижанровость в журналистском дискурсе Н. И. Новикова // Культура в зеркале языка и литературы: материалы Восьмой Международной научной конференции. 2020. Тамбов: Издательский дом «Державинский». 2020.С. 255–262.
11. Гринченко Н. А. Проблема полижанровости в антинигилистических романах А. Ф. Писемского // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер.: Філологія. 2015. № 18. Т. 1. С. 16–18.
12. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.

REFERENCES

1. Bakhtin, M. M. (1972). Problemy poetiki Dostoyevskogo. = Problems of Dostoevsky's poetics. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. (In Russ.)
2. Skoropanova, I. S. (2001). Russkaya postmodernistskaya literatura: novaya filosofiya. novyy yazyk = Russian postmodernist literature: new philosophy, new language. 2. ed., supplement. St. Petersburg: Nev. prostror. (In Russ.)
3. Karslieva, D. K. (2013). Genre polyphony in the novel "Atonement" by I. McEwan. Philology and Culture, 2(32), 127–130. (In Russ.)
4. Lantyukhova, N. N., Zagorovskaya, O. V., Litvinova, T. A. (2013). Term: Definition and its essential features. Current problems of civil protection, 1(6), 42–45. (In Russ.)
5. Pesterev, V. A. (2013). Polizhanrovost romana Danielya Kelmana «Izmeryaya mir» = Polygenre of Daniel Kelman's novel "Measuring the World". Russian Germanistics (pp. 188–195): Yearbook of the Russian Union of Germanists. (In Russ.)
6. Abilova, F. A. (2022). Contamination of genres in the novel "When we were orphans" by K. Ishiguro. Philological Sciences. Issues of theory and practice, 10, 3120–3124. (In Russ.)
7. Funikova, S. V. (2015). Problem of poly-genre nature in "The hunting sketches" by I. S. Turgenev. Philological sciences. Issues of theory and practice, 3(45), 176–179. (In Russ.)
8. Kuzurman, V. M. (2004). Polizhanrovost idiostilya kak problema perevoda: Na materiale perevodov prozy. poezii. dramaturgii i publitsistiki Volfganga Borkherta na russkiy yazyk (Polygenre of idiostyle as a problem of translation: On the material of translations of prose, poetry, drama and journalism of Wolfgang Borchert into Russian): abstract of PhD in Philology. Magadan. (In Russ.)
9. Dzhafarova, K. K. (2019) Polizhanrovost i propovednicheskoye slovo Gogolya = Polygenre and Gogol's preaching word. The Nineteenth Gogol Readings (pp. 185–190): Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific Conference. (In Russ.)
10. Kornienko, E. R. (2020). Polyandrously in journalism N. I. Novikov's discourse. Culture in the mirror of language and literature (pp. 255–262): proceedings of the eighth international scientific conference. (In Russ.)
11. Grinchenko, N. A. (2015). The problem of Aleksey Pisemskiy's antinihilistic novel poly-genre structure. Vestnik of International Humanities University. Philology, 1(16), 16–18. (In Russ.)
12. Bakhtin, M. M. (1975). Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let. = Questions of Literature and Aesthetics. Studies of Different Years. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мухин Никита Андреевич

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mukhin Nikita Andreevich

Postgraduate Student
Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	09.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.133.1

Пиджинизация как одна из причин аналитизации в истории французского языка

В. В. Пылакина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
veronikap2002@mail.ru Научная статья

Аннотация: В формировании французского языка принимали участие галльский субстрат, романский страт и германский суперстрат. По имеющимся данным, все эти языки были синтетическими, однако на их основе сформировался аналитический французский язык, что кажется иллогичным. Впрочем, французский язык складывался из многих элементов, и в его формировании участвовали различные факторы, которые и привели в результате пиджинизации и последующей креолизации к формированию, на основе синтетических исходных элементов, аналитического французского языка.

Ключевые слова: старофранцузский язык, галльский язык, галлороманский язык, германские языки, пиджин, пиджинизация, креольский язык, аналитизация, аналитический язык, синтетический язык

Для цитирования: Пылакина В. В. Пиджинизация как одна из причин аналитизации в истории французского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 94–100.

Original article

Pidginisation as One of the Causes of Analyticisation in the History of the French Language

Veronika V. Pylakina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
veronikap2002@mail.ru

Abstract. The formation of the French language involved a Gallic substratum, a Romance stratum and a Germanic superstratum. All of these languages are reported to have been synthetic, but it seems illogical that analytic French was formed on their basis. However, French was formed from many elements, and various factors were involved in its formation, which led, as a result of pidginisation and subsequent creolisation, to the formation, on the basis of synthetic initial elements, of analytical French language.

Keywords: Old French language, Gallic language, Gallo-Roman language, Germanic languages, pidgin, pidginisation, creole language, analyticisation, analytic language, synthetic language

For citation: Pylakina, V. V. (2024). Pidginisation as one of the causes of analyticisation in the history of the French language. Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities, 5(886), 94–100. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Развитие языка не носит линейного характера и не является константой. Даже, если его система и структура исходно принадлежали к определенной типологической категории, в процессе развития языка всё может измениться. Принято считать, что такого рода кардинальные изменения происходят постепенно под воздействием внутренних процессов, происходящих в языке, однако, как становится очевидно на примере французского языка, такой процесс может быть обвальным и иметь причиной какой-то внешний толчок.

Общеизвестен тот факт, что французский сформировался на основе галльского субстрата, латинского страта (или страты) и германского суперстрата. Все эти элементы, участвовавшие в формировании французского языка, были синтетическими. «Синтетизм – это типологическая черта языковой структуры, состоящая в объединении в пределах одного слова нескольких морфем (лексических, словообразовательных, словоизменительных)»[1]. Синтетизм является свойством флективных языков, к которым относятся «большинство индоевропейских языков (…исключение составляют, например, английский, французский, отчасти болгарский)»[2].

Естественно, возникает вопрос: почему французский язык, сложившийся на основе синтетических компонентов – это язык аналитический? Аналитизм противоположен синтетизму. Под аналитизмом понимается «противопоставляемое синтетизму типологическое свойство, проявляющееся в раздельном выражении основного (лексического) и дополнительного (грамматического, словообразовательного) значений слова. Аналитизм проявляется в морфологической неизменяемости слова и наличии аналитических (сложных) конструкций (форм). При морфологической неизменяемости слова грамматические значения выражаются в его сочетании со служебными словами, в порядке слов, интонации»[3].

По каким причинам французский язык, сформировавшийся из синтетических элементов, попал в разряд исключений и стал аналитическим? С точки зрения логики, в развитии аналитического языка на основе синтетических базовых элементов есть некое противоречие. Однако, рассматривая языки, участвовавшие в формировании французского языка, надо учитывать, каким образом и в каких исторических условиях они оказывали свое влияние. Если применить современную терминологию к тем отдаленным временам, то мы имеем дело с пиджинизацией и последующей креолизацией в истории французского языка.

Пиджины – это «структурно-функциональный тип языков, не имеющих коллектива исконных носителей и развившихся путем существенного упрощения структуры языка-источника; используются как средство межэтнического общения в среде смешанного населения»[4]. Как правило, развитие пиджинов идет по пути креолизации. Процесс формирования пиджинов носит название пиджинизации. «Пиджинизация проявляется прежде всего в упрощении сложных грамматических моделей языка-источника, развитии аналитизма и изоляции; она часто затрагивает и фонологическую структуру – происходит исчезновение или модификация некоторых категорий звуков, разрушение тоновой системы и т. п.»[5].

Пиджинизация – это один из возможных путей развития языка. Как правило, причиной, по которой язык избирает этот путь, является наложение языка захватчиков на язык побежденных. В этом случае, язык побежденных может либо исчезнуть, либо законсервироваться и замедлить свое развитие, а язык победителей, распространившийся на территории языка побежденных, неизбежно идет по пути опрощения, т. е. пиджинизации.

В современной лингвистике о пиджинизации принято говорить в том случае, когда происходит захват колонизаторами некой территории вместе с населением, в результате чего в этом ареале распространяется язык колонизаторов, но он приобретает весьма опрощенную форму. К античным временам эту терминологию применять не принято, хотя, по сути, события, приведшие к формированию французского языка, прекрасно можно описать формулировкой «пиджинизация с последующей креолизацией». Креолизация языка происходит, когда пиджин становится родным языком, т. е. нативизируется. «Креольские языки – языки, сформировавшиеся на основе пиджинов и ставшие родными (первыми) для определенного коллектива их носителей. <…> Процесс превращения пиджина в креольский язык называется креолизацией. Креольские языки являются родными для следующих поколений соответствующего этноса. Генетическое родство пиджинов и креольских языков с языками-источниками сохраняется, но резко нарушается эволюционный процесс в ходе их формирования»[6].

[1]Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 451.
[2]Там же, с. 552.
[3]Там же, с. 31.
[4]Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 1990. С. 374.
[5]Там же.
[6]Там же, с. 245.

ПИДЖИНИЗАЦИЯ С ПОСЛЕДУЮЩЕЙ КРЕОЛИЗАЦИЕЙ И АНАЛИТИЗАЦИЕЙ В ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В истории французского языка эпизодов, когда язык захватчиков распространялся в ареале расселения коренного населения, было несколько. Можно начать с захвата территории Галлии древними римлянами в I веке до н. э., когда богатая и экономически развитая Галлия, представлявшая собой лакомый кусок для захватчиков, подверглась завоеванию Римской империей. Завоевание носило длительный характер, местное население подвергалось зверскому уничтожению, в последнее время некоторые французские ученые даже заговорили о геноциде, в результате которого были полностью или в значительной мере истреблены целые галльские племена, например гельветы.

В результате захвата римлянами и примененной ими лингвистической политики, которая состояла в принудительной латинизации местного населения, галльский язык полностью исчез. После захвата римлянами, школа, церковь и местная администрация полностью перешли на латынь. Римляне всюду насаждали школьное образование, которое осуществлялось только на латыни, для латинизации детей местного населения, с тем чтобы в дальнейшем латынь стала их основным языком общения. Пантеон богов был заменен на латинский, общение со жрецами, в случае надобности, могло осуществляться только на латыни. Местная администрация, назначенная римлянами, также говорила только на языке захватчиков. Следует отметить, что некоторые лингвисты, в частности М. Гревисс, полагают, что латынь «распространялась не только и не столько при помощи школ, сколько при помощи непосредственных контактов между людьми, а именно, с торговцами, солдатами, представителями римских властей. Они распространяли не классическую, а вульгарную латынь, т. е. разговорный, повседневный, народный или бытовой язык»[1] [Grevisse 1993, с. 9].

Кстати, следует отметить разницу в подходах к роли латыни в формировании французского языка в русской (советской) и французской лингвистике. В отечественной лингвистике принято полагать, что основой для формирования французского языка послужила латынь, а французы воспринимают римлян как захватчиков и оккупантов, а своими предками считают галлов, и, с точки зрения французских ученых, именно галльский язык стал основой для французского.

Так или иначе, римляне смогли свести галльский язык к домашнему, бытовому употреблению. Первое поколение галлов, выжившее на захваченной римлянами территории, далеко не всё освоило латынь. Второе поколение, их дети, уже говорило на двух языках, таким образом, был пройден этап билингвизма, а третье поколение, внуки, уже говорили только на латыни. Некоторые из них еще знали галльский, но этот язык уже явно начал исчезать, чему также способствовала недальновидная политика галльских жрецов-друидов, которые всячески препятствовали его письменной фиксации. Фрагментарность письменных памятников позволяет лишь отметить, что «в именном склонении выявляется общеиндоевропейская падежная парадигма. <…> В синтаксисе характерен свободный порядок слов»[2]. Известно, что наличие свободного порядка слов уже само по себе обычно свидетельствует о флективном, синтетическом характере языка. В данном случае эта теза подтверждается информацией о существовании восьмипадежной системы склонения. Надо думать, что в галльском языке была также и система спряжения. Всё перечисленное, а также сопоставление с остальными кельтскими языками, заставляет предположить, что галльский, как и основная масса индоевропейских языков, был языком синтетическим. С лингвистической точки зрения галльский стал субстратом для формирования французского языка. Субстрат – это «совокупность черт языковой системы, невыводимых из внутренних законов развития данного языка и восходящих к языку, распространенному ранее на данной лингвогеографической территории»[3].

В результате захвата Гаем Юлием Цезарем и последующих завоеваний, латынь постепенно полностью покрыла ареал распространения галльского языка, т. е. произошло наложение языка захватчиков на язык побежденных. Далее начались процессы, неизбежные для такой лингвистической ситуации. Язык победителей, в результате его применения местным населением, начинает подвергаться опрощению, т. е. пиджинизации. Лингвистически это выражается в следующих фонетических изменениях: утрата *h* и *m* на конце слова, чаще всего когда это было окончание аккузатива. Краткий *i* развивается в закрытый *e*, краткий *u* – в закрытый *o*. Постепенно исчезают безударные гласные и интервокальные согласные. В грамматике процесс опрощения проявляется в аналитизации форм. Действительно, в латыни, распространившейся на территории Галлии, начинают постепенно исчезать падежи. Сначала выходят из употребления редкие формы, например вокатив 4 и 5-го склонений, затем унифицируются склонения. Расширяет

[1]Зд. и далее перевод наш. – *В. П.*

[2]Лингвистический энциклопедический словарь. 1990. С. 92.

[3]Франция. Лингвострановедческий словарь. 7 тыс. единиц. Под ред. Л.Г.Ведениной. М.: Интердиалект/АМТ; 1997, с. 497.

свое употребление аккузатив, который начинает вытеснять датив и аблатив. Вместо некоторых падежей начинают употребляться предлоги, что является характеристикой развития аналитизма. Можно напомнить, что предлог *de* в старофранцузском языке обозначал принадлежность и стал употребляться в этом значении для замены латинского родительного падежа, который обозначал именно принадлежность. Появляются признаки формирования артикля на базе указательных местоимений. Начинается формирование аналитических степеней сравнения прилагательных (*plus fortis* вместо *fortior*). Унифицируется спряжение глаголов, утрачиваются отложительные глаголы, неправильные инфинитивы стараются подчинить общим правилам, например, **esse* становится **essere* под влиянием регулярного глагола **stare* (< фр. *être*), **posse* превращается в **potere* (< фр. *pouvoir*). Особенно интересно развитие форм глагола *io*, спряжение которого смешивается со спряжением глагола *vadere* и под влиянием глагола *ambulare* появляется французский глагол *aller*, который совместил в себе формы всех этих трех глаголов (*je vais*, *j'irai*, *j'allais*). Происходит развитие аналитических времен глагола, которых не было в латыни, например: *passé composé* и *plus-que-parfait*.

К V веку до н. э. формируется романский язык, который уже далеко отстоит от латыни и который принято именовать галлороманским.

М. В. Сергиевский полагал, что процесс формирования вульгарной латыни Галлии можно охарактеризовать «как начало постепенного перехода от синтетического строя речи к аналитическому, перехода, вызванного определенными сдвигами в самом мышлении» [Сергиевский, 1947, с.13]. Бесспорно, происшедшие исторические изменения не могли не повлечь за собой изменения в сознании носителей языка. Но, помимо этого, происшедшие историко-политические потрясения и развитие новой социолигвокультурной среды привели к зарождению креольского языка, который появился в результате использования пиджина несколькими поколениями носителей. В V веке до н. э., в силу происходивших исторических событий, а именно: ослабления и распада Римской империи и постепенного усиления соседних народов, территория современной Франции подверглась новому нашествию иноплеменных. Ими стали германцы. Как и в свое время римляне, они были очень пестрыми и неоднородными. В отечественной лингвистике принято считать, что германские племена были весьма многочисленны: варвары, вандалы, герулы, остготы, вестготы, бургунды, франки и др. Французы выделяют три основных племени: франки, бургунды, вестготы. Хотя, в данной ситуации, этнический состав восточных германцев, занявших, в частности, территорию современной Франции, не так важен. Важен сам факт оккупации захватчиками ареала распространения уже сформировавшегося галлороманского языка. Данных о том, что германцы массово истребляли местное население, нет, хотя это, безусловно, не исключено, не говоря уже о том, что каннибализм у древних германцев был весьма развит и рассматривался лишь как вариант питания. Информации о какой-либо принудительной германизации галлороманского населения нет. Однако германцы на какой-то период установили германское право, весьма отличное от романского, и германскую иерархию. Таким образом, язык захватчиков, германцев, распространился в ареале галлороманского языка, наложившись на него. Германский язык стал суперстратом для формирования французского языка на основе галлороманского. Суперстрат – это «совокупность черт языковой системы, не выводимых из внутренних законов развития языка и объясняемых как результат растворения в данном языке языка пришлых этнических групп, ассимилированных исконным населением»[1]. Очень интересно, что само «понятие «суперстрат» было введено В. фон Вартбургом (1936) как антоним понятия «субстрат» для объяснения некоторых романских инноваций, не имевших источника ни в латинском языке, ни в языках народов, покоренных римлянами, но выводимых из языка германских племен (франков), вторгшихся в Галлию»[2]. Иначе говоря, факт распространения германских языков по захваченной территории привел к новым изменениям в его структуре, теперь уже под влиянием германских языков, что нашло свое выражение в дальнейшей пиджинизации, опрощении, автохтонного галлороманского языка. Далее, в течение жизни нескольких поколений, снова формируется креольский язык, теперь уже на основе галлороманского и германского языков.

Таким образом, на основе субстрата, представленного предположительно синтетическим галльским языком, страта, синтетической латыни, и суперстрата, синтетических восточно-германских языков, складывается старофранцузский язык, в котором, в результате многократной пиджинизации и креолизации, оказываются сильны аналитические тенденции.

ПИДЖИНИЗАЦИЯ И АНАЛИТИЗАЦИЯ В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Первым памятником, написанным на старофранцузском языке, считаются «Страсбургские клятвы»

[1]Лингвистический энциклопедический словарь. 1990. С. 499.

[2]Там же.

842 года[1]. Текст «Страсбургских клятв» был написан на двух языках – на романском (который, по сути, являлся старофранцузским) и на германском (точнее, на древневерхненемецком, который французы называют le tudesque). Это была клятва, произнесенная внуками Карла Великого, сыновьями Людовика Благочестивого, Карлом Лысым и Людовиком Германским. Причем по-романски ее произносил Людовик и французы-солдаты Карла, а по-германски – Карл и германцы-солдаты Людовика [Бурнацева, Пылакина 2013, с.120]. Понимая, что они обращаются к малограмотным солдатам, которые точно не знают латыни, и желая, путем произнесения этих клятв, закрепить свой союз, Карл Лысый и Людовик Германский составили и произнесли клятвы на народных языках армий друг друга, т. е. на романском и германском [Julaud 2004, с. 99].

Именно Страсбургские клятвы французы считают «свидетельством о рождении» французского языка[2]. Французы любят говорить, что «о рождении французского языка свидетельствовала клятва в верности» [Julaud, 2004, с. 98], они не договаривают только, что это была клятва в верности кровавому союзу двух младших братьев против старшего. В соответствии с этой клятвой, Карл Лысый и Людовик Немецкий «обязывались не вступать ни в какие соглашения со своим старшим братом Лотарем (Lothaire), претендовавшим на императорскую корону»[3].

Речь шла о темной истории с дележом наследства Карла Великого. После смерти Карла Великого в 814 году, «империя досталась его единственному выжившему сыну, Людовику Благочестивому. Он растерял имперскую власть, отказавшись продолжать военные кампании своего отца, а раз у него больше не было добычи для дележа, он утратил контроль над дворянством. Кроме того, новому императору пришлось бороться со своими четырьмя сыновьями, которые восстали против него» [Méric, 1996, с. 38]. Эта темная история сначала привела к тому, что сыновья Людовика Благочестивого, по наущению старшего из них, Лотаря I, свергли с трона отца, а затем два младших брата – Людовик Германский и Карл Лысый – заключили союз против своего старшего брата, Лотаря I. Клятвы были письменно зафиксированы двоюродным братом всех троих упомянутых сыновей Людовика Благочестивого, франкским хронистом Нитхардом[4]. В результате долгой кровопролитной борьбы между тремя внуками, империя, созданная Карлом Великим, по Верденскому договору 843 года, распалась на три части. «Верденский договор положил начало трем крупным государствам в Западной Европе: Франции, Германии и Италии»[5]. В последствии, эти три части были поделены на еще более мелкие доли, доставшиеся в наследство правнукам. Всё это полностью развалило империю, созданную Карлом Великим, и дало толчок развитию различных романских и германских языков.

В результате дальнейшей аналитизации, ставшей проявлением пиджинизации, в старофранцузском языке от латинской системы склонения остаются только два падежа – именительный и косвенный. Падежные отношения начинают выполнять предлоги. Исчезают или унифицируются многие неправильные глаголы. Начинается развитие аналитических времен глагола. Развивается *futur simple*, которое включает в себя личную форму глагола *avoir*. Начинается формирование артикля, появляются определенный и неопределенный артикль.

Начав развиваться под влиянием пиджинизации, с момента формирования старофранцузского языка, аналитические тенденции укореняются во французском языке всё шире и глубже и приводят к обрушению всей системы старофранцузского языка в XIII веке. Логически рассуждая, следует предположить, что имело место какое-то историческое событие (война, чума…), которое привело к захвату территории и гибели значительной части населения. Описывая этот период, историки говорят о кризисе Средневековья. «Благоприятная экономическая конъюнктура непрерывного развития в XI–XIII веках сменяется в XIV веке резко выраженной депрессией, которую характеризует падение объема ремесленного и сельскохозяйственного производства, эпидемии и голодовки, убыль населения, финансовый и монетный кризисы, падение сеньериальных доходов, социальные движения, войны, политические кризисы и т. д., и т. п.» [История Франции, 1972, с. 115].

Явных упоминаний о войне на территории Франции в этот период пока обнаружить не удалось, хотя, судя по лингвистическим последствиям, она могла быть. Более того, исходя из объективного лингвистического факта неожиданно начавшейся дальнейшей пиджинизации и обвальной аналитизации французского языка, эта война могла сопровождаться оккупацией Франции. Что касается эпидемии, то распространение черной чумы по территории Европы является историческим фактом. Считается, что под черной чумой понимается

[1]Cité internationale de la langue française. 2023, December 15. URL: https://www.cite-langue-francaise.fr/decouvrir/l-aventure-du-francais/10-dates-qui-ont-marque-la-langue-francaise/wiew

[2]URL: https://www.cite-langue-francaise.fr/decouvrir/l-aventure-du-francais/10-dates-qui-ont-marque-la-langue -francaise/wiew

[3]Франция. Лингвострановедческий словарь. 7 тыс. единиц / под ред. Л. Г. Ведениной. М.: Интердиалект/АМТ, 1997. С. 884.

[4]URL: https://www.cite-langue-francaise.fr/decouvrir/l-aventure-du-francais/10-dates-qui-ont-marque-la-langue-francaise/wiew

[5]Франция. Лингвострановедческий словарь. 7 тыс. единиц / под ред. Л. Г. Ведениной. М.: Интердиалект/АМТ, 1997. С. 971–972.

целый ряд инфекций (легочная чума, бубонная чума и даже сибирская язва), которые были занесены крысами из стран Востока. По одной версии, крысы попали в Европу из стран Азии в трюмах кораблей, по другой – по какой-то причине совершили массовую миграцию с Востока на Запад. Кошек в Европе тогда не было, а занимавшие их нишу ласки и горностаи со своей задачей не справились, крысы оказались им не по зубам. Черная чума сделала свое черное дело. Европа обезлюдела. Количество носителей французского языка резко уменьшилось.

ПИДЖИНИЗАЦИЯ И АНАЛИТИЗАЦИЯ В СРЕДНЕФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В результате происшедших трагических событий, среднефранцузский язык, ставший следующим, после старофранцузского, этапом развития французского языка, и начавший свой отсчет с XIV века, еще более развил и усилил аналитические тенденции. В среднефранцузском языке полностью исчезает падежная система, все падежные отношения начинают передаваться предлогами. Развиваются аналитические степени сравнения прилагательных. Унифицируются глагольные спряжения, исчезают многие нерегулярные глаголы. Сужается употребление сюбжонктива, который в старофранцузском языке успешно конкурировал с индикативом и был даже более распространен, чем изъявительное наклонение. Развивается система артикля, формируется партитивный артикль, который, впрочем, первоначально имел иное значение, чем в современном языке. Партитивный артикль обозначал часть целого, а не неопределенное количество, как в современном языке. Складывается в современном виде система указательных и притяжательных местоимений и указательных и притяжательных прилагательных. Изменяется и складывается в современном виде система порядковых числительных.

Одной из причин дальнейшего развития пиджинизации, вероятно, стала Столетняя война, которая как раз пришлась на среднефранцузский период. Эта война «велась между Англией и Францией (1337–1453) за обладание государством Гиень (duché de Guyenne) и Фландрией (Flandres). Поводом послужили притязания на французский престол английского короля в связи с прекращением в 1328 династии Капетингов (Capétiens)»[1]. Под Столетней войной понимается серия военных конфликтов, протекавших с переменным успехом, причем чаще побеждали англичане. События Столетней войны привели к тому, что в определенные периоды англичане и их союзники, предатели бургундцы, захватывали бóльшую часть территории Франции. Таким образом, по территории французского королевства снова распространялся язык захватчиков, в данном случае, английский, а также язык предателей – диалект французского языка бургундский, который имел свою серьезную специфику и уже довольно далеко отошел от диалекта Иль-де-Франс, на котором говорил королевский двор. В данном случае, нельзя сказать, что бургундский диалект далеко отошел от нормы, так как понятия нормы французского языка в те времена еще не было, норма складывается только в XVI веке, когда французский язык становится государственным языком Франции. Однако бургундский значительно отличался от françois (франсуэ), диалекта Иль-де-Франс, который впоследствии стал основой для формирования французского языка.

В Англии того периода, пережившей завоевание в 1066 году Вильгельмом Завоевателем, были еще очень сильны позиции французского языка, на котором говорил королевский двор. Но по территории Франции распространялась отнюдь не элита английского общества, а наемники, представлявшие самые его низы, и было бы наивно думать, что эти деклассированные элементы говорили на изысканном французском языке.

Очевидно, что очередной захват территории Франции и распространение чужих языков привели к еще одной пиджинизации и последующей креолизации, т. е. к дальнейшему опрощению лингвистической системы французского языка и развитию в ней аналитических тенденций. Такое развитие закончилось полным обрушением системы среднефранцузского языка, который еще сохранял следы синтетизма, и формированием аналитического ранненовофранцузского, которое относится к XVI веку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, причиной развития аналитизма во французском языке может быть тот факт, что в ходе своего исторического развития этот язык неоднократно подвергался пиджинизации с последующей креолизацией, что неминуемо ведет к отказу от синтетического строя и к переходу к строю аналитическому. Следует отметить, что применение современной теории пиджинизации с последующей креолизацией не предполагает пересмотра основ формирования французского языка. Этот подход являет собой попытку понять причины развития аналитического французского языка из синтетических элементов (галльского, латинского и германских языков), вошедших в его изначальную структуру.

[1]Франция. Лингвострановедческий словарь. 7 тыс. единиц / под ред. Л. Г. Ведениной. М.: Интердиалект/АМТ, 1997. С. 884.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Grevisse M. Le bon usage. Grammaire française. 13-e éd. rev. P.: Duculot, 1993.
2. Сергиевский М. В. История французского языка. 2-е изд., просм. и испр. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1947.
3. Бурнацева З. К., Пылакина В. В. Основы теории второго иностранного языка: французский язык : учебное пособие для студентов IV курса, в 2 т. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2013. Т. 1.
4. Julaud J.-J. L'Histoire de France pour les nuls. P.: Éditions générales First, 2004.
5. Méric M. Mon histoire de France. Hachette, 1996.
6. История Франции: в 5 т. / отв. ред. А. З. Манфред. М.: Наука, 1972. Т. 1.

REFERENCES

1. Grevisse, M. Le bon usage. Grammaire française. 13-e éd. rev. P.: Duculot, 1993.
2. Sergievskij, M.V. (1947). Istorija francuzskogo jazyka = History of French. 2nd ed. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh jazykah. (In Russ.)
3. Burnaceva, Z.K., Pylakina, V.V. (2013) Osnovy teorii vtorogo inostrannogo jazyka: francuzskij jazyk = The basics of second foreign language theory: French: in 2 vols (Vol. 1). Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)
4. Julaud, J.-J. L'Histoire de France pour les nuls. P.: Éditions générales First, 2004.
5. Méric, M. Mon histoire de France. Hachette, 1996.
6. Manfred, A. Z. (1972). Istorija Francii = History of France: in 5 vols. (Vol. 1). Moscow: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пылакина Вероника Валерьевна
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры французского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pylakina Veronika Valeryevna
PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of the French Language
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	06.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.161.1

Теоретические основы исследования языковых средств в создании лингвокультурного образа страны в художественном тексте

Садури Хасанет

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия
hassanetsadouri@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются языковые единицы, употребляемые для описания образа страны в художественном тексте. В работе были применены следующие методы: анализ и синтез, метод логического сопоставления, типологический метод, методы наблюдения и описания. Проведен обзор произведений, отражающих образы других стран, в том числе африканских. В ходе работы было выявлено, что образ страны в научной литературе имеет широкое представление, который создается при помощи безэквивалентной, коннотативной и фоновой лексики, имен собственных и эмоционально-оценочных слов.

Ключевые слова: художественный текст, лингвокультурный образ страны, языковые средства создания лингвокультурного образа, лингвистический анализ

Для цитирования: Садури Хасанет. Теоретические основы исследования языковых средств в создании образа страны в художественном тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (886). С. 101–107.

Original article

Theoretical Foundations for the Research of Linguistic Means in the Creation of a Country Image in a Literary Text

Hasanet Sadouri

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow Russia
hassanetsadouri@gmail.com

Abstract. This article deals with the problem of research of linguistic units involved in the creation of the image of the country in a literary text. The following methods were used to achieve this aim: analysis and synthesis, method of logical comparison, typological method, methods of observation and description. The main part of this research is a review of the material, which is devoted to the images of other countries. As a result of the study, it was revealed that the image of the country in the scientific literature has a broad representation. The linguistic means that create the image of the country include non-equivalent, connotative and background vocabulary, proper names and emotionally evaluative words.

Keywords: literary text, linguistic and cultural image of the country, linguistic means of creating a linguistic and cultural image, linguistic analysis

For citation: Hasanet Sadouri. (2023). Theoretical foundations for the research of language means in the creation of a country image in a literary text. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 101–107. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Образы других стран, создаваемые в сознании и воображении человека, являются одним из способов восприятия категории «чужого» пространства. Данная категория и средства ее языкового выражения привлекают современных исследователей: вопросы взаимодействия языка и культуры, отдельных реалий, являющихся выражением принадлежности к той или иной культуре, и их языкового выражения устойчиво сохраняют свою значимость для лингвистики, создавая основание для междисциплинарного подхода к их рассмотрению.

Теоретической базой исследования стали труды по проблемам образа: В. Гумбольдта, О. А. Леонтовича, А. Р. Ощепковой; медиалингвистики: Т. Г. Добросклонской, О. Б. Сиротининой; лингвокультурологии: А. Вежбицкой, В. Г. Костомарова, Н. И. Формановской и др.

Интерпретация лингвокультурных компонентов художественного текста является *актуальной* в условиях современной социально-политической ситуации в мире, так как репрезентация типологических характеристик лингвокультурного образа страны выступает инструментом конструирования национальной идентичности.

Материалом для таких исследований служат художественные и публицистические тексты.

Цель исследования – описать теоретическую базу выявления языковых средств создания образа страны в художественном тексте и проанализировать работы, которые передают образы других стран.

В связи с этим были поставлены задачи**:**

1) систематизировать работы ученых, занимающихся разработкой передачи образа страны;
2) рассмотреть основные факторы, которые влияют на формирование образа страны;
3) определить терминологию и средства языка, которые используются авторами для создания образа страны.

Новизна исследования заключается в комплексном анализе языковых средств, которые участвуют в создании образа стран мира, и в обобщении опыта подобных исследований. Описывается влияние факторов «свой», «чужой», «другой» на выбор языковых единиц, отражающих образ страны.

«ОБРАЗ» И «ОБРАЗ СТРАНЫ» КАК ПРЕДМЕТ АНАЛИЗА

Образ – это предмет интереса исследователей в области литературы, лингвистики, языкознания, культурологии и иных отраслей научного знания. В языкознании изучением понятия «образ» занимался немецкий мыслитель-гуманист В. Гумбольдт, в своих трудах он определил его как субъективное восприятие окружающей действительности или как отпечаток, который появился в душе человека [Гумбольдт, 2018].

В литературоведении образ представлен как конкретная категория искусства и эстетики, назначение которой – представлять собой форму воплощения и интерпретации реальности, запечатленной в обобщенной картине.

Е. О. Опарина при анализе понятия «образ» выделяет в его осмыслении ряд составляющих:

1) образ – отдельная категория сознания, которая предполагает результатом работу восприятия, памяти и воображения;
2) образ – единая картина отдельного реального объекта;
3) образ не равен предмету, который является предметом его отражения;
4) образ обладает субъективным уникальным характером;
5) факт распознавания, сравнения и восприятия собственных, опирающихся на опыт действий;
6) образ образовался самостоятельно, самопроизвольно, стихийно и бесконтрольно;
7) образ не обладает четкими границами, является носителем состава семиотических знаний в сознании человека, а также частью многочисленных ассоциативных связей;
8) образ способен значительно измениться в сознании человека при накоплении этим человеком собственного опыта и знаний [Опарина, 2017].

Понятие «художественный образ» тесно связано с понятием «художественная картина мира», которая является индивидуальным, личностным представлением реальности автором, имеющим определенную географическую привязку, а также субъективное понимание видимых им событий и отношение к этой действительности личности, как ее субъекта или объекта.

Страны обязательно формируют свой самостоятельный образ. Образ страны – важнейший способ ее самоидентификации. С. М. Мезенин выделяет особую трехчленную структуры этого образа:

1) референт, создающий собственное мнение, находясь внутри страны;
2) агент, создающий мнение о стране извне;
3) обоснование образа страны с помощью научного подхода [Мезенин, 1983].

Понятие «образ страны» зависит от понятия «национальный стереотип», представляет собой стандартизированной и устойчивый образ, который создает возможность получить широкие

представления обо всех категориях однородных явлений или объектов. Стереотипы обязательно обладают устойчивостью [Гринберг, 2009].

Говоря об образе страны, следует уточнить существующую разницу между этим понятием и близкими ему по своему содержанию понятиями «концепт» и «имидж».

Ю. С. Степанов понимает концепт в виде сгустка «культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. Концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё. Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [Степанов, 2004, с. 43–44]. По мнению А. Д. Макаровой, «концепт несет отпечаток культуры, является одной из его важнейших характеристик» [Макарова, 2011, с.243].

Ряд исследователей, в число которых входят Н. Ф. Алефиренко, Ю. С. Степанов, В. В. Колесов, утверждают, что понятие «образ» напрямую связан и даже зависит от понятия «концепт». В работе В. В. Колесова отмечается, что концепт имеет свойство «овнешняеться» в лексеме, проходя ряд этапов развития:

1) концепт данной культуры репрезентируется в психологически представленном образе, который имеет денотативное и десигнативное значения, но не обладает референтным значением;
2) постепенное оформление образа как понятия (приращение референта): концепт вербализуется определенными лексическими единицами;
3) языковая объективация концепта посредством внутренней формы слова или его значения;
4) создание символа на базе понятия [Колесов, 2002].

Уточняя понятие «имидж», мы обращаемся к «Большому энциклопедическому словарю», где сказано, что «имидж – целенаправленно формируемый образ (какого-либо лица, явления, предмета), призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т. д.»[1]

В данной статье, говоря об отличиях указанных понятий, мы будем опираться на черты, которые отмечает А. Д. Макарова: «Лингвокультурный образ изучается в единстве языка, сознания и культуры на основе дискурса, в котором преимущественно используется. Важно осознавать, что лингвокультурный образ отражает национально-культурные признаки, значимые для того лингвокультурного сообщества, где он формируется. Следовательно, лингвокультурный образ обладает национально-культурной спецификой и стереотипизированными характеристиками, которые реализуются в языке» [Макарова, 2011, с. 244].

Противоречивый характер является одним из основных качеств понятия «образ страны», потому что изначально не было цели его создания, а если она существовала в скрытом виде, то средства, которые способствуют ее достижению, отсутствовали в связи с тем, что созданный образ не мог обладать стабильностью, целостностью, эффективностью и являлся противоречивым [Клименко, 2010]. Стремясь разграничить данные понятия, А. Д. Макарова проводит анализ определений и заключает, что «понятие имидж – это то же, что и образ, только в узком смысле: имидж объясняется посредством образа, имидж всегда формируется целенаправленно, а образ зависит от интенций автора» [Макарова, 2011].

В данной работе, вслед за О. И. Халупо, под лингвокультурным образом страны мы понимаем образовавшийся и укоренившийся в сознании образ страны, который имеет национальную и культурную особенности, кроме того, наделен рядом стереотипных характеристик, которые реализуются благодаря разнообразным языковым средствам [Халупо, 2016].

Для анализа языковых средств, участвующих в создании лингвокультурного образа любой страны, необходимо рассматривать ряд аспектов: образный, понятийный, ценностный. Лингвокультурный образ страны образуется благодаря следующим группам лексем: безэквивалентная, фоновая и коннотативная лексика, имена собственные (мифонимы, топонимы и др.), эмоционально-оценочные слова.

ОБЗОР ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОБРАЗОВ ГОСУДАРСТВ

Образы разных стран, их культур, а также народов – это неотъемлемая часть любой лингвокультуры. Так, Е. В. Черкашина в работе «Языковые средства создания образа Украины в ранних произведениях Н. В. Гоголя: на материале цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» рассматривает возможность изучения образа страны путем реконструкции языковой картины мира через язык и поэтику народа. Данный путь позволяет автору открыть в тексте Н. В. Гоголя ряд пространственных оппозиций: «наше – ваше» пространство; «глобальное – локальное»; «реальное – ирреальное» [Черкашина, 2012]. По Е. В. Черкашиной, образ Украины на языковом уровне создается

[1]Большой энциклопедический словарь /А. М. Прохоров. М., 2004

с помощью отдельных единиц: лексем и фразеологических оборотов, а также пространственных оппозиций, выраженных лингвистическими средствами. Данные элементы культурно маркированы и связаны картиной мира, созданной при помощи украинского языка, что позволяет создать точный, емкий и яркий образ указанной страны.

В работе Цуй Ливэй «Языковые средства создания лингвокультурного образа Китая в лингвокультуре дальневосточной эмиграции» проводится анализ языковых особенностей лингвокультурного образа Китая, который основывается на художественных произведениях литературы русского зарубежья. Авторы этих работ попали в Китай вследствие эмиграции, обусловленной событиями и последствиями Октябрьской революции 1917 года.

Ц. Ливэй рассматриваются такие лексические единицы, которые стали основой в формировании лингвокультурного образа Китая, в их число входит безэквивалентная и фоновая лексика, имена собственные, а также эмоционально-оценочные слова. По утверждению автора, это дает возможность установить в образе Китая ряд характерных черт: «страна с особым бытом, религией и философией; древняя страна со своими обычаями и традициями; "чужой", "другой"; "вызывающий негативные эмоции – страх, тоску, печаль"; "агрессивный, жестокий"; "неподвижный, медленный"» [Цуй Ливэй, 2015, с. 118].

Л. И. Крюкова и Е. Б. Охичева в статье «Языковые средства создания образа культуры России в современных англоязычных СМИ» обращаются к интернет-версиям крупнейших американских и британских изданий, представленных на английском языке, и рассматривают лингвистические средства создания образа России, раскрывая его через особенности культуры данной страны. «В современных СМИ используются разнообразные языковые средства. <…> Чаще всего встречаются лексические и синтаксические выразительные средства. К лексическим средствам относятся: эпитет, метафора, метонимия, сравнение, ирония и т. д. К синтаксическим: удвоение, антитеза, повторы, параллельные конструкции и т. д.» [Крюкова, Охичева, 2022, с. 63]. Отмечается, что «часто образ культуры России создается с помощью лексики, которая раскрывает такие понятия, как "величие", "мощь", что подчеркивает уникальность русской культуры и ее авторов» [там же, с. 65].

Как видно, исследуя средства создания образа той или иной страны, авторы современных трудов, раскрывающих данную тему, обращаются как к образцам классической русской литературы, так и к произведениям литературы русского зарубежья и СМИ во всем их жанровом многообразии, написанных и на русском, и на других языках народов мира.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА СТРАНЫ

Обратимся к особенностям использования различных языковых средств для создания уникального образа страны в литературных произведениях, учитывая при этом, что образ, как утверждает Е. Б. Борисова, обязательно взаимосвязан с жанром, композицией, эстетикой и стилистикой [Борисова, 2009].

Образ страны может быть репрезентирован с помощью онимов. Это ментальные объекты, которые являются предметом исследования когнитивной лингвистики. Так, например, концепты репрезентируются такими единицами, как *Америка, Германия, Объединенные Арабские Эмираты*. Особенности концептов могут быть выявлены через фреймовый и концептуальный анализ. Онимы входят в группу, называемую «культурно-географическим» и «социальным» концептом [Ященко, Руденко, 2011].

Безэквивалентная лексика создает культурный компонент лексического значения. По мнению исследователей, эквивалент является соответствием, равным по лексическому значению и не зависящим от контекста. Эквиваленты могут быть абсолютными или относительными, полными или частичными.

В. Г. Костомаров и Е. М. Верещагин выделяют безэквивалентные и неполноэквивалентные лексемы и определяют их как единицы, отличающиеся от соответствующих им лексем в другом языке. Причина различия таких слов заключается в том, что они являются отражением специфических черт национальной культуры конкретного народа [Костомаров, Верещагин, 2014].

Л. С. Бархударов, С. И. Влахов, С. П. Флорин, Г. Д. Томахин, Ю. С. Степанов и другие ученые выделяют такие языковые реалии, как варваризмы, экзотизмы, локализмы и лакуны.

С. И. Влахов и С. П. Флорин понимают под «реалиями» «слова, которые называют элементы быта и культуры, исторических эпох и социального строя, государственного устройства и фольклора, т. е. специфических особенностей данного народа, страны» [Влахов, Флорин, 2012, с. 6].

Л. С. Бархударов выделяет среди слов-реалий:

1) имена собственные, названия географических объектов, организаций, учреждений, газет, телепередач;

2) слова, обозначающие предметы, ситуации или понятия, не существующие в языковом опыте носителей иностранного языка. Экзотизмы, термины, аббревиатуры, обращения, междометия, звукоподражания также могут быть входить в состав реалий [Бархударов, 2021].

К лакунам же относятся такие иностранные слова или устоявшиеся речевые обороты, которые не закреплены и не имеют аналогов в том или ином языке.

Среди всей безэквивалентной лексики можно выделить только три группы, которые состоят из слов с этнографическим, социально-политическим и историческим значением. Так, названия бытовых предметов составляют группу этнографических реалий. К примеру, слова *коль, бурнусы, фибулы, кус-кус, пиалы*, употребленные А. Белым в его «Африканском дневнике», способствуют приданию колоритных черт образу африканской страны. Во многих языках наблюдаются лексические единицы, которые связаны с культурой и отсутствуют в других языках:

> … вот черные, белые шашки на мощной дуге обращенных ворот; приглашающих в крытые **«сукки»** [базары] (*А. Белый. Африканский дневник*).
>
> …тот жезлик себе безбоязненно **дервиши** [монах] тыкают в нос и в глаза; кто пройдет все ступени познания, того назовет **ассауей имам** [титул наиболее выдающегося богослова] (*А. Белый. Африканский дневник*).

Наименования государственных символов и исторических событий относятся к историческим и социально-политическим реалиям, которые, безусловно, также способствуют формированию лингвокультурного образа страны. Так, в том же произведении А. Белого использовано слово *каид*, акцентирующее внимание читателя на специфических особенностях государственного устройства данной страны:

> Он женат на арабке; и дети его – мусульмане; **каид** [представитель центральной власти в Северо-Западной Африке[– его чтит; население – любит его (*А. Белый. Африканский дневник*).

Национальный колорит выражается и через коннотативную лексику, но не при указывании на предметы, а с помощью обозначения их отличительных свойств. Коннотат – это часть системного лексического значения слова, которая добавляет понятийное содержание смыслами, выражающими социально-психологические оценки и ассоциации, может дополнительно привносить одобрительную или неодобрительную окраску.

Эмоциональность и оценочность составляют эмоционально-оценочный компонент, который имеет социальный характер, что является поводом как для положительных, так и для отрицательных эмоций. Оценке могут подвергаться люди (*тунеядец*), результаты их деятельности (*мазня*), поведение (*шляться*), явления, имеющие социальный характер (*показуха*).

Эмоционально-оценочная лексика – важная часть формирования образа страны, она включает слова с положительным и отрицательным значением. И те, и другие, используются А. А. Ширинской в ее произведении «Бизерта. Последняя стоянка»:

> В музее Бардо в Тунисе пунические могильные плиты свидетельствуют о **духе терпимости к культуре других народов**… (*А. А. Ширинская* Бизерта. *Последняя стоянка*).
>
> Тунис **возмущен**, к середине восьмого столетия дружно **войска****** кореджитов идут из Туниса на им **ненавистный** суннизм (*А. А. Ширинская Бизерта. Последняя стоянка*)**.**

Образность, которая не имеет отношения к отражению действительности, является необязательным компонентом при создании образа страны, но невозможно достоверно сформировать этот образ без знания и понимания коннотаций, которые имеются в языке живущих на данной территории людей.

Топонимы классически разделяют на две группы: 1) общеизвестные географические объекты; 2) микротопонимы – географические объекты, известные лишь жителям страны или определенной местности. Также можно выделить и урбанонимы – узкую группу слов, которые представляют собой названия достопримечательностей крупных городов или известных по этим достопримечательностям населенных пунктов. Необходимо упомянуть и мифонимы – слова, связанные с религией и мифологией.

Лингвокультурный образ страны создают и антропонимы: имена правителей, исторических деятелей, представителей культуры, искусства и спорта. Так, к примеру, упоминание полководца Сиди-Окба в «Африканском дневнике» А. Белого заставляет читателя перенестись в исторический период, связанный с его деятельностью.

Фоновая лексика включает в себя информацию национально-культурного и национально-исторического толка, что требует серьезного лингвострановедческого или лингвокультурологического комментария. Так, А. Белый в «Африканском дневнике» упоминает течение суфизма, что заставляет читателя обратиться к историческим реалиям страны указанного периода:

> Когда же возникло **течение суфизма**, оно разлилось, залетев из Египта сюда; и **суфизм** — это орденство, подобное францисканству искание бедности, подвиг, аскеза характеризует **суфизм** (*А. Белый. Африканский дневник*).

Лексика общего употребления также формирует лингвокультурологический образ государства. Например, арабские страны вызывают ассоциацию с морем, пляжем, пустыней, солнцем:

> Кто думает о Бизерте – видит **море**! (*А. Белый. Африканский дневник*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, образ с точки зрения лингвистики – это категория сознания, включающая работу восприятия, памяти и воображения, в результате которой предстает картина реального объекта, характеризующаяся субъективностью; она опирается на субъективный опыт, не имеет определенных границ, обладает законченными семиотическими знаниями в сознании человека и входит в многочисленные ассоциативные связи.

К языковым средствам, принимающим участие в создании образа, относятся безэквивалентная, фоновая и коннотативная лексика, а также имена собственные и эмоционально-оценочные слова.

Личный вклад автора статьи в исследование языковых средств, служащих формированию лингвокультурного образа страны, заключается в обобщении информации, изложенной в уже существующих работах по теме. Кроме того, автором был произведен собственный анализ текста А. Белого «Африканский дневник», благодаря которому удалось проследить и выявить лексические средства, способствующие формированию образа Туниса.

Геополитическая ситуация оказывает принципиальное влияние на создание образа страны. За способами формирования часто стоит текст, в том числе и художественный

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. М.: Едиториал УРСС, 2018.
2. Опарина Е. О. Языковой образ в коммуникации: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманитарного научно-информационных исследований. Отделение языкознания. М., 2017.
3. Мезенин С. М. Образность как лингвистическая категория // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 48–58.
4. Гринберг Т. Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели // Пресс-служба. 2009. № 2. С. 74–82.
5. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., Академический проект, 2004.
6. Макарова А. Д. Лингвокультурный образ: сущность понятия. Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. № 33 (248). С. 243–245.
7. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002.
8. Клименко Д. А. Основные составляющие странового имиджа и технологии его продвижения (на примере формирования имиджа Италии в России) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2010. № 1. С. 165–182.
9. Халупо О. И. Лингвокультурные аспекты взаимодействия субъектов национальных коммуникативных пространств: дис. … д-ра филол. наук. Челябинск, 2016.
10. Черкашина Е. В. Языковые средства создания образа Украины в ранних произведениях Н. В. Гоголя: на материале цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки»: дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2012.
11. Цуй Ливэй. Языковые средства создания линвокультурного образа Китая в лингвокультуре дальневосточной эмиграции // Вестник Российского университета дружбы народов. 2015. № 4. С. 112–119.
12. Крюкова, Л. И., Охичева Е. Б. Языковые средства создания образа культуры России в современных англоязычных СМИ // Молодой ученый. 2022. № 20 (415). С. 63–65.
13. Борисова Е. Б. О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2009. № 35 (173). С. 20–26.
14. Ященко Т. А., Руденко Ж. А. Артефакты как составляющая культурного концепта // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24 (63). № 1. С. 202–209.
15. Верещагин Е. М., Костомаров, В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Директ-Медиа, 2014.
16. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2012.
17. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: URSS, 2021.

REFERENCES

1. Humboldt, V. (2018) O razlichiyakh v stroyenii chelovecheskikh yazykov i ikh vliyanii na dukhovnoye razvitiye chelovecheskogo roda = On the differences in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of the human race. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
2. Oparina, E. O. (2017). Yazykovoy obraz v kommunikatsii = Language image in communication: Sat. scientific Proceedings / RAS. INION. The center is humane. scientific information research Dept. linguistics. Moscow. (In Russ.)
3. Mezenin, S. M. (1983) Obraznost kak yazykovaya kategoriya = Imagery as a linguistic category // Questions of linguistics. No. 6. pp. 48–58. (In Russ.)
4. Grinberg, T. E. (2009) Imidzh strany ili imidzh gosudarstva: poisk konstruktivnoy model = The image of the country or the image of the state: the search for a constructive model. Press service, 2, 74–82. (In Russ.)
5. Stepanov, Yu. S. (2004) Konstanty: Slovar russkoy kultury = Constants: Dictionary of Russian culture. Moscow: Academic Project. (In Russ.)
6. Makarova, A. D. (2011) Yazyko-kulturnyy obraz: sushchnost ponyatiya = Linguistic and cultural image: the essence of the concept. Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history, 33(248), 243–245. (In Russ.)
7. Kolesov, V. V. (2002) Filosofiya russkogo slova = Philosophy of the Russian word. St. Petersburg: YuNA. (In Russ.)
8. Klimenko, D. A. (2010). Osnovnyye sostavlyayushchiye imidzha strany i tekhnologiya ego prodvizheniya (na primere formirovaniya imidzha Italii v Rossii) = The main components of a country's image and the technology of its promotion (using the example of the formation of the image of Italy in Russia). Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism, 1, 165–182. (In Russ.)
9. Khalupo, O. I. (2016) Lingvisticheskiye i kulturologicheskiye aspekty vzaimodeystviya subyektov natsionalnykh kommunikativnykh prostranstv = Linguistic and cultural aspects of interaction between subjects of national communicative spaces. PhD in Philology. Chelyabinsk. (In Russ.)
10. Cherkashina, E. V. (2012) Yazykovyye sredstva sozdaniya obraza Ukrainy v rannem tvorchestve N. V. Gogolya: na materiale tsikla «Vechera na khutore bliz Dikanki» = Linguistic means of creating the image of Ukraine in the early works of N. V. Gogol: based on the material of the cycle "Evenings on a Farm Near Dikanka": PhD in Philology. Belgorod. (In Russ.)
11. Cui Liwei. (2015). Lingvisticheskiye sredstva sozdaniya lingvokulturnogo obraza Kitaya v lingvokulture dalnevostochnoy emigratsii = Linguistic means of creating a linguistic and cultural image of China in the linguistic culture of Far Eastern emigration. Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University, 4, 112–119. Moscow. (In Russ.)
12. Kryukova, L. I., Okhicheva, E. B. (2022) Yazykovyye sredstva sozdaniya obraza russkoy kultury v sovremennykh angloyazychnykh SMI = Language means of creating an image of Russian culture in modern English-language media // Young scientist. No. 20 (415). 63–65. (In Russ.)
13. Borisova, E. B. (2009). O soderzhanii ponyatiy «khudozhestvennyy obraz» i «obraznost» v literaturovedenii i lingvistike = On the content of the concepts of "artistic image" and "imagery" in literary criticism and linguistics. Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history, 35(173), 20–26. (In Russ.)
14. Yashchenko, T. A., Rudenko, Zh. A. (2011). Artefakty kak sostavnaya chast kulturnoy kontseptsii = Artifacts as a component of a cultural concept. Scientific notes of the Tauride National University named after V. I. Vernadsky. Series: philology. Social communications, 24(63), 1–1, 202–209. (In Russ.)
15. Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. (2014). Yazyk i kultura: Lingvostranovedeniye v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo. = Language and culture: Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language, ed. by Yu. S. Stepanov. Moscow: Direct-Media. (In Russ.)
16. Vlahov, S., Florin, S. (2012). Neperevodimoye v perevode = Untranslatable in translation. Moscow: R.Valent. (In Russ.)
17. Barkhudarov, L. S. (2021). Yazyk i perevod (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda) = Language and translation (Questions of general and theory of translation). Moscow: URSS. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Садури Хасанет

аспирант филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Hasanet Sadouri

postgraduate student of the Faculty of Philology of the Russian Peoples' Friendship University named after Patrice Lumumba

Статья поступила в редакцию	09.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'42 : 811.112.2

Лексико-семантическая репрезентация концепта «Misserfolg» (на материале немецкоязычной публицистики)

Е. А. Северина[1], Н. С. Скворцова[2]

[1,2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*ratriniada@mail.ru*
[2]*nskvortsova18@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются элементы содержания концепта «Misserfolg» в современном немецком языке. Концепт «Misserfolg» является многоуровневым ментальным конструктом, который имеет ряд отличительных признаков, описанных в статье и подробно проанализированных на эмпирическом материале, в частности, данных словарей и текстах современного немецкоязычного публицистического дискурса. Проведенный анализ выявил разницу в концептуальном содержании на уровне ядра и периферии концепта.

Ключевые слова: концепт, когнитивная лингвистика, концептуальный анализ, фельетон, немецкоязычная публицистика

Для цитирования: Северина Е. А., Скворцова Н. С. Лексико-семантическая репрезентация концепта «Misserfolg» (на материале немецкоязычной публицистики) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 108–115.

Original article

Lexical and Semantic Representation of the Concept «Misserfolg» (on the material of German journalism)

Ekaterina A. Severina[1], Natalia S. Skvortsova[2]

[1,2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*ratriniada@mail.ru*
[2]*nskvortsova18@gmail.com*

Abstract. The article deals with the content elements of the concept 'Misserfolg' in modern German. The concept 'Misserfolg' is a multi-level mental entity that has a number of distinctive features described in the article and analyzed in detail on empirical material, which is based on the data of dictionaries and texts of modern German publicistic discourse. The analysis revealed the difference in the conceptual content at the level of the core and the periphery of the concept.

Keywords: concept, cognitive linguistics, conceptual analysis, satirical article, German journalism

For citation: Severina, E. A., Skvortsova, N. S. (2024). Lexical and semantic representation of the concept 'Misserfolg' (on the material of German journalism). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 108–115. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость исследований формирования картины мира у представителей разных народов продиктована потребностью в межкультурной коммуникации, значимость которой возросла в условиях глобализационных процессов. Подобного рода исследования активно проводятся в русле современной когнитивной парадигмы.

Когнитивная лингвистика изучает взаимосвязь языка, мышления и культуры представителей различных языковых сообществ. Одной из основных задач когнитивной семантики, раздела когнитивной лингвистики, является изучение вопросов категоризации и концептуализации, т. е. познания и осмысления человеком окружающей реальности и отражения данного опыта в языке. При этом в когнитивной лингвистике практикуется антропоцентрический подход, т. е. сам человек рассматривается в качестве «концептуализатора» и «категоризатора» [Болдырев 2001а].

В процессе концептуализации, обработки информации при помощи мыслительной деятельности, генерируются классы и категории, основой для которых служат концепты, именно они сводят различные наблюдаемые и мыслимые явления к чему-то единому и структурируют знания. Наличие тесной связи с культурой языкового сообщества определяет концепт как некую единицу коллективного знания, которая хранится в национальной памяти носителей определенного языка.

Концепты закладывают основы восприятия мира и способствуют формированию национальной идентичности, отражая понимание реальности конкретного лингвосоциума.

Основное содержание концептов зафиксировано в языке через значения конкретных слов, передающих лишь небольшую часть знаний человека о мире. Остальные сведения о концептах хранятся в сознании человека в виде разных мыслительных структур. В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин подчеркивают, что в ходе жизни языкового сообщества значимость концептов, их образная и понятийная составляющие меняются [Карасик, Слышкин 2005]. С течением времени в содержание концептов могут включаться новые характеристики, которые требуют новых форм вербализации [Болдырев 2001б]. Поэтому актуальность обращения к концептам диктуется изменчивостью культуры, социальных идеалов и ценностей, отражающихся в содержании концептов и, соответственно, в языке. Анализ концептов и репрезентирующих их языковых знаков способствует пониманию иноязычной культуры и эффективной межкультурной коммуникации.

В настоящей работе рассматривается концепт «Misserfolg» / «неуспех», входящий в содержание картины мира носителей немецкой лингвокультуры. В отличие от концепта «Erfolg» / «успех», получившего фрагментарное освещение в научных работах Е. Н. Хрыниной (2009), Н. Ю. Казаковой (2011) и А. И. Хлоповой, О. М. Ладоши (2021), рассматриваемый нами концепт «Misserfolg» до сих пор не был предметом лингвистического изучения и не получил целостного описания как языковое, когнитивное и культурное явление. Данный концепт затрагивается лишь частично в работе Л. Р. Хомковой, изучающей концептуальные признаки идеи успешности и неуспешности в контексте рабочей деятельности [Хомкова, 2002].

Концепты, отражающие идею успешности и неуспешности, входят в число базовых ценностей, формирующих ядро культуры народа. Актуальность лингвистического анализа концепта «Misserfolg» на лексическом уровне в немецком языке обусловлена возможностью выявления динамики изменения содержания данной базовой культурной ценности немецкого языкового сообщества в эпоху глобализации.

Цель нашего исследования – изучить содержательную наполненность концепта «Misserfolg» путем рассмотрения его отдельных концептуальных признаков на уровне языка и в речи. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) определить теоретические подходы и методику анализа содержания концепта и материал для исследования;
2) выявить и описать ядерные концептуальные признаки, формирующие понятийную составляющую концепта «Misserfolg» на основе компонентного анализа дефиниций ключевой лексемы в немецко-немецких лексикографических источниках;
3) установить перечень лексем-маркеров для отбора эмпирического материала из современного немецкоязычного публицистического дискурса;
4) составить корпус текстов и определить концептуальное содержание идеи неуспешности на основе анализа его языковых репрезентаций и выявленных контекстуальных смыслов;
5) провести сравнение выделенных концептуальных признаков, репрезентирующих ядро и периферию изучаемого концепта.

Объектом исследования являются концептуальные признаки идеи неуспешности в немецком языке и их языковые репрезентанты. Предметом исследования послужил корпус современных

немецкоязычных фельетонов. В ходе работы были применены компонентный, контекстуальный, интерпретационный и сопоставительный анализы.

МЕТОДИКА АНАЛИЗА КОНЦЕПТА «MISSERFOLG»

Когнитологи рассматривают язык как источник информации о концептуальных структурах человеческого сознания [Jachendoff 1993; Ungerer, Schmid 2006]. Считается, что значением языкового выражения становится только концепт, «схваченный знаком» [Кубрякова, 1996, с. 92]. Концептуальные характеристики анализируются с помощью языковых единиц, репрезентирующих концепты, их словарных дефиниций и речевых контекстов. Н. Н. Болдырев называет данный процесс концептуальным анализом, объектом которого «являются смыслы, передаваемые отдельными словами, словосочетаниями, типовыми пропозициями и их реализациями в виде конкретных высказываний» [Болдырев, 2001а, с. 31]. Сравнение языковых репрезентант концептов в языке и в речи выявляет базовое содержание концептов.

И. А. Стернин указывает на то, что концепты имеют определенную структуру, состоящую из концептуальных слоев, образуемых концептуальными признаками [Стернин, 2001]. Принимая во внимание зависимость формирования концептов от процессов мышления, лингвисты применяют декомпозицию концептов на семантические компоненты, отражающие знания человека о мире.

При рассмотрении семантики слова используется метод компонентного анализа, включающий в себя сегментирование значения языковых единиц на минимальные компоненты. В связи с этим необходимо учитывать соотношение понятий «значение» и «концепт»: концепт считается некой единицей, которая шире значения, т. е. значение по отношению к концепту выступает в качестве его части [Болдырев 2001б; Стернин 2001].

С. Г. Воркачев подчеркивает, что лингвистическая природа концептов определяет их закрепленность за определенными языковыми знаками, составляющими план выражения соответствующего лексико-семантического поля, построенного вокруг ядра, – имя концепта [Воркачев 2002]. Соответственно концептуальный анализ начинается с рассмотрения семантики ядерных единиц и выявления основных семем и их семантических компонентов, сем. И. А. Стернин пишет: «Семы отождествляются с концептуальными признаками, семемы – с концептуальными слоями» [Стернин 2001, с. 63].

Более глубокое семантическое описание концепта включает также анализ парадигматических связей [Воркачев 2002], поэтому анализ ядерных лексических единиц дополняется рассмотрением их синонимов и антонимов. Далее формируется структура концепта по данным языка.

Помимо содержания ядра выявляется также содержательная сторона периферии концепта. Одним из многочисленных источников материала для анализа периферии концептов являются публицистические тексты, где обнаруживаются различные смысловые признаки, скрытые от прямого наблюдения. На уровне речевых высказываний выявляется интерпретационное поле концепта, которое содержит «выводы» из разных концептуальных признаков [Стернин, 2001].

Таким образом, структура и содержание концептов выстраивается на базе описания их ядра и интерпретационного поля.

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве материала исследования ядерных концептуальных признаков концепта **«**Misserfolg**»** были использованы словарные статьи, представленные в немецких толковых словарях: Duden[1], DWDS[2], Wortbedeutung.info[3], The Free Dictionary by Farlex[4].

Эмпирической базой исследования периферийных концептуальных признаков послужил корпус текстов публицистического дискурса. Для исследования было отобрано 100 фельетонов, которые позволяют выявить определенные культурные особенности. Современная немецкоязычная публицистика, представленная фельетонами, ярко демонстрирует национальный характер, а также социальные тенденции немецкого общества.

Современный немецкоязычный фельетон – это распространенная форма медиасообщений, который представляет широкую палитру, однако не ограничивается только политическими или экономическими проблемами. Фельетон освещает явления общественной жизни в Германии, социальные и бытовые вопросы, культурные тенденции, экологические проблемы, спортивные достижения, гастрономические предпочтения, традиции, праздники и т. п. В результате фельетонист создает уникальную дискурсивную картину окружающей действительности, формирующую определенную

[1]DUDEN. URL: https://www.duden.de (дата обращения: 13.03.2024).
[2]DWDS. URL: https://www.dwds.de (дата обращения: 13.03.2024).
[3]Wortbedeutung.info.URL: https://www.wortbedeutung.info (дата обращения: 13.03.2024).
[4]The Free Dictionary by Farlex. URL: https://de.thefreedictionary.com (дата обращения: 13.03.2024).

ментальную модель реальности у читателя. Он опирается на ключевые культурные концепты, составляющие основу для понимания мира в данном сообществе.

Таким образом, фельетон позволяет раскрыть культурные основы современного общества Германии с разных точек зрения. Безусловно, современные тексты на немецком языке в жанре фельетона являются репрезентативными выражениями национальной идентичности, поскольку язык имеет глубокую связь с мышлением и сознанием людей.

Современный немецкоязычный фельетон представлен как в крупных региональных («Süddeutsche Zeitung», «DW», «Oberhessenlive.de», «Tagesspiegel») и местных изданиях («Main Post», «Leipziger Volkszeitung», «Ruhrnachrichten», «Westfalenpost»), так и в специализированных газетах и журналах, представляющих отдельные отрасли, такие как юриспруденция («Karriere-Jura»), медицина («Aerzteblatt.de»), воспитание детей («Väterzeit.de») и т. п.

Общество динамично и находится в процессе перманентного развития, что отражается в фельетонах. Изучение специфики языковых единиц, представляющих ключевые культурные концепты, на материале современных немецкоязычных фельетонов позволяет раскрыть характерные особенности данного лингвосоциума.

ХОД ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ содержания и структуры концепта «Misserfolg» проводился в несколько этапов. На первом этапе мы рассмотрели словарные дефиниции ядерной лексемы *Misserfolg*, отражающие его значения, что позволило нам выделить основные семы, составляющие каждое конкретное значение и их иерархию. Сравним дефиниции слова *Misserfolg* в электронных толковых словарях немецкого языка:

- [unerwartet] schlechter, enttäuschender, negativer Ausgang einer Unternehmung (*Duden*) – [неожиданный] плохой, разочаровывающий, негативный исход какой-либо деятельности[1];
- Fehlschlag, Erfolglosigkeit (*DWDS*) – промах, безуспешность;
- verfehlen eines gesteckten Ziels (*Wortbedeutung.info*) – не достигнуть поставленной цели;
- 1) etwas, das nicht geglückt ist; 2) ein sehr schlechter Ausgang für jemanden; 3) schlechter Ausgang einer Sache (*The Free Dictionary by Farlex*) – 1) что-то, что не удалось; 2) очень плохой исход для кого-то; 3) плохой исход дела.

[1]Зд. и далее перевод наш. – *Е. А., Н. С.*

На основании анализа представленных дефиниций можно выделить основные семы, формирующие значения слова *Misserfolg*: отрицательный результат деятельности / дела; недостижение цели; плохой исход для человека. Порядок перечисления семантических компонентов, репрезентирующих концептуальные признаки, определялся количеством схожих дефиниций, представленных в словарях.

Анализ синонимов слова *Misserfolg* в словарных статьях выявил наиболее используемые лексические единицы, каждая из которых упоминалась в совокупности не менее трех раз:

- Scheitern – крах, провал
- Fehlschlag – промах
- Reinfall – *разг.* провал
- Flop – *разг.* пустой номер / невезуха

В качестве прямого антонима в словарях представлена лексическая единица *Erfolg*. Анализ ближайших синонимов лексической единицы *Erfolg* и их антонимов, образованных деривационным способом, позволил получить более полный набор синонимов лексической единицы *Misserfolg*. Это такие слова, как:

- Erfolglosigkeit – безуспешность,
- Wirkungslosigkeit – неэффективность,
- Misslingen – неуспех, неудача.

На втором этапе исследования ядерная лексема *Misserfolg* и выделенные в результате анализа словарных статей синонимы использовались в качестве маркеров для отбора фельетонов: *отбор материала* для текущей статьи определялся наличием в тексте данных лексических единиц. В фельетонах выделялись определенные фрагменты, где представлена идея неуспешности. Под фрагментом фельетона мы понимаем отрывки текста, наделенные собственным законченным смысловым наполнением. Всего было отобрано 100 фрагментов. Выделенные фрагменты составили корпус исследуемого эмпирического материала.

На материале сформированного корпуса фельетонов идея неуспешности репрезентирована ядерной лексической единицей *Misserfolg* (12 фрагментов), ее синонимами *Scheitern* (39 фрагментов), *Reinfall* (13 фрагментов), *Wirkungslosigkeit* (7 фрагментов), *Erfolglosigkeit* (5 фрагментов), *Fehlschlag* (5 фрагментов), *Misslingen* (3 фрагмента), *Flop* (2 фрагмента), в том числе и лексическими единицами, образованными путем деривации (например, *gescheitert провальный, потерпевший крах*, *misslingen не удаваться, терпеть неудачу*). Помимо

употребления в качестве самостоятельных единиц данные лексемы встречались также в составе речевых формул, клише и словосочетаний, например:

- den Umgang mit dem Missefolg verlernen разучиться справляться в неуспехом
- die Erfolglosigkeit verschleiern скрывать неудачу
- ein buchstäblicher / satter / echter Reinfall
- буквальный / полный / настоящий провал; eigene Wirkungslosigkeit hinterfragen задаваться вопросом о собственной неэффективности
- vor dem endgültigen Scheitern stehen находиться на грани провала
- als Fehlschlag erweisen оказаться неуспешным.

Наибольшее количество употреблений отмечается у лексической единицы *Scheitern* и ее дериватов. Согласно словарю Duden[1] глагол-основа *scheitern* обладает базовой стилистически нейтральной семантикой:

1) ein angestrebtes Ziel nicht erreichen, keinen Erfolg haben – потерпеть неудачу в достижении желаемой цели или не добиться успеха;
2) misslingen – срываться, терпеть неудачу, missglücken – не удаваться, fehlschlagen – сорваться, провалится.

Принадлежность к нейтральному регистру и высокий деривационный потенциал данной языковой единицы способствуют возможности ее использования в различных контекстах. Следует подчеркнуть эмоциональную насыщенность и определенную степень образности фрагментов фельетонов, включающих данную единицу, например:

- hervorragend scheitern – блестяще провалиться;
- das krachende Scheitern der politischen Vorgänger – крах политических предшественников (*букв.* 'провал с треском').

Помимо лексических единиц, использовавшихся при отборе фельетонов в качестве маркеров, в текстах также выделяются лексические единицы *Crash – крах*; *Desaster – катастрофа, беда, крушение*; *Fiasko – фиаско*; *Rückschlag – неудача, провал, спад*, а также английские лексические единицы *failure – неуспех* и *to fail – потерпеть крах*, указывающие на идею неуспешности. Более того, нередко фельетонисты затрагивали тему неуспеха при помощи описательных конструкций, например:

- der glücklose Konig неудачливый король;
- die hohe Kunst des tiefen Falls высокое искусство глубокого падения, die Möglichkeit eines Doch-noch-Durbruchs ausschließen исключить любую возможность прорыва; eine Zwischen-Krise временный кризис;
- der ultimative Schiffsbruch – окончательное кораблекрушение и др.

Данные языковые единицы репрезентируют периферию концепта «Misserfolg», поэтому они учитывались при подсчете фрагментов, представляющих идею неуспешности.

На основе контекстуального и интерпретационного анализа на материале отобранных фельетонов выделяются следующие концептуальные признаки концепта «Misserfolg»:

1) *неуспех как ядерное абстрактное понятие* – отрицательный результат какой-либо деятельности, отсутствие результата, неуспешная ситуация в целом:

> Eine Klage auf Ausschluß eines Mitgesellschafters ist ultima ratio und kann bei einem *Mißerfolg* sogar zum Bumerang werden (*FAZ. Frankfurter Allgemeine. 21.12.2006*)[2]. – Иск об исключении партнера по команде является крайней мерой и может даже иметь эффект бумеранга в случае неудачи.

2) *недостижение цели* – в данную категорию можно отнести конечный продукт, предметы, попытки, проекты, задачи и планы, которые были реализованы неудачно или без предполагаемого результата, например:

> *Werners Projekt* erwies sich übrigens *als Reinfall* (*Beyrodt. Deutschlandfunk. 06.05.2019*)[3]. – Кстати, проект Вернера оказался провальным.

3) *неуспешный субъект* – человек, не достигший положительного результата в своей деятельности или действия которого привели к провалу:

> *Berblingers buchstäblichem Reinfall* konstruierte er eine als Lichtleiter bezeichnete Vorrichtung aus einem gefensterten Rohr, in dem sich eine Wachskerze und ein Hohlspiegel befanden (*Bublak. Springer Link. 26.04.2021*)[4]. – Буквальный провал Берблингера, он сконструировал устройство, известное как световод,

[1]URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/scheitern (дата обращения: 13.03.2024).

[2]URL: https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/glosse-feuilleton-schweres-geschuetz-1379800.html (дата обращения: 09.10.2023).

[3] URL: https://www.deutschlandfunk.de/glosse-blondinen-bevorzugt-100.html (дата обращения: 09.10.2023).

[4] URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s15036-021-2334-9 (дата обращения: 09.10.2023).

из трубки с окошком, содержащей восковую свечу и вогнутое зеркало.

4) *неуспех в определенной сфере деятельности* – отрицательный результат в какой-либо сфере реализации (политической, финансовой, военной, образовательной и других):

Die Frauenquote – ein Garant für *institutionalisierten Misserfolg*? (*Schröder. Deutschland Kurier. 16.06.2021*)[1]. – Является ли квота для женщин гарантией институционализированного провала?

5) *предпосылки неуспеха или неуспех как причина* – к данному концептуальному признаку относятся факторы, которые приводят к неуспеху, например, различные ошибки или сложно разрешимые ситуации. Рассмотрим конкретный пример:

Sein Vorhaben wurde, *angesichts der Aussicht auf Erfolglosigkeit*, eingebremst (*Pflüger. Stuttgarter Nachrichten. 04.03.2017*)[2]. – Его проект был заморожен из-за перспективы провала.

6) *эмоционально-поведенческая реакция на неуспех* – данный концептуальный признак репрезентирует отношение к неуспешности и эмоции, переживаемые субъектом при провале:

Es *frustriert mich* nämlich mit zunehmenden Alter immer mehr, schon wieder und noch dazu kläglich *zu scheitern* (*Marchl. BR.de. 03.01.2023*)[3]. – С возрастом мне всё досаднее переживать неудачи;

7) *взаимосвязь неуспеха с успехом* – к данному концептуальному признаку относятся контексты совместного упоминания понятий успешности и провала, например, подобные контексты могут указывать на необходимость неудачного опыта для достижения успешного результата, может наблюдаться сравнение или противопоставление понятий успеха и неуспеха:

Handelspolitiker sind abgebrüht, sie kennen das Spiel: Verhandlungen scheitern, wurden wiederaufgenommen, scheitern, wurden wiederaufgenommen – bis die allerletzte Möglichkeit zum Erfolg führt (*FAZ. 22.06.2007*)[4]. – Политики, занимающиеся вопросами торговли, закалены, так как они знают правила игры: переговоры могут заходить в тупик, возобновляться, снова заходить в тупик, и вновь возобновляться до тех пор, пока не закончатся успехом.

8) *временные параметры неуспеха* – данный концептуальный признак репрезентирует частоту и количество неуспешных ситуаций, а также продолжительность и течение неудачной ситуации:

Türkis-Grün kann *auch noch scheitern*. Die Meldungen über Sand im türkis-grünen Verhandlungsgetriebe häufen sich. Ist das nur *eine Zwischen-Krise*, wie sie bei großen Verhandlungsprozessen üblich sind? Oder *läuten da bereits die Sterbeglöckchen für* Türkis-Grün? <…> Dann würden sich zwei Fragen stellen: Wer trägt die Schuld am Scheitern? Und: Wie geht es *weiter*? (*Purger. Salzburger Nachrichten. 08.12.2019*)[5]. – Бирюзово-зеленый альянс всё еще под угрозой. Всё больше сообщений о песке в механизме переговоров между бирюзово-зелеными. Это всего лишь временный кризис, как это обычно бывает в крупных переговорных процессах? Или колокола возвещают уже о смерти бирюзово-зеленых? <…> Тогда возникают два вопроса: кто виноват в провале и как быть дальше?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставим результаты двух типов анализа концепта «Misserfolg»: компонентного анализа словарных дефиниций ядерной лексемы *Misserfolg* и контекстуального и интерпретационного анализа отобранного корпуса немецкоязычных фельетонов.

Во-первых, стоит отметить, что все кодифицированные в лексикографических источниках значения выявлены также в исследовании контекстуальных смыслов: «отрицательный результат деятельности / дела»; «недостижение цели»; «плохой исход для человека». В отличие от словарной дефиниции контекст проявляет и уточняет различные смыслы, скрытые в элементах содержания концепта. Например, у концептуального признака «недостижение цели», представленного в словарной дефиниции, в текстах фельетонов выделяются определенные смысловые оттенки: *неуспешный конечный продукт* или *предмет*, *попытки*, *задачи*, *планы*, *проекты*, *которые не были реализованы*. Контекст в определенной мере специфицирует и уточняет концептуальные признаки.

[1]URL: https://deutschlandkurier.de/2021/11/die-frauenquote-ein-garant-fuer-institutionalisierten-misserfolg-silke-schroeder/ (дата обращения: 09.11.2023).
[2]URL: https://www.stuttgarter-nachrichten.de/inhalt.glosse-alstadtflair-le.43e41e0a-9f6d-4fa5-a5d1-5a8f82c889fd.html (дата обращения: 09.11.2023).
[3]URL: https://www.br.de/radio/bayern2/sendungen/radiowelt/ende-der-welt-gute-vorsaetze-fuer-den-hund-nicht-fuer-die-katz-100.html (дата обращения: 09.10.2023).
[4]URL: https://www.faz.net/aktuell/politik /glosse-politik-gescheitert-1433355.html (дата обращения: 09.10.2023).
[5]URL: https://www.sn.at/politik/innenpolitik/glosse-tuerkis-gruen-kann-auch-noch-scheitern-80383426 (дата обращения: 09.10.2023).

Во-вторых, выявление дополнительных концептуальных признаков на основании анализа контекстуальных смыслов языковых репрезентант концепта «Misserfolg» указывает на динамику развития концепта. Это такие концептуальные признаки, как «неуспех в определенной сфере деятельности», «предпосылки неуспеха или неуспех как причина отрицательного результата деятельности», «оценка неуспеха или отношение к неуспеху», «взаимосвязь неуспеха и успеха или их оппозиция», «временные параметры неуспеха». Подобный набор концептуальных признаков, выделяемых на материале немецкоязычных фельетонов, и их детальная интерпретация указывает на важность и актуальность исследуемого концепта для представителей немецкого лингвосоциума. Данный концепт представляет собой базовую ценность для немецкой культуры.

К перспективам исследования концепта «Misserfolg» можно отнести дальнейший анализ различных корпусов текстов иных жанров современной немецкой публицистики. Именно всесторонний анализ языкового материала позволит наиболее тщательно рассмотреть содержание и языковую реализацию концепта и динамику его развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. 2-е изд. Тамбов: Издательво Тамбовского университета, 2001а.
2. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 13–15.
3. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сборник статей. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001б. С. 25–36.
4. Хрынина Е. Н. Лингвокультурная специфика концепта «Успех / Erfolg»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2009.
5. Казакова Н. Ю. Общечеловеческая ценность «успех» в языковом сознании русских и немцев на современном этапе // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: периодический сборник научных статей. 2011. Вып. 3. С. 89–106. URL: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2011_03/4.pdf.
6. Хлопова А. И., Ладоша О. М. Лексикосемантическое содержание ценности «Erfolg» в немецкой лингвокультуре // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7 (2). С. 135–151.
7. Хомкова Л. Р. Структурно-семантическая характеристика метафорического фрейма «работа – успех – неудача» (на материале немецкого языка): дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2002.
8. Jackendoff R. Semantics and cognition. Cambridge, Mass. [u.a.]: MIT Pr., 1993. 6 print.
9. Ungerer F., Schmid H. An introduction to cognitive linguistics. 2nd ed. L.: Longman, 2006.
10. Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филологический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 90–93.
11. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сборник статей. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 58–65.
12. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологическог анализа. Краснодарский Кубанский государственный технологический университет, 2002.

REFERENCES

1. Boldyrev, N. N. (2001a). Kognitivnaja semantika: Kurs lekcij po anglijskoj filologii = Cognitive semantics: A course of lectures on English philology. 2nd ed. Tambov: Izdatel'stvo Tambovskogo universiteta. (In Russ.)
2. Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. (2005). Bazovye harakteristiki lingvokul'turnyh konceptov = Basic characteristics of linguistic and cultural concepts. Anthology of concepts (pp. 13–15). Volgograd: Paradigma. (In Russ.)
3. Boldyrev, N. N. (2001б). Koncept i znachenie slova = Concept and meaning of the word. In Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki (pp. 25–36): collection of papers. Voronezh: Voronezh State University. (In Russ.)
4. Hrynina, E. N. (2009). Lingvokul'turnaja specifika koncepta «Uspeh/Erfolg» = Linguistic and cultural specificity of the concept "Success / Erfolg": abstract of PhD in Philology. Stavropol'. (In Russ.)
5. Kazakova, N. Ju. (2011). Obshhechelovecheskaja cennost' «uspeh» v jazykovom soznanii russkih i nemcev na sovremennom jetape = "Success" as the universal value in the linguistic consciousness of the Russians and the

Germans of today. In Lingvistika i metodika prepodavanija inostrannyh jazykov: periodical collection of articles, 3, 89–106. https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2011_03/4.pdf. (In Russ.)
6. Hlopova, A. I., Ladosha, O. M. (2021). Leksikosemanticheskoe soderzhanie cennosti «Erfolg» v nemeckoj lingvokul'ture = Lexical and semantic content of the "Erfolg" value in German linguistic culture. Theoretical and Applied Linguistics, 7(2), 135–151. 10.22250/24107190_2021_7_2_135_151. (In Russ.)
7. Homkova, L. R. (2002). Strukturno-semanticheskaja harakteristika metaforicheskogo frejma «rabota – uspeh – neudacha» (na materiale nemeckogo jazyka) = Structural and semantic characteristics of the metaphorical frame "work – success – failure" (based on the material of the German language): PhD in Philology. Irkutsk. (In Russ.)
8. Jackendoff, R. (1993). Semantics and cognition. Cambridge, Mass. [u.a.]: MIT Pr. 6 print.
9. Ungerer, F., Schmid, H. (2006). An introduction to cognitive linguistics. 2nd ed. L.: Longman.
10. Kubrjakova, E. S. (1996) Koncept = Concept. In Kubryakova, E. S. (ed.), Kratki slovar' kognitivnych terminov (pp. 90–93). Moscow State University Publishers. (In Russ.)
11. Sternin, I. A. (2001) Metodika issledovanija struktury koncepta = Methodology for studying the structure of a concept. In Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki (pp. 58–65): collection of papers. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)
12. Vorkachev, S. G. (2002). Koncept schast'ja v russkom jazykovom soznanii: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza = The concept of happiness in the Russian linguistic consciousness: experience linguocultural analysis. Krasnodar: Kuban State Technological University. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Северина Екатерина Андреевна
кандидат филологических наук
старший преподаватель кафедры немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

Скворцова Наталья Сергеевна
кандидат филологических наук
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Severina Ekaterina Andreyevna
PhD (Philology)
Senior Lecturer of the Department of Lexicology and Stylistics of the German Language Language
Moscow State Linguistic University

Skvortsova Natalia Sergeyevna
PhD (Philology)
Associate Professor of the Department of Linguistics and Political Communications
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	09.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'25

От «Ведомости читателю» к «Предисловию переводчика»: ретроспективно-контрастивный взгляд

К. И. Таунзенд[1], М. В. Полубоярова[2]

[1,2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[2]*Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации*
[1]*townsendX@yandex.ru*
[2]*mvp1410@gmail.com*

Аннотация. В статье раскрывается потенциал диахронического подхода в изучении переводческих метатекстов. На материале предисловий переводчиков XVIII и XXI веков показана общность содержательно-композиционных, концептуальных, дискурсивных и функциональных параметров. При этом отмечены диаметральные различия культурных и психологических детерминантов метапереводческого дискурса, что позволяет установить ценностную ориентацию переводчика на каждом историческом отрезке.

***Ключевые слова*:** предисловие переводчика, история перевода, метапереводческий дискурс, языковой портрет переводчика

***Для цитирования*:** Таунзенд К. И., Полубоярова М. В. От «Ведомости читателю» к «Предисловию переводчика»: ретроспективно-контрастивный взгляд // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 116–123.

Original article

Translators' Prefaces in Contrast through History

Ksenia I. Taunzend[1], Marina V. Poluboyarova[2]

[1,2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[2]*Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation*
[1]*townsendX@yandex.ru*
[2]*mvp1410@gmail.com*

Abstract. The paper reveals the potential of the diachronic approach to paratext in translation. Both translators' prefaces, one dating back to the 18th century and the other of the 21st century, demonstrate similarity in structure, concepts, functions and discourse parameters. At the same time, they differ significantly in their cultural and psychological characteristics, which show the values and the linguistic portrait of the translator at each particular stage in history.

***Keywords*:** translator's preface, translation history, para-translational discourse, linguistic portrait of the translator

***For citation*:** Taunzend, K. I., Poluboyarova, M. V. (2024). Translators' prefaces in contrast through history. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 116–123. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

При всей явно выраженной лингвистической направленности отечественного переводоведения в нем всегда отчетливо проступал антропоцентрический подход, проявляющийся в постоянном учете фактора личности – получателя перевода и самого переводчика. Один из основоположников лингвистической теории перевода в нашей стране В. Н. Комиссаров подчеркивал необходимость самостоятельного развития двух ракурсов изучения переводческой деятельности: ориентированного на переводчика и ориентированного на межъязыковую коммуникацию, где «переводчески-ориентированные исследования имеют значительную теоретическую и прикладную ценность» [Комиссаров, 2020, с. 36]. Рассматривая предмет теории перевода, А. Д. Швейцер говорит о ключевой роли социальных, культурных и психологических детерминантов, поскольку перевод «осуществляется не идеализированным конструктом, а человеком, ценностная и психологическая ориентация которого неизбежно сказывается на конечном результате» [Швейцер, 1988, с. 8]. Цельность лингвистической концепции достигается тем, что эти ценностные и психологические установки человека рассматриваются не сами по себе, а в их языковом проявлении, ибо такова природа слова – не только мы выражаем его, но и оно выражает нас.

Здесь можно сказать, что в задачи науки о переводе должно входить составление лингвистического портрета переводчика в разные эпохи, в разных ракурсах и в разных интерьерах, под которыми мы понимаем виды, формы и контексты перевода. Материалом для исследования должна выступать вся палитра переводных текстов в истории и современности во всем текстовом ансамбле: с примечаниями, комментариями, сносками, предисловиями и послесловиями – теми фрагментами, где голос переводчика звучит наиболее отчетливо.

Остановимся на предисловии переводчика как наиболее полном, законченном и самостоятельном выражении им самого себя. Предисловие переводчика – это метатекст, или текст о тексте, т. е. это его заявление о том, что собой представляет оригинал, почему и как переводчик взялся его переводить. Оно всегда предшествует переводу и обращено к его читателям, как бы подготавливая их к желаемому восприятию. Такие тексты известны с давних времен и берут свое начало от предисловий к древнерусским рукописям и старопечатным книгам, где еще не было четкого отделения ролей сочинителя, переводчика, переписчика, редактора. И если те предисловия были пусть не началом, но одним из истоков национальной литературы, то логично было бы поставить вопрос, насколько предисловия переводчиков Нового времени стали истоком научной мысли о переводе. «Переводческий дискурс предисловия, отражающий концепцию того или иного переводчика, представляет собой эмпирический материал для сравнительного анализа постановки и решения релевантных для языкового посредничества проблем философской герменевтики» [Писанова, 2011, с. 162], что одинаково верно как для синхронного, так и для диахронического изучения.

Однако при всей значимости этих метатекстов для развития антропоцентрической парадигмы переводоведения их развернутое научное описание представлено всего в нескольких трудах. Диссертация Д. И. Остапенко рассматривает структурные и функциональные особенности метатекстовых жанров предисловий и примечаний переводчиков и устанавливает их универсальные характеристики в русской и английской лингвокультурах [Остапенко, 2014]. В диссертации Н. А. Пластининой предметом исследования выступает лингвокогнитивный механизм порождения метатекстов на примере предисловий / послесловий к художественным переводам конца XX – начала XXI века [Пластинина, 2017]. Из этого обзора работ следует, что изучение метапереводческого дискурса находится в начальной стадии, а рассмотрение его в диахронии или сквозь призму лингвокультурных различий составляет перспективу дальнейших исследований.

Будучи ограничены рамками статьи, мы поставили себе целью раскрыть потенциал диахронического подхода в изучении переводческих предисловий и путем контрастивного анализа показать характерные черты языковой личности переводчика прошлых веков и нашего времени.

РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ ВЫБОРА ОБЪЕКТОВ ИЗУЧЕНИЯ

Одно предисловие возвращает нас в Петровскую эпоху, когда в 1719 году Андрей Федорович Хрущов, на тот момент переводчик Адмиралтейства, взялся за перевод с французского перевода-посредника латинского оригинала «De imitatio Christi», приписываемого канонику-августинцу Фоме Кемпийскому. Этот текст под названием «Утешение духовное или книга следование Иисуса Христа» сохранился в рукописи в собрании Румянцевского музея[1]. Предисловие к нему было выбрано, потому что оно отличается от большинства современных ему, во-первых, объемом, занимая почти четыре рукописных листа в четверть с обеих сторон, и, во-вторых, полнотой содержания, где переводчик

[1]РГБ. Ф. 178. № 2996.

подробно рассказывает, почему он выбрал этот текст и как он над ним работал.

Другое предисловие принадлежит современному переводчику и публицисту Валерию Яковлевичу Чеховскому, который опубликовал его перед собственным переводом с немецкого языка первого тома «Капитала» Карла Маркса, а также отдельно в виде статьи под названием «Предисловие ответственного редактора и переводчика» в журнале «Альтернативы» за 2015 год. Основными причинами нашего выбора и в этом случае послужили солидный объем (18 страниц) и развернутое содержание. Но поскольку для современности это обыденные явления, дополнительным фактором стала полемика В. Я. Чеховского с Е. Е. и С. Н. Мареевыми, развернувшаяся на страницах журнала «Вестник МИРБИС» в 2016–2017 годах, по поводу переводческого соответствия для одного из ключевых понятий немецкого оригинала [Мареев, Мареева, 2016; Мареев, Мареева, 2017; Чеховский, 2017]. Аргументы сторон из сугубо лингвистической, экономической и переводческой плоскостей мгновенно перешли в идеологическую, чем и привлекли внимание к фигуре и предисловию современного переводчика.

Что касается самих текстов (оригиналов и их русских переводов), то при внешней несопоставимости, если не сказать противоположности их тематики и стилистики, за ними скрывается глубинная философская общность на идейном уровне культуры. Как духовные сочинения христианских писателей были властителями дум в Средние века и в религиозном сознании русского человека Нового времени, так «Капитал» Маркса был официально объявлен мировоззренческим мейнстримом в советской стране. Да и человек XXI века, если быть до конца честными, в своем мировоззрении больше полагается на экономические рычаги и рыночные механизмы, чем уповает на Бога, в отличие от своих предков в XVIII веке. Поэтому извечная истина «по вере вашей да будет вам» и создает всю глубину общности между такими разными на первый взгляд текстами.

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРЕДИСЛОВИЙ XVIII И XXI ВЕКОВ

Перейдем непосредственно к сравнению предисловий двух профессиональных по меркам своего времени переводчиков, отстоящих друг от друга почти на 300 лет.

Во-первых, оба переводчика начинают с объяснения причин, по которым каждый из них стал переводить именно этот текст. И если для А. Ф. Хрущова в основу мотивации легли долг служения Отечеству своими знаниями, умениями и отсутствие русских переводов известного сочинения, то для В. Я. Чеховского побуждающим мотивом стала неудовлетворенность качеством многочисленных предшествующих переводов за последние 150 лет.

А. Ф. Хрущов. Ведомость читателю (1719)[1]	В. Я. Чеховский. Предисловие ответственного редактора и переводчика (2015)[2]
Три причины принудили меня преводить сию книгу следования Иисуса Христа на наш язык, которым я не мог противиться. Первая причина – должность моя служить Отечеству, потому что всяк человек родится не ради самого себя, но в пользу и на службу всем. Другая причина – что сия книга не только переведена на все языки европския, но и варварские на своем языке имеют и почитают лучше всех своих книг. <…> Барбары оную книгу читают, хранят и почитают, мы христиане ее мало знаем или подлинно не знаем и на нашем языке не имеем [хотя может быть и есть, только я воистину никогда не видал ни письменно, ни печатно]. Третья причина следует из первых двух, что, видя оную книгу, всякому христианину полезную, на всех языках и во всех верах, не хотел быть рабом непотребным и скрыть в землю данный мне талант от Бога, но похотел употребить его в пользу всем людем и видеть сию книгу на нашем языке. Ради оных причин по совету и научению единого моего друга, человека разумного, которого я очень почитаю, осмелился я перевесть на наш язык сию божественную книгу, которая учит иметь страх Божий.	Растаял призрак – призрак коммунизма. Но мечта о справедливом устройстве мира и сегодня потребительная ценность. Не в последнюю очередь на родине когда-то «реального социализма». Оттуда, из России, теперь страны эпохи первоначального накопления, приходят сообщения о переизданиях главной книги всех коммунистов… В Советском Союзе очень гордились тем, что русский – первый иностранный язык, на который был переведен «Капитал» Карла Маркса. Том I вышел в 1872 году в издательстве Н. Полякова в Санкт Петербурге. Переводчики Г. Лопатин и Н. Даниельсон. Четверть века спустя альтернативную версию перевода интересующейся публике предложили У. Гурвич и Л. Зак. Первый том, изданный под редакцией П. Струве, поступил в продажу в 1899 году. Альтернатива заключалась в первую очередь в выборе русского *ценность* вместо *стоимость* для передачи немецкого *Wert*.

[1]Зд. и далее по тексту примеры приводятся по: [Утешение духовное … Л. 7–10 об.].

[2]Зд. и далее по тексту примеры приводятся по: [Чеховский, 2015].

А. Ф. Хрущов. Ведомость читателю (1719)[1]	В. Я. Чеховский. Предисловие ответственного редактора и переводчика (2015)[2]
<…> Вси христиане сию книгу приняли и почитают: не только римляне, но и лютеры, и кальвини, и на все языки переведена, но ни на котором языке так много переводов нет, как на французском. С десять разных переводов я сам видал, что ж еще других переводов, о которых я не знаю, и еще больше, что на всякой год перепечатывают и все раскупают. Но ревность и вера к Богу нашего российского народа не меньше французского. Ради того надеюсь, что мой перевод может быть первой, но не может быть последний.	Однако основой всех последующих изданий «Капитала» в СССР и в сегодняшней России стало издание, вышедшее в 1907–1909 годах под редакцией А. Богданова. Перевод выполнил И. Скворцов-Степанов совместно с В. Базаровым. В 1937 году, когда И. Скворцова-Степанова уже не было в живых, В. Базаров после пяти лет тюрьмы находился в ссылке, а А. Богданов, поступив дальновидно, бросил занятия общественными науками, «Капитал» был переиздан вновь. С тех пор перевод немецкого Wert русским стоимость – обязательный стандарт советской (российской) экономической литературы. <…> В результате русскоязычные читатели «Капитала» не по своей воле вынуждены размышлять над искаженными мыслями Маркса. Они до сих пор ищут в темной комнате черную кошку. <…> Но самый убедительный способ доказать ошибочность «официального» перевода, конечно же, предложить новый.

С одной стороны, за этими причинами стоит объективная реальность – отсутствие русских переводов многих европейских сочинений в начале XVIII века и разнообразие переводных текстов, выполненных в разных традициях, в начале XXI. С другой стороны, невольно возникает вопрос: а не является ли дух недовольства характерной приметой нашего времени? Мы постоянно кем-то или чем-то не удовлетворены, и это становится мотивом даже для творчества.

Во-вторых, оба переводчика говорят об источниках, которыми они пользовались в процессе работы. А. Ф. Хрущов признается, что опирался сразу на три французских перевода латинского оригинала, по-видимому, за неимением словарей и аналогичных русских текстов. В. Я. Чеховский, конечно, не описывает сам процесс, считая его понятным и естественным, но щедро приводит толкования значений, словарные соответствия, примеры сочетаемости и словоупотребления, что явно свидетельствует о том, что два века бурного развития языкознания и гуманитарного образования не прошли бесследно.

В-третьих, оба переводчика опираются на предметную ситуацию, которая составила основание смыслового содержания оригинала. Так, В. Я. Чеховский, словно профессиональный экономист, со знанием дела разбирает взаимосвязь понятий «ценность», «полезность» и «стоимость» в теории К. Маркса, проводит параллели с трудами Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» и Давида Рикардо «Начала политической экономии и налогового обложения». Переводчик XVIII века А. Ф. Хрущов учитывает догматические различия между восточной и западной ветвями христианства в совершении таинства Евхаристии, преломляя переводимый текст согласно вероучению своей Церкви. При этом он действует как переводчик весьма профессионально в современном смысле, цитируя вслед за оригиналом Священное Писание по каноническому русскому переводу своего времени. Здесь мы видим обоих переводчиков на высоте их профессионального мастерства.

В-четвертых, оба переводчика адресуют предисловия своим читателям и обращаются к ним от первого лица. Тексты петровского времени говорили об этом даже своим названием – «Ведомость читателю», сразу ставя последнего в центр внимания.

В заключительных словах А. Ф. Хрущов обращается ко «всем, кто будет читать сей мой перевод», воспринимая их при этом как более высоких по знанию и разумению, поэтому и просит читателя простить ему ошибки, «не гневаться, но исправити» перевод «не умом злобы, но духом кротости». Помимо этикетных форм умаления себя за этим прослеживается определенная ценностная позиция: русский переводчик XVIII века искренне полагал, что соборный разум читателя превосходит его личный, индивидуальный, поэтому и не был до конца уверен в том, что писал, рассуждая в себе, что всегда может найтись человек, «кто честнее тебе будет… и тогда начнеши со студом последнее место держати» (Лк. 14: 9, 11).

А. Ф. Хрущов. Ведомость читателю (1719)	В. Я. Чеховского. Предисловие ответственного редактора и переводчика (2015)
Только прошу нижайше и покорно всех, кто будет читать сей мой перевод, мне отпустить, ежели найдется какое погрешение против грамматических правил и против орфографии, и на мене не гневаться, но исправити не умом злобы, но духом кротости. Ради того, что не только я своей грамматики не знаю, но и ничему не учен и ничем похвалить себе не могу, разве скажу о себе истинную правду с единым философом, что я одно на свете знаю, что я ничего не знаю.	Дорогой читатель, мы только что сделали то, что не смогла сделать российская наука в течение почти 150 лет, а именно: мы перевели немецкое Gebrauchswert на русский язык. Но почему в России до сих пор не могли решить такой простой вопрос? Издали «Капитал» быстрее всех, а прочесть и полтора века спустя не умеем… Неважно, что Ленин, всегда отдавая предпочтение слову стоимость, не придавал этому вопросу «особенно существенного значения». Сегодня мы говорим: Ленин не придавал этому вопросу значения, а мы придаём. Здесь точка зрения человека с весьма поверхностным взглядом на проблему. Неважно, что нет свидетельств о глубине знаний Маркса русского языка. Известно только, что он приступил к изучению русского языка в 1870 году. Сегодня мы, зная факты, относимся к его более чем щедрой оценке качества русского перевода «Капитала» Н. Даниельсоном с большой долей скептицизма

В современном же сознании понятия смирения и кротости стерлись настолько, что их можно, наверное, признать концептуальными архаизмами. Переводы у нас предваряются предисловием переводчика, сразу ставя последнего в центр внимания. И современный переводчик – определенно профессионал в своем деле настолько, что для него почти нет авторитетов. Он свободно рецензирует переводимого автора, подчеркивая его сильные и слабые стороны. Читатель здесь, безусловно, присутствует, к нему даже могут обратиться напрямую – «дорогой читатель» – но это уже чисто этикетная форма. А его положение вторично по отношению к переводчику (ведь он «до сих пор ищет в темной комнате черную кошку»), и в итоге читатель – всего лишь зритель на бенефисе переводчика. Характерна в этом отношении заключительная фраза В. Я. Чеховского: «Я сказал всё, что хотел сказать. Об остальном пусть судит читатель» [Чеховский, 2015, с. 121]. К мнению переводимого им Маркса про другие переводы В. Я. Чеховский относится «с большой долей скептицизма», а позицию В. И. Ленина по вопросу ключевых понятий «стоимость vs ценность» рассматривает как «точку зрения человека с весьма поверхностным взглядом на проблему». Может быть, всё действительно так, но в общей композиции картины получается, что и ни церковь, и ни кабак, и ничего не свято…

Такое наблюдение коррелирует с выводом исследователей, изучавших параметры языковой личности современных переводчиков художественной литературы на русский язык: «Содержание квантов смысла переводческого метатекста раскрывает особенности элитарной языковой личности переводчика через самопрезентацию себя как профессионала, своей профессиональной деятельности, себя как посла культур, знатока переводимого текста, который имеет право указывать читателю, как воспринимать текст» [Пластинина, Безбородова, 2022]. Как мы видим, сознание собственной элитарности и превосходства своей интерпретации над знанием и пониманием читателя отличает не только художественных переводчиков в России XXI века.

ПРАГМАТИКА МЕТАПЕРЕВОДЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ДИАХРОНИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Изучение содержательно-композиционной структуры обоих предисловий подводит нас к выводу о значительном сходстве текстов, отстоящих друг от друга на три столетия, на уровне дискурсообразующих концептов «мотивация к переводу», «поиск соответствий», «предметная ситуация в оригинале и в переводе», «апелляция к читателю», что, в свою очередь, позволяет говорить о них, как об универсальных параметрах метапереводческого дискурса. К неизменным составляющим следует также отнести как аргументативную природу переводческих предисловий, «где протагонистом выступает переводчик, а антагонистом – читатель», так и цель аргументирования, которая «заключается в том, чтобы, используя рациональные средства и приемы, убедить антагониста в приемлемости своего перевода» [Писанова, 2011, с. 161].

При этом важно подчеркнуть лингвистическую опору выбранной обоими переводчиками стратегии аргументации. То, что современный переводчик апеллирует к разнице между понятием и значением слова, аргументирует свои решения дефинициями и сочетаемостью, не вызывает удивления и представляется вполне рациональным решением. Но

вот и русский переводчик XVIII века робко оговаривает, что в большинстве контекстов слова «монах» и «христианин» взаимозаменяемы и что он старался не употреблять никаких иностранных слов, чтобы не получилась «на русском языке французская книга», т. е., выражаясь современным языком, избегал заимствования и калькирования. Это ясно показывает, что во все времена переводчик видел свою основную задачу в перевыражении смысла путем правильного выбора языковых средств. А правильность выбора, как и уровень аргументации, определяются не в последнюю очередь восприятием читателя, и об адекватности этого восприятия заботятся Чеховский и Хрущов.

Однако читатель был, естественно, разным тогда и сейчас, отсюда и мастерство переводчика, и виртуозность его владения словом отличаются. Если сегодня Чеховский должен разбираться в вопросах экономики и владеть языком политэкономии Маркса, то в 1725 году, например, неизвестный переводчик, работая над русским переводом политического завещания кардинала Ришелье, был вынужден преодолевать закоренелую отрицательную коннотацию слов «политика» и «политик» в сознании читателя. Вот как он это делает:

> И в разговорах всякие люди оные слова «политика» и «политик» много употребляют, но употребляют их не в прямом их натуральном разуме. Политикою называют злодейство и бездельничество, а политиком называют злых людей и бездельников противно натуре и резону неведением. Понеже многие не знают, в чем состоит истинная политика и что есть двоякая политика: одна – министерская, а другая – всяких людей.[1]

Он старательно убеждает русского человека восемнадцатого столетия, что

> политика есть истинное художество управлять государством, новое уставлять, уставленное содержать в благополучии и не дать ему разориться, и разоренное восставить. Которой министр оное художество знает, той политик. Еще всякий человек есть политик, который со всеми людьми обходится разумно, честно и правдиво. Себя от всякого зла охраняет, а другим никакого зла не делает.[2]

Трудно сказать, удалось ли переводчику тогда убедить своих сограждан или нет, но современный читатель, узнав о бытовавшем в Петровской России значении этих слов, посмеется, наверное, и подумает, что его предки были отнюдь не глупы и в простоте сердца видели многое насквозь. А мы вместе с тем пришли к выводу, что различия в языковых портретах переводчиков двух эпох отражают различия в портрете их читателя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хронологический разрыв в несколько столетий между изучаемыми объектами не дает возможности для выявления общности языковых параметров переводческих предисловий, что, с одной стороны, ограничивает потенциал диахронического подхода. С другой – большая историческая дистанция открывает горизонты для установления культурных и психологических различий и служит подтверждением неизменности ряда прагматических особенностей метапереводческого дискурса.

При значительном сходстве содержательно-композиционной структуры, концептуальной, дискурсивной и функциональной характеристик метатексты переводчиков XVIII и XXI веков существенно отличаются заложенными в них психологическими и ценностными установками. Переводчик Петровской России рассматривал себя и свой труд в контексте служения Отечеству, относился с почтением к автору оригинала и ставил мнение читателя выше собственного знания и опыта. Современный переводчик, напротив, полагает критическое отношение ко всем и ко всему в основание своей деятельности, а себя рассматривает как элитарную языковую личность, которой принадлежит право окончательного суждения.

Представленный на данном этапе исследования материал и выводы по нему позволяют говорить об этом только на уровне гипотезы. Однако возможность ее выдвижения свидетельствует о том, что диахронический подход к изучению метапереводческого дискурса разных эпох обладает большим потенциалом для верификации научного описания культурных и психологических детерминантов перевода.

[1]Тестамент политической или духовная светская кардинала дюка де Ришелиос, первого министра французского при короле Люи Третьемнадесять... Переведена с французского языка 1725 году. [рукопись]. [Б.м.] Список 1750-х гг. Л. 7об–8.

[2]Там же, Л. 7об.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комиссаров В. Н. Переводческие исследования. Избранные статьи 1968–2005. М.: Р. Валент, 2020.
2. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
3. Писанова Т. В. Художественный переводческий дискурс в свете идей философской герменевтики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 11 (617). С. 155–171.

4. Остапенко Д. И. Функциональная и структурная характеристика метатекста (на материале переводческих предисловий и примечаний): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2014.
5. Пластинина Н. А. Лингвокогнитивные механизмы порождения метатекста (на материале переводческих предисловий / послесловий к художественному тексту): дис. ... канд. филол. наук. Нижневартовск, 2017.
6. Мареев С. Н., Мареева Е. Е. О переводах «wert» в «Капитале» К. Маркса (реплика в споре) // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС. 2016. № 4 (8). С. 43–45.
7. Мареев С. Н., Мареева Е. Е. «Стоимость» или «ценность»: ответ В. Я. Чеховскому // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС. 2017. № 2 (10). С. 17–19.
8. Чеховский В. Я. Сколько стоит «Докторская»? // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС. 2017. № 3 (11). С. 91–93. URL: http://cs.journal-mirbis.ru/-/NUXZvpRGFrMXNAop2i-lOZQ/sv/document/e0/0a/4f/521295/186/91-93.pdf?1508940113
9. Утешение духовное или книга следование Иисуса Христа. Переведеся с французскаго на наш язык 1719 года [рукопись]. [Б.м.], втор. четв. XVIII в.
10. Чеховский В. Я. Предисловие ответственного редактора и переводчика // Альтернативы. 2015. № 2. С. 104–121.
11. Пластинина Н. А., Безбородова Ю. В. Самопрезентация языковой личности переводчика в метатексте // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 1. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/40FLSK122.pdf

REFERENCES

1. Komissarov, V. N. (2020). Perevodcheskie issledovaniya. Izbrannye stat'i 1968–2005 = Translation studies. Selected works 1968–2005. Moscow: R.Valent. (In Russ.)
2. Shvejcer, A. D. (1988). Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty = Translation theory: status, problems, aspects. Moscow: Nauka (In Russ.)
3. Pisanova, T. V. (2011). Artistic interpretative discourse in the light of philosophical hermeneutics ideas. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(617), 155–171. (In Russ.)
4. Ostapenko, D. I. (2014). Funkcional'naya i strukturnaya harakteristika metateksta (na materiale perevodcheskih predislovij i primechanij) = Functional and structural characteristics of paratext (based on translators' preface and commentaries): PhD in Philology. Voronezh. (In Russ.)
5. Plastinina, N. A. (2017). Lingvokognitivnye mekhanizmy porozhdeniya metateksta (na materiale perevodcheskih predislovij / posleslovij k hudozhestvennomu tekstu) = Linguocognitive mechanisms of paratext creation (based on translators' preface / afterword to literary texts): PhD in Philology. Nizhnevartovsk. (In Russ.)
6. Mareev, S. N., Mareeva, E. E. (2016). How to translate "wert" in «Kapital» by K. Marx (an argument in discussion). Vestnik Moskovskoj mezhdunarodnoj vysshej shkoly biznesa MIRBIS, 4(8), 43–45. (In Russ.)
7. Mareev, S. N., Mareeva, E. E. (2017). "Cost" or "Value": an answer to V.Ya. Chekhovskij. Vestnik Moskovskoj mezhdunarodnoj vysshej shkoly biznesa MIRBIS, 2(10), 17–19. (In Russ.)
8. Chekhovskij, V. Ya. (2017). What is the cost of "Doctorskaya"? Vestnik Moskovskoj mezhdunarodnoj vysshej shkoly biznesa MIRBIS, 3(11), 91–93. (In Russ.).
9. Uteshenie duhovnoe ili kniga sledovanie Iisusa Hrista = Spiritual consolation or the guide to following Jesus Christ. 1719. [Manuscript]. (In Russ.).
10. Chekhovskij, V. Ya. (2015). The editor's and translator's preface. Al'ternativy, 2, 104–121.
11. Plastinina, N. A., Bezborodova, Yu. V. (2022). Self-presentation of the translator's language personality in the paratext. Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya, 1(13): 40FLSK122. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Таунзенд Ксения Игоревна
доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры переводоведения и практики перевода английского языка
Московского государственного лингвистического университета

Полубоярова Марина Владимировна
кандидат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой переводоведения и практики перевода английского языка
Московского государственного лингвистического университета
доцент кафедры английского языка (второго)
Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Taunzend Ksenia Igorevna
Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of Translation Studies and Translation and Interpreting (the English Language), Moscow State Linguistic University

Poluboyarova Marina Vladimirovna
PhD (Philology), Associate Professor
Head of the Department of Translation Studies and Translation and Interpreting (the English Language)
Moscow State Linguistic University
Associate Professor of the Department of English (Second Foreign Language)
the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	09.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81.25

Перевод поэта поэтом и концепция «видимости переводчика» (на материале перевода А. Драгомощенко стихотворений Л. Хеджинян)

Т. В. Устинова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
utanja@mail.ru

Аннотация. В статье индивидуальные языковые и стилистико-текстовые особенности, свойственные речи поэта как элитарной языковой личности, рассматриваются с точки зрения их проявленности в переведенном вторичном тексте. На примере переводов Аркадия Драгомощенко с английского на русский язык анализируется влияние системы доминант идиостиля поэта на стратегии творческого межъязыкового посредничества в процессе поэтического перевода.

Ключевые слова: поэтический перевод, лингвокреативность, идиолект, метонимический перевод, творческое посредничество

Для цитирования: Устинова Т. В. Перевод поэта поэтом и концепция «видимости переводчика» (на материале перевода А. Драгомощенко стихотворений Л. Хеджинян) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 124–129.

Original article

A Poet Translating Poet and the Concept of Translator's Visibility (a case-study of Arkadii Dragomoshchenko's translation of Lyn Hejinian's poems)

Tatiana V. Ustinova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
utanja@mail.ru

Abstract. In the article, individual linguistic and stylistic-textual features characteristic of the speech of the poet as an elite linguistic personality are examined in terms of their manifestation in the translated target text. Using the example of Arkadii Dragomoshchenko's translations from English into Russian, the article examines the influence of the poet's idiostyle dominants on the strategies of creative interlingual mediation in the process of poetic translation.

Keywords: poetic translation, linguistic creativity, idiolect, metonymic translation, creative mediation

For citation: Ustinova, T. V. (2024). A poet translating poet and the concept of translator's visibility (a case-study of Arkadii Dragomoshchenko's translation of Lyn Hejinian's poems). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 124–129. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

А. Д. Швейцер подчеркивал следующее: «личность переводчика находит свое проявление в художественном переводе порой даже вопреки декларируемой им установке на полное перевоплощение в автора, на полное подчинение авторскому замыслу и самоотрешение» [Швейцер, 1994, с. 70]. Наиболее ярко личность переводчика проявляется в случаях перевода поэта поэтом, которые являются ценным иллюстративным материалом для рассмотрения концепции видимости переводчика в новом ракурсе.

Традиционно научная дискуссия о видимости и невидимости переводчика опирается на теорию Лоуренса Венути [Venuti, 1995], который ввел в научный оборот эти понятия, чтобы описать отличающиеся друг от друга подходы к трансферу инокультурных ценностей и соответствующие переводческие стратегии форенизации и доместикации. Сегодня в переводоведении наблюдается переосмысление объема содержания понятий видимости и невидимости переводчика. Так, например, операционализация понятия видимости переводчика становится необходимым этапом анализа проявлений лингвокреативности в принятии переводческих решений.

Рассматривая перевод поэта поэтом как форму речетворческого посредничества, мы исходим из того, что текст перевода (*далее* ПТ) в данном случае представляет собой результат интериоризации поэтического смысла, заключенного в исходном тексте (*далее* ИТ), элитарной языковой личностью, которая не может не испытывать влияния собственного творческого метода как сложившейся системы художественного познания окружающей действительности.

Коммуникативные установки поэта-переводчика, приступающего к созданию вторичного текста, могут быть различными. Поэт может следовать установке «верности оригиналу» или стремиться к диалогу и со-творчеству с иноязычным поэтом, предлагая вариант адаптивного транскодирования ИТ. В любом случае перевода поэта поэтом субъективная «идиопроекция» текста-источника [Сорокин, 2003] характеризуется специфической интенциональностью художественного посредничества и его идиостилевой воплощенностью. Соответственно, видимость переводчика в ПТ, созданном элитарной языковой личностью, можно описать не только с точки зрения индивидуально маркированного подбора текстовых эквивалентов или креативных переводческих решений, но и с точки зрения реализации стратегий творческого посредничества, укорененных в собственной индивидуально-авторской системе концептуальных, композиционных, ситуативных, операциональных метатропов как доминант стиля поэта, сложившегося в рамках первого языка поэта и его исходной культуры[1].

Исходя из вышеизложенных предпосылок, мы проводим исследование следов текстовой видимости поэта-переводчика на материале стихотворений из книги «Redo» Лин Хеджинян (1941–2024), представительницы американского поэтического течения «Языковая школа поэзии» (the L=A=N=G=U=A=G=E School of Poetry) и переводов этих стихотворений, выполненных выдающимся русским поэтом Аркадием Драгомощенко (1946–2012). В задачи исследования входило установление проявлений идиолекта поэта-переводчика во вторичном (переведенном) произведении на фоне сложившегося варианта языка, реализованного в первичных произведениях данного поэта. Кроме того, предполагалось выявление переводческих стратегий и конкретных техник перевода, определяющих индивидуально-авторскую стилевую и речеязыковую специфику ПТ в исполнении данного поэта-переводчика. Для решения поставленных задач использовались методы исследования, потребовавшие применения приемов сопоставительного переводоведческого анализа ИТ и ПТ, а также приемов лингвистического и лингвопоэтического анализа текста для выявления идиостилевой, речеязыковой и поэтико-стилистической специфики изучаемого материала.

ПЕРЕВОД АРКАДИЯ ДРАГОМОЩЕНКО: ВИДИМОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА В ПОДБОРЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРИЕМОВ

Аркадия Драгомощенко связывали тесные творческие и личные отношения с американской «Языковой школой поэзии». Он был другом Лин Хеджинян, высоко ценил возможность творческого диалога с американскими поэтами-современниками. В предисловии к «Антологии современной американской поэзии» составители пишут, что их участие в переводах представляет собой «скромную попытку продолжить оборванный, или же говоря иначе, “сошедший на нет” за последнее десятилетие диалог между американской поэзией и русским читателем»[2].

Поэзия Аркадия Драгомощенко – достояние русской литературы конца XX – начала XXI века. Она

[1]Подробнее о понятиях идиостиля и идиолекта поэта см., например: [Григорьев, 2006].

[2]Современная американская поэзия в русских переводах (антология). Екатеринбург: УрО РАН, 1996. С. 11.

отличается «филологичностью», сложностностью, пластичностью, смысловой глубиной. Лин Хеджинян писала о нем: «Он был поэтом в традиции Лукреция, провожающим атомы ощущений в складчатое воздушное пространство мысли» [Хеджинян, 2013]. Александр Скидан характеризовал стихи Аркадия Драгомощенко как «наслоение разных регистров восприятия, разных лексических рядов, разных модальностей высказывания, разных срезов реальности, даваемых внахлест, симультанно – челночное скольжение между чувственным и абстрактным, знанием и умозрением» [Скидан, 2013].

Переводы Аркадия Драгомощенко стихотворений Лин Хеджинян отличаются чрезвычайно бережным отношением к оригиналу. Поэт стремится передать на ПЯ подразумеваемые смыслы, принимая во внимание содержательность исходной формы.

В рамках данной статьи в качестве иллюстративного материала используются примеры из переведенного Аркадием Драгомощенко стихотворения «Согласье к согласным…»:

Agreement swerves a sonnet to the consonants. Sparrows. As a wind blows over the twigs of a rough nest entered by a bird that impales	Согласье к согласным сводит сонет. Воробьи. Ветру сродни, Сквозящему в прутьях колючих гнезда, птицей входящему, гласную
a vowel on its beak. When unable to think of two things unless we think twice, the rower in the water jerks to travel. Her autobiography is ninety percent picaresque.	нанизывающему на клюв. Когда невозможно помыслить сразу две вещи по меньшей мере думаем дважды, гребец по воде срывается в путь. Ее описание жизни на девяносто процентов авантюрный роман.
While thus moralizing all we have done is shout the name of someone we know. In the intellectual water the rattling sweaters and the fluffy rocks seem to be wheezing	Всё, что удалось извлечь из морали, это выкрикнуть имя кого-то, кого уже знали. В интеллектуальной воде шелест вязанья да опушенные скалы, мнится, хрипят на ветру. Подобно ребенку
in the wind. As a child so simple with sincerity I found it unbearable to have friends while inhibited with sympathy I had them. Some were a) aggressive and beloved, b) consistently contradictory or c) casual & splay — like raffia[1].	так искренне просто я обнаружила как тяжко с друзьями, замыкаясь в симпатии. У меня они были. а) агрессивны возлюбленны, б) противоречивы, по сути, либо в) непредсказуемы, дугообразны — подобно лозе[2].

[1]Hejinian L. Redo. Salt-Works Press, 1984. P. 3.

[2]Хеджинян Л. Согласье согласных… / пер. А. Драгомощенко // Современная американская поэзия в русских переводах (антология). Екатеринбург: УрО РАН, 1996. С. 88.

Так, на наш взгляд, свидетельством верности оригиналу является воссоздание в тексте А. Драгомощенко характерного для ИТ фоносемантического выдвижения в виде аллитерации и ассонанса. Поэт-переводчик стремится передать фоносемантическую содержательность исходной формы за счет переводческого приема компенсации. Это проявляется уже с первой строфы стихотворения, когда переводчик играет на завукосимволических ассоциациях читателя за счет намеренного повтора русских шипящих и свистящих (*согласье, согласным, сводит, сонет, сродни, сквозящему, входящему*), что соотносится с реализуемыми в ИТ микротемами образов природы – гомонящих воробьев и завывающего ветра.

Верность оригиналу также проявляется в переводческой технике работы со стихотворением как структурно упорядоченным смысловым целым. На уровне ритмико-синтаксической организации поэт руководствуется требованием избегать синтаксического буквализма в качественном переводе с английского на русский и тщательно соблюдает те принципы рифмометрической композиции и окказионального смыслового выдвижения внутри каждой строфы, которые заложены в ИТ.

Переводческая стратегия верности оригиналу не отменяет объективной невозможности для поэта пренебречь собственной уникальной языковой личностью. Чтобы охарактеризовать идиостилевые и идиолектные проявления переводчика в ИТ, необходимо исходить из понимания индивидуально-авторской системы доминант стиля поэта, сложившегося в рамках исходного языка. Так, например, одной из операциональных доминант стиля А. Драгомощенко мы считаем актуализацию в речи лексико-семантического синкретизма и диффузности поэтического слова, а также использование художественного приема синкретсемии, т. е. намеренного выдвижения в речи «неразрешимого» контекстом синкретизма нескольких связанных значений слова, «которые сосуществуют в языке и одновременно актуализируются в речи» [Пименова, 2011, с. 11]. Поэзия А. Драгомощенко может служить прекрасным иллюстративным материалом для анализа самых разнообразных типов выдвижения речевой неоднозначности – всех тех случаев некаламбурного совмещения значений слова, которые Анна А. Зализняк квалифицировала как склеивание, сплав, осцилляцию, принцип тернарной семантики [Зализняк, 2004].

В переводе эта особенность поэтического языка Драгомощенко проявляется на уровне подбора лексических соответствий. Так, например, в качестве контекстуального соответствия английскому глаголу *swerves* поэт подбирает глагол *сводит*. В ИТ

тексте метафорический образ строится на противопоставлении абстрактного и физически-конкретного и воплощается в цельнопредикативной форме *Agreement swerves / a sonnet to the consonants*. В таких контекстуальных условиях глагол *swerves* получает вполне однозначный актуальный смысл «causes to change direction abruptly». В ПТ переводчик создает интенсифицирующий контекст *согласье к согласным / сводит сонет*, который не снимает неоднозначности глагола *сводит,* а проявляет одновременно несколько его значений: «дать иное направление, изменить ход», «собрать из разных мест» и «сблизить, плотно сдвинув составные части». Далее для передачи глагола в высказывании *a wind blows over* переводчик делает частеречную замену и использует контекстуальное соответствие *ветер сквозящий*. В ИТ актуальный смысл глагола достаточно однозначен – «fades away without serious consequences». В ПТ смысловое развертывание высказывания (*Ветру сродни / Сквозящему в прутьях колючих гнезда*) актуализирует в причастии не только проявляющийся во времени признак действия «продувать сквозь отверстия», но и признак действия «слегка обнаруживаться, проскальзывать».

Если от локальных единиц перевода на уровне отдельного поэтического слова перейти к анализу более сложных единиц перевода (поэтических образов), необходимо отметить, что А. Драгомощенко очень аккуратно работает с образной составляющей ИТ. Перевод отличается стилистической идиоматичностью без повышения или снижения исходной экспрессивности. Поэт стремится в ПТ воссоздать те тропеические принципы создания образов, которые заданы в ИТ. По нашему мнению, текст А. Драгомощенко представляет собой «идиовариант» [Сорокин, 2003] воплощения образности стихотворения Л. Хеджинян. Одной из причин сдвигов в конструировании образов и их языковой реализации в ПТ мы считаем влияние концептуальных доминант идиостиля, свойственного А. Драгомощенко.

Ранее мы писали о концептуальной доминанте идиостиля Аркадия Драгомощенко: он следует принципу синестезии в представлении окружающей действительности, т. е. установке на вскрытие необычных проекционных и ассоциативных связей между стимулом (воспринимаемым объектом) и его ощущением (образами цвета и звука, тактильными ощущениями, локализацией в пространстве и т. д.), а также эмоциональным переживанием [Устинова, 2022]. Поскольку перевод является опосредованной и опосредующей речеязыковой деятельностью, А. Драгомощенко не может в полной мере реализовать во вторичном тексте-переводе такую концептуальную установку. Однако в переводческой технике поэта мы можем проследить проявления его стремления к «множению» в вербальном отображении внутренних и внешних связей явлений, которые становятся предметом поэтического восприятия.

Переводоведческий сопоставительный анализ ИТ и ПТ показывает, что цикл стихотворений «Передел» Аркадия Драгомощенко выполнен в технике метонимического перевода, т. е. в тексте частотно использованы метонимические трансформации (замены по смежности), затрагивающие грамматический и лексический уровни межъязыкового перевыражения. Так, замены частей речи в ПТ обусловлены не только объективным типологическим несовпадением отдельных грамматических категорий в английском и русском языках, но и субъективным стремлением переводчика ввести в фокус внимания смежные грамматические значения как дополнительные средства доступа к репрезентируемому явлению или предмету. Например, в переводе стихотворения «Согласье согласных…» посредством грамматических замен актуализируется не только действие, но и приписываемый лицу признак или свойство по действию (*impales – нанизывающему*); не только процессуальная характеристика по длительности действия, но и само имя процесса (the *rattling* [sweaters]) – *шелест* [вязанья]); не только качество предмета, но и действие, ведущее к появлению этого качества (*fluffy – опушенные*); не только отвлеченное понятие состояния, но и признак действия по обнаружению себя в этом состоянии (*simple with sincerity – искренне просто*) и др.

Лексические замены метонимического типа (генерализация, конкретизация, модуляция) позволяют переводчику выразить максимальную степень проявления качества вместо обозначения качества в общем (*колючий – rough*); имя процесса вместо продукта, возникающего в результате этого процесса (*вязанье – sweaters*); следствие, вытекающее из качества, вместо самого качества (*непредсказуемы – casual*); признак вместо рода как совокупности объектов, наделенных этим признаком (*лоза – raffia*) и др.

Метонимический перевод выводит в фокус внимания другие по сравнению с ИТ «дополнительные» связи между свойствами, объектами, явлениями и процессами [Устинова, 2023]. За счет метонимического перевода поэт увеличивает «когнитивное разрешение» представляемого образа, вводя в фокус внимания читателя «большее количество точек на единицу площади», т. е. большее количество деталей, признаков и связей. Таким образом, при переводе «Redo» А. Драгомощенко работает с единицами перевода как синтетическими означаемыми, данными в нерасчлененном восприятии многообразных внутренне присущих признаков и внешних связей, по мнению поэта А. Скидан, «внахлест, симультанно» [Скидан, 2013].

Подводя итог анализу видимости поэта-переводчика, отметим следующее: в предисловии от составителей к «Антологии современной американской поэзии», среди которых был Аркадий Драгомощенко, написано следующее: «С середины нынешнего века американская поэзия уверенно становится на путь сопротивления нормам и представлениям, управляющим сознанием человека. Основная ее задача видится в сохранении воображения – единственной способности, позволяющей преступать в каждом волевом (творческом) акте письма/познания собственные пределы, положенные обществом. религией, историей. Поэзия, если внимательно изучить критические высказывания поэтов, и есть создание истории, но не как собрания фактов, не как архива, а чистого процесса трансформации знания. Поэтическое письмо, таким образом, есть риск постоянно обновляющего себя знания»[1]. Очевидно, что Аркадий Драгомощенко подходил к воплощению своей идиопроекции ИТ именно с такой когнитивно-коммуникативной установкой на расширение «собственных пределов» в «творческом акте письма / познания». Приемы синкретсемии и метонимическое усложнение исходной образности как проявления видимости переводчика являются, по нашему мнению, признаками того, что поэтические тексты Аркадия Драгомощенко и Лин Хеджинян входят в принимающую русскоязычную культуру в отношениях со-творческой дополнительности. Поэт-переводчик твердо стоит на позиции верности оригиналу и, пропуская его через свое творческое сознание, доносит перевыраженный текст до русскоязычных читателей, оставляя на нем след своей поэтической индивидуальности.

[1]Современная американская поэзия в русских переводах (антология). Екатеринбург: УрО РАН, 1996. С. 11.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный нами анализ перевода Аркадия Драгомощенко стихотворений Лин Хеджинян вносит вклад в понимание идиолекта переводчика как объективной речеязыковой данности, которая неизбежно получает свое проявление в ПТ. Сегодня изучение неизбежности проявлений идиолекта переводчика в текстах разных стилей и жанров происходит методами стилометрии – статистического анализа письменного текста, учитывающего частотность, повторяемость и распределенность в тексте определенных лексических, ритмических и синтаксических параметров [Sun, Yue, 2023; Lynch, Vogel, 2018]. Что касается анализа продуктов художественного перевода и установления переводческой стратегии конкретного автора, мы считаем необходимым полагаться не только на показатели количественного анализа, но и тщательно изучать данные качественного анализа текстов оригинала и перевода на фоне привлечения других текстов переводчика – как первичных, так и вторичных. Использование разнообразных методологических инструментов лингвистического анализа текста позволит оценить продукт перевода поэта поэтом не только с точки зрения мотивированности и эффективности переводческих техник, но и в конечном счете с точки зрения творческого диалога двух выдающихся поэтов, приводящего к переводческому обогащению принимающей культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Швейцер А. Д. Перевод и культурная традиция // Перевод и лингвистика текста: сб. статей. М.: Всероссийский центр переводов, 1994. С. 64–75.
2. Venuti L. The Translator's Invisibility. A History of Translation. London: Routledge, 1995.
3. Сорокин Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003.
4. Григорьев В. П. Язык как творчество // Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка: Избранные работы. 1958–2000 годы. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 233–235.
5. Хеджинян Л. По ту сторону конечности. Памяти Аркадия Драгомощенко // Новое литературное обозрение. 2013. № 121. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/121_nlo_3_2013/article/10445/ (дата обращения15.12.2023).
6. Скидан А. Сыр букв мел // Новое литературное обозрение. 2013. № 121. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/121_nlo_3_2013/article/10447/ (дата обращения15.12.2023).
7. Пименова М. В. К вопросу о лексико-семантическом синкретизме // Русский язык: система и функционирование: сб. материалов V Международной научной конференции. Минск: Белорусский государственный университет, 2011. С. 9–13.
8. Зализняк А. А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 20–45.
9. Устинова Т. В. Лексическая сочетаемость в стихотворениях Аркадия Драгомощенко: когнитивно-семантический анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 3. С. 59–67.

10. Устинова Т. В. Метонимические трансформации в переводе с когнитивной точки зрения // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 1017–1021.
11. Sun B., Yue M. The translator's visibility: A stylistic perspective // Across Languages and Cultures. 2023. Vol. 24 (1). P. 52–72.
12. Lynch G., Vogel C. The translator's visibility: Detecting translatorial fingerprints in contemporaneous parallel translations // Computer Speech & Language. 2018. 52. P. 79–104.

REFERENCES

1. Schweitzer, A. D. (1994). Perevod i kul'turnaja tradicija = Translation and cultural tradition. In Perevod i lingvistika teksta (pp. 64–76). Moscow: Vserossijskij centr perevodov. (In Russ.)
2. Venuti L. (1995). The Translator's Invisibility. A History of Translation. London: Routledge.
3. Sorokin, Ju. A. (2003). Perevodovedenie: status perevodchika i psihogermenevticheskie procedury = Translation studies: the status of the translator and psychohermeneutic procedures. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
4. Grigorev, V. P. (2006). Jazyk kak tvorchestvo = Language as creativity. In V. P. Grigor'ev. Velimir Hlebnikov v chetyrehmernom prostranstve jazyka: Izbrannye raboty. 1958–2000 gody (pp. 233–235). Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur. (In Russ.)
5. Hejinian, L. (2013). Po tu storonu konechnosti. Pamjati Arkadija Dragomoshhenko = In memoriam of Arkadii Dragomoshchenko. Novoe literaturnoe obozrenie, 121. https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/121_nlo_3_2013/article/10445/ (date of access: 15.12.2023). (In Russ.)
6. Skidan, A. (2013). Syr bukv mel = The chalk of letters is wet. Novoe literaturnoe obozrenie, 121. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/121_nlo_3_2013/article/10447/ (date of access: 15.12.2023). (In Russ.)
7. Pimenova, M. V. (2011). K voprosu o leksiko-semanticheskom sinkretizme (pp. 9–13) = To the issue of lexico-semantic syncretism. Russkij jazyk: sistema i funkcionirovanie: collection of papers of the 5th International scientific conference. Minsk: BGU. (In Russ.)
8. Zaliznjak, A. A. (2004). Fenomen mnogoznachnosti i sposoby ego opisanija = The phenomenon of polysemy and methods of its description. Voprosy jazykoznanija, 2, 20–45. (In Russ.)
9. Ustinova, T. V. (2022). Leksicheskaja sochetaemost' v stihotvorenijah Arkadija Dragomoshhenko: kognitivno-semanticheskij analiz = Lexical compositionality in Arkadii Dragomoshchenko's poems: The cognitive semantic analysis. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija, 3, 59–67. (In Russ.)
10. Ustinova, T. V. (2023). Metonimicheskie transformacii v perevode s kognitivnoj tochki zrenija = Metonymic transformations in translation: A cognitive semantics perspective. Kognitivnye issledovanija jazyka, 4(55), 1017–1021. (In Russ.)
11. Sun B., Yue M. (2023). The translator's visibility: A stylistic perspective. Across Languages and Cultures, 24(1), 52–72.
12. Lynch G., Vogel C. (2018). The translator's visibility: Detecting translatorial fingerprints in contemporaneous parallel translations. Computer Speech & Language, 52, 79–104.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Устинова Татьяна Викторовна

доктор филологических наук, доцент
доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ustinova Tatiana Viktorovna

Doctor of Philology, Associate professor
Associate Professor at the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication
Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию	09.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81.25

Особенности устного перевода публичных монологических речей с доминирующей информационной коммуникативной функцией

М. С. Фирстов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
mfirstov@mail.ru

Аннотация. В работе на материале немецкого языка анализируются особенности одной из групп речевых жанров устной монологической публичной речи – информационных текстов: акцент на сообщаемой информации, преобладание содержания над формой, значимость индивидуального стиля оратора. Автор показывает, как вышеперечисленные параметры информационных текстов определяют специфику подготовки устного переводчика к работе с такими текстами.

Ключевые слова: устная монологическая публичная речь, информация, информационные тексты, предпереводческий анализ

Для цитирования: Фирстов М. С. Особенности устного перевода монологических публичных выступлений с доминирующей информационной коммуникативной функцией // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 5 (886). С. 130–135.

Original article

Interpreting Public Speeches with a Dominant Informative Communicative Function. Some Features

Mikhail S. Firstov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
mfirstov@mail.ru

Abstract. The paper dills with characteristics of one of the groups of public speech genres – informational texts – on the material of the German language: the emphasis on the reported information, the predominance of content over form, the importance of the speaker's individual style. The author shows how the above-mentioned parameters of informational texts determine the specifics of the interpreter's preparation to work with such texts.

Keywords: public speech, information, informational texts, pre-translation analysis

For citation: Firstov, M. S. (2024). Interpreting public speeches with a dominant informative communicative function. Some features. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 130–135. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Одним из условий успешной профессиональной подготовки устного переводчика является развитие у него навыка предпереводческого анализа ситуации коммуникации. Подчеркнем, что в отличие от письменного перевода, объектом предпереводческого анализа при устном переводе является именно ситуация коммуникации, поскольку сам текст обычно не готовится полностью в письменной форме до его порождения и переводчику не предоставляется.

В ходе подготовки переводчик, в частности, получает возможность предварительно классифицировать текст еще не произнесенного оригинала, соотнеся его либо с группой информационных, либо с группой социально-ритуальных жанров. Схема подобного анализа применительно к социально-ритуальным текстам была нами подробно рассмотрена в предыдущей статье [Фирстов, 2023]. В предлагаемой работе мы хотели бы обратить внимание на вторую макрогруппу речевых жанров устной монологической речи – информационные публичные выступления.

Если социально-ритуальный текст (как это следует из самого названия) представляет собой вербальную часть ритуального действия (причем эта вербальная часть, по выражению Мечковской, «вторична и необязательна» [Мечковская, 1998, с. 51]), то информационный текст несет реципиенту информацию о некоем фрагменте действительности, отраженном в картине мира адресанта. Иными словами, если рассматривать процесс коммуникации как взаимодействие между элементами триады «адресант – адресат – окружающий мир», то социально-ритуальный текст сконцентрирован на связи адресата и адресанта (т. е. характеризуется внутренней направленностью), в то время как информационный текст направлен вовне и призван отражать окружающую действительность.

Предпереводческий анализ текста осуществляется в соответствии с предложенной нами ранее моделью, уходящей корнями в античную риторику, уточненную в XX веке Г. В. Лассвеллом и его последователями [Назаров, 2003]:

1. Кто? (*адресант*)
2. Кому? (*аудитория*)
3. Зачем? (*прагматическая цель*)
4. Что? (*содержание*)
5. Как? (*форма сообщения: композиция, языковые средства и т. п.*).
6. Когда? (*при каких обстоятельствах*)
7. Посредством чего? (*канал коммуникации*).

Кто?

Адресантом выступает оратор, который может рассчитывать на коммуникативный успех в попытках изменить или дополнить картину мира аудитории (а именно, эта цель в конечном итоге ставится, если в устном монологическом тексте доминирует функция информирования, поскольку никакая информация не сообщается просто так). Такой оратор должен, как правило, пользоваться у аудитории авторитетом, причем в отличие от оратора, произносящего социально-ритуальный текст, авторитет адресанта информационного текста основывается не на должности и общественном положении говорящего, а на его экспертном статусе. Иными словами, аудитория априори признает, что оратор обладает более обширной информацией об обсуждаемом фрагменте действительности, нежели слушатели, и способен судить о нем более компетентно.

Этот экспертный статус должен поддерживать и сам оратор, в связи с чем значительная роль отводится его самопрезентации (self presentation).

В случае с информационным текстом, равно как и в случае с социально-ритуальными выступлениями, часто инициатором коммуникации (по терминологии М. Я. Цвиллинга [Цвиллинг, 2007]) выступает не сам оратор. Однако функции оратора и автора текста в этой ситуации совпадают чаще, чем в случае с социально-ритуальным текстом, создание которого нередко доверяют спичрайтеру.

Кому?

Важно отметить, что для коммуникативного успеха в случае доминирования в тексте информационной функции гораздо большую роль играет максимально полное понимание аудиторией предлагаемой в тексте информации. Если социально-ритуальный текст вполне отвечает своей функции, даже оставаясь отчасти или полностью непонятным для аудитории, то для изменения и дополнения картины мира слушателей важно, чтобы реципиенты были способны понять, осознать и подвергнуть более или менее рациональному анализу содержание текста.

Для соблюдения этого требования содержание выступления должно не только быть понятно с чисто лексической точки зрения и легко восприниматься синтаксически, оно должно еще и укладываться в общую картину мира реципиента, не противореча ее базовым основам или, если пользоваться терминологией У. Липпмана, стереотипам, в противном случае предложенное содержание будет отвергнуто целиком и коммуникативная цель достигнута не будет [Липпман, 2004; Бернейс, 2023; Лебон, 2016].

Помимо этого, воспринимаемая информация должна быть хотя бы отчасти новой для аудитории, быть интересной и полезной, иначе ее будут воспринимать лишь из вежливости, что опять-таки приведет к коммуникативной неудаче.

Зачем?

Мы исходим из того, что первичная и основная цель любого информирования – изменение или дополнение картины мира реципиента. При этом нередко подобная трансформация картины мира может привести и к изменению поведения реципиента, к его действиям в интересах инициатора коммуникации [Данилова, 2009].

Что?

Поскольку речь идет об информировании, можно утверждать, что слушателю будут сообщаться новые факты об окружающей действительности либо опровергаться уже известные ему и воспринимаемые им как истинные сведения.

Новая информация, основываясь на уже известных реципиенту фактах, будет сопровождаться аргументацией, как логического, так и манипулятивного характера. В частности, одним из наиболее распространенных способов воздействия на адресата является выдача субъективного утверждения за общеизвестный факт [там же].

Как уже было отмечено выше, сообщаемая адресантом информация должна быть нова для реципиента, интересна и полезна ему и понятна. Если одно из этих требований не будет соблюдаться, выступление с точки зрения реципиента рискует из информационного превратиться в социально-ритуальное. В этом случае текст будет восприниматься аудиторией лишь из вежливости, внимание ее будет рассеяно, слушатель будет слышать, не слыша.

Как?

В информационным тексте форма определяется коммуникативной функцией и подчинена содержанию, что должен учитывать как оратор, так и переводчик.

Коммуникативная ситуация публичного выступления представляет собой имплицитный диалог, т. е. предполагает непосредственную реакцию аудитории. Для этого ее социокультурные параметры должны быть предварительно спрогнозированы адресантом, что нередко сопряжено со значительными трудностями, особенно если коммуникация осуществляется не непосредственно, а с применением электронных каналов (радио, телевидение, Интернет), т. е. когда выступающему приходится иметь дело с численно неограниченной аудиторией, обладающей лишь условно предсказуемыми социокультурными характеристиками [Каменская, 1990; Миньяр-Белоручев, 1980; Леонтьев, 1999].

Исходя из необходимости учитывать реакцию аудитории, сложно признать эффективным подготовку текста выступления в письменном виде для его последующего представления публике. Во-первых, скорость чтения ощутимо выше скорости свободной речи, что весьма затрудняет восприятие. Во-вторых, зафиксированный в письменном виде текст устного выступления, как правило, тяготеет к письменному синтаксису (сложные конструкции, преобладание подчинительной связи над сочинительной и т. п.). В-третьих, привязка к письменному тексту мешает оратору «подстраиваться» под аудиторию во время выступления [Лебон, 2016].

Когда?

В отличие от социально-ритуального текста, устная публичная речь с доминирующей информационной функцией, как правило, не привязана к официальному формальному поводу. В то же время можно выделить типичные ситуации коммуникации, при которых информационные публичные выступления особенно широко представлены: это сфера образования и науки как область, само предназначение которой связано с трансляцией нового знания. Соответственно, типичными речевыми жанрами, входящими в группу информационных устных публичных выступлений, можно считать лекцию и доклад.

Между этими жанрами наблюдается значительное сходство с точки зрения коммуникативной задачи – сообщение новой информации. Однако есть и ряд различий:

– с точки зрения объема и продолжительности: доклад, как правило, короче; если стандартная академическая лекция продолжается около полутора астрономических часов, то для доклада на научной конференции редко предусматривается более получаса;

– с точки зрения соотношения экспертного уровня оратора и аудитории: в случае лекции, как правило, наблюдается заметное различие между степенью информированности оратора и слушателей по рассматриваемой теме. Академическая лекция читается профессором перед студенческой аудиторией, публичная лекция – специалистом перед заинтересованными неспециалистами; с докладом же ученый обычно выступает перед коллегами;

– с точки зрения оформления: учитывая вышеизложенное, автор доклада может себе позволить, в частности, шире использовать специальную терминологию, не прибегая к объяснениям, чем профессор, читающий лекцию студентам.

КАНАЛ КОММУНИКАЦИИ

Стандартом для наиболее типичных жанров устных публичных выступлений с доминирующей функцией информирования (лекции, доклада) по-прежнему остается непосредственное общение, когда отправитель и реципиент находятся в одной аудитории.

В то же время, если в первой половине XX столетия специалисты сетовали на ограниченность числа каналов распространения информации [Бернейс, 2023], то стремительное развитие информационных технологий в последние десятилетия совершило в этой сфере настоящую революцию. Всё больше научной и особенно научно-популярной информации распространяется в форме публичных лекций, которые проводятся в смешанном формате, транслируются через различные интернет-платформы; всё чаще ученые получают возможность выступить с докладом на конференции не только лично, но и с использованием каналов электронной коммуникации. При этом, открывая новые возможности для охвата аудитории, эта ситуация предъявляет оратору новые требования, затрудняя восприятие им аудитории и адаптацию к ней.

Попытаемся проиллюстрировать на конкретных примерах, какие особенности наблюдаются в информационных публичных монологических выступлениях на уровне композиции, синтаксиса и лексики.

Композиционно устное публичное выступление с доминирующей информационной функцией состоит из вступления, основной части и заключения.

Во вступлении оратор решает две прагматические задачи:

1) установить контакт с аудиторией (т. е. поприветствовать публику, представиться самому и поблагодарить за приглашение);
2) ознакомить публику с содержанием предстоящего выступления (нередко в форме плана).

Приветствие – наиболее стандартная и ритуализированная часть выступления. Если оратор впервые выступает перед данной аудиторией, можно ожидать (с минимальными вариациями) примерно такого текста:

> Meine sehr verehrten Damen und Herren!
> Vielen Dank für die Einladung. Es ist eine große Ehre für mich, die Gelegenheit zu haben, hier zu Ihnen zu sprechen.

Далее оратор, вероятно, представится и перейдет к теме выступления.

Тема выступления для привлечения внимания публики может быть сформулирована в виде вопроса или провокационного утверждения:

> Können wir den Medien vertrauen?[1];
> Wie werden wir in 100 Jahren leben?[2];
> Der Staat – Feind von Ethik und Freiheit[3].

Затем оратор переходит к основной части выступления.

В конце выступления следуют краткие выводы из сказанного.

Применительно к синтаксису устной публичной речи с доминирующей коммуникативной функцией информирования важно отметить, что композиционно-речевая форма «рассуждение», которая нередко преобладает в такого рода выступлениях, предполагает каузативную связь [Брандес, 2004], что выражается в широком использовании придаточных причины, условия и уступки. В то же время синтаксис устного выступления не может и не должен быть чрезмерно усложнен. Так, крайне желательно, чтобы сочинительная связь превалировала над подчинительной, оратору рекомендуется избегать цепочек придаточных предложений. По этой причине подготовленное выступление не должно иметь жестких рамок, не рекомендуется заучивать его наизусть либо зачитывать с листа. Во-первых, скорость чтения, как правило, выше, чем скорость свободной речи без опоры на текст. Кроме того, синтаксис письменного текста обычно ощутимо сложнее, чем синтаксическая структура устной речи.

В этой связи особую сложность при восприятии (и особенно при переводе) вызывают цитаты, которые оратор зачитывает, так как они могут отличаться усложненным письменным синтаксисом, а если речь идет о классиках, то и язык в них нередко весьма архаичен, например цитаты Т. Мальтуса и Л. фон Мизеса в докладе проф. Ханса-Херманна Хоппе «Eine kurze Geschichte der Weltwirtschaft»[4].

В то же время цитаты выполняют в информационном устном монологическом публичном выступлении немаловажную функцию, представляя собой одно из важных манипулятивных средств убеждения – ссылку на авторитет [Ножин, 1989].

В связи с этим автору, если он считает цитату необходимой, можно рекомендовать продублировать ее на слайде для визуального восприятия.

Имплицитный диалог (который характерен для любого публичного выступления) поддерживается в информационных устных монологических

[1]URL: https://www.youtube.com/watch?v=4bF-3rulJz0&t=31s
[2]URL: https://www.youtube.com/watch?v=fKdxIhGH4oo&t=7s
[3]URL: https://www.youtube.com/watch?v=fnRqtCbwTWg&t=1251s
[4]URL: https://www.youtube.com/watch?v=w43Lk-HmQd8&t=10s

публичных речах при помощи риторических вопросов.

На уровне лексики автору следует помнить о том, что у реципиента устного текста (в отличие от читателя текста письменного) нет возможности обратиться к сторонним материалам (словарям, справочникам и т. п.), облегчающим понимание предложенного содержания. Иными словами, однократная устная презентация текста требует от оратора особого отношения к терминологии, профессионализмам, именам собственным и т. п.

Так, если у оратора нет полной уверенности в том, что тот или иной термин знаком аудитории, необходимо привести его дефиницию:

- **Dekarbonisierung** unserer Ökonomie, das heißt der Abschied von der bisherigen Rohstoffbasis, die vor allem aus fossilen Energien beruht…
- **Ressourceneffizienz**, also mehr von Produkten und Dienstleistungen aus weniger Ressourcen zu generieren, die Ressourcenproduktivität…
- … weil die **Urbanisierun**g weitergeht, also die Verstädterung unserer Gesellschaften…
- Es wird dezentrale **Kraft-Wärme-Kopplung** geben, also die gleichzeitige Erzeugung von Strom und Wärme[1].

Если упомянутое имя или географическое название может оказаться неизвестным публике, стоит сделать то же самое.

[1]https://www.youtube.com/watch?v=SNThw584Ndg

Числа также трудно воспринимаются на слух. Если у оратора нет возможности продублировать их на слайдах или в раздаточном материале, лучшим выходом будет округлить число.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При подготовке к работе с текстами описанного типа переводчику необходимо прежде всего подробно изучить предоставленные материалы и создать так называемое предметно-семантическое поле, т. е. не только составить список лексики на рабочих языках, но и получить представление о том, что скрывается под каждой из лексем.

При отсутствии материалов по конкретному мероприятию переводчику тем не менее обычно известна тема предстоящего выступления. В этом случае следует исходить из того, что оратор, как правило, не впервые высказывается по рассматриваемому кругу проблем и вряд ли успел кардинально поменять свое мнение с тех пор, как делал это в последний раз. Найти публикации или выступления более или менее известного спикера по конкретной тематике при нынешней доступности информации обычно не составляет для переводчика особого труда.

Следуя этим несложным рекомендациям, переводчик может обеспечить себя материалом для предпереводческого анализа коммуникативной ситуации, участником которой ему предстоит выступить, увеличить субъективную избыточность текста (т. е. долю уже известной ему информации в будущем выступлении), расширив таким образом возможности для применения механизма вероятностного прогнозирования, что в конечном счете послужит повышению качества выполненного перевода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фирстов М. С. Некоторые особенности устного перевода социально-ритуальных текстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 102–108.
2. Мечковская Н. Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий: пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: ФАИР, 1998.
3. Назаров М. М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования. М.: Аванти плюс, 2003.
4. Цвиллинг М. Я. Понятие переводческой констелляции // Тетради переводчика: научно-теоретический сборник / под ред. И. И. Халеевой. М.: Рема, 2007. Вып. 26. С. 63–72.
5. Липпман У. Общественное мнение. М.: АСТ, 2023.
6. Бернейс Э. Формирование общественного мнения. М.: АСТ, 2023.
7. Лебон Г. Психология масс. СПб.: Питер, 2016.
8. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет, КДУ, 2009.
9. Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М.: Высшая школа, 1990.
10. Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980.
11. Леонтьев А. А. Психология общения. М: Смысл, 1999.

12. Брандес М. П. Стилистика текста. М: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004.
13. Ножин Е. А. Мастерство устного выступления. М.: Издательство политической литературы, 1989.

REFERENCES

1. Firstov, M. S. (2023). Interpreting Socio-Ritual Texts. Some Features. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 102–108. (In Russ.)
2. Mechkovskaya, N. B. (1998). Yazyk i religiya. Lekcii po filologii i istorii religij = Language and Religion. Lectures on philology and history of religions: Manual for students of humanitarian universities. Moscow: FAIR. (In Russ.)
3. Nazarov, M. M. (2003) Massovaya kommunikaciya i obshchestvo. Vvedenie v teoriyu i issledovaniya = Mass Communication and Society. Introduction to theory and research. Moscow: Avanti plyus. (In Russ.)
4. Cvilling, M. YA. (2007). Ponyatie perevodcheskoj konstellyacii = Concept of translation constellation. In Khaleeva, I. I. (ed.), Tetradi perevodchika (issue 26, pp. 63–72). Moscow: Rema. (In Russ.)
5. Lippmann, W. (2023). The public opinion. Moscow: AST. (In Russ.)
6. Bernays, E. (2023). Crystallizing publoc opinion. Moscow: AST. (In Russ.)
7. Le Bon, G. (2016). La Psychologie des Foules = The Crowd: A Study of the Popular Mind. Saint Petersburg: Peter. (In Russ.)
8. Danilova, A. A. (2009). Manipulirovanie slovom v sredstvah massovoj informacii = Manipulation through words in the media. Moscow: Dobrosvet, KDU. (In Russ.)
9. Kamenskaya, O. L. (1990). Tekst i kommunikaciya = Text and communication. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ).
10. Min'yar-Beloruchev, R. K. (1980) Obshchaya teoriya perevoda i ustnyj perevod = General theory of translation and interpreting. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
11. Leont'ev, A. A. (1999). Psihologiya obshcheniya = Psychology of communication. Moscow: Smysl. (In Russ.)
12. Brandes, M. P. (1990). Stilistik der deutschen Sprache. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
13. Nozhin, E. A. (1989) Masterstvo ustnogo vystupleniya = Oral presentation skills. Moscow. Izdatel'stvo politicheskoj literatury. (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фирстов Михаил Сергеевич
старший преподаватель кафедры немецкого языка и перевода
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Firstov Mikhail Sergeevich
Senior lecturer at the Department of German and Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	08.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'34+81'33+81'42+811.111+81'221

Лингвистический узус или традиция вермахта? (о номинациях тяжелой военной техники бундесвера)

Е. А. Юкляева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
e.yuklyaeva@linguanet.ru

Аннотация. В статье дается краткий обзор понятия и процесса номинации в современной лингвистике; анализируются обозначения современных боевых машин бундесвера; с учетом военно-исторического контекста определяются основные факторы, лежащие в основе использования зоонимов для номинации германской тяжелой военной техники. Делается вывод о роли лингвистического узуса, экстралингвистического прагматического фактора, а также влиянии традиции национал-социализма на номинации военных артефактов бундесвера.

Ключевые слова: номинации, номинативные термины, зоонимы, боевые машины бундесвера, лингвистический узус, традиция вермахта

Для цитирования: Юкляева Е. А. Лингвистический узус или традиция вермахта? (о номинациях тяжелой военной техники бундесвера)// Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 136–141.

Original article

Linguistic Usage or Wehrmacht's Tradition? (on naming units of Bundeswehr' heavy military equipment)

Elena A. Yuklyaeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e.yuklyaeva@linguanet.ru

Abstract. The article gives an overview on the naming definition and the naming process in present-day linguistics; provides with an analyzis of current-technology Bundeswehr' armed vehicles denomination. Main factors underlying the application of zoonyms for purposes of naming German heavy military vehicles are determined within military-historical context. The conclusion about the role of linguistic usage, extralinguistic pragmatic factor as well as the influence of national socialism upon the naming of Bundeswehr' military artifacts is drawn.

Keywords: naming units, nominative terms, zoonyms, Bundeswehr' armed vehicles, linguistic usage, Wehrmacht's tradition

For citation: Yuklyaeva, E. A. (2024). Linguistic usage or Wehrmacht' tradition? (on naming units of Bundeswehr' heavy military equipment). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 136–141. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

«Леопард» (Leopard), «гепард» (Gepard), «куница» (Marder), «пума» (Puma): в вооруженных силах ФРГ – бундесвере – боевым машинам присваивают названия хищных животных. Какие факторы лежат в основе подобных номинаций? Являются ли такие номинации новым явлением, либо берут начало в прошлом Германии? Ответы на эти вопросы лежат не только в области лингвистики, но и на стыке нескольких дисциплин, в том числе лингвокультурологии и военной истории. Проблема изучения боевых артефактов с позиции лингвокультурологии на сегодняшний день является малоизученной, однако овладение именно культурологической спецификой наименований вооружений армий НАТО, в том числе бундесвера, имеет важное значение при профессиональной подготовке военных переводчиков, а также в ходе их дальнейшей практической деятельности в различных видах социолингвистического контекста. В статье предпринимается попытка проанализировать основные факторы, определяющие номинации немецких боевых машин как в военно-историческом контексте, так и в современном бундесвере. Материалами для исследования послужили работы советских и российских лингвистов, занимавшихся исследованиями процесса номинации: Г. В. Колшанского, Н. Д. Голева, С. Г. Павлова, Н. Д. Шмелева и др., работы современного немецкого военного историка М. Пельманна (M. Pöhlmann), а также информация о соответствующих боевых машинах, размещенная на сайте бундесвера[1] и Центра военной истории и социальных наук бундесвера[2].

НОМИНАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ ЕДИНИЦ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

В современной лингвистике под «номинацией» понимается процесс образования новых слов в системе языка [Колшанский, 1975; Серебренников, 1977]. В процессе номинации на создание лексических единиц влияют различные факторы, которые можно разделить на две основные категории: собственно языковые (внутренние, лингвистические, интралингвистические) и внеязыковые (внешние, экстралингвистические) факторы, влияющие на выбор мотивировочного признака в номинативном процессе. По утверждению Б. А. Серебренникова «всякая номинация есть прежде всего лингвистическая техника, но эта техника имеет менталистическую основу и осуществляется в различных условиях» [Серебренников, 1977, с. 159]; в этой связи учет и изучение и лингвистических, и экстралингвистических факторов становятся важными задачами при анализе тех или иных явлений в номинации.

Среди интралингвистических факторов ведущую роль играет лексико-семантическая система конкретного языка, особенности функционирования которой составляют их суть. Например, Н. Д. Голев относит к собственно языковым (интралингвистическим) речевые, системные факторы, под которыми понимается опыт, лингвистическая техника, психология индивида, языковая системность, характер коммуникативного задания и др. Любой язык со своим словообразовательным, морфологическим и синтаксическим строем, системой внутренних форм слова ограничивает человека в пределах определенных правил называния фрагментов действительности. Поэтому давление языковых факторов на ономасиологический процесс обнаруживается постоянно [Голев, 1989].

Однако лингвисты С. Г. Павлов, Д. И. Шмелев, А. Ф. Журавлев и др. отдают приоритет в процессе номинации именно экстралингвистическим факторам и считают, что нельзя ограничивать сугубо лингвистическими аспектами анализ принципов номинации, само выделение которых и их классификация основаны на внешних факторах: свойствах и признаках самих реалий. Как правило, к экстралингвистическим факторам относят особенности культуры и национального характера, государственного строя и политической системы, стилевую принадлежность и жанровую разновидность текста; кроме того, их подразделяют на субъективные и объективные [Павлов, 2008]. Объективные свойства предметов и явлений окружающей действительности имеют особое значение в процессе наименования, в них содержится основная информация о свойствах и признаках именуемого объекта. Однако в процессе номинации человек полагается и на свой индивидуальный социальный опыт, привнося тем самым субъективный компонент [Способы номинации в современном русском языке, 1982].

Одним из самых продуктивных способов номинации в военных терминосистемах является метафоризация или вторичная номинация, под которой понимается «использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [Панина, 2012, с. 22]. Двойственная природа метафоры проявляется вследствие ассоциации объектов двух различных категорий. Данное свойство метафоры наблюдается в сочетании основных качеств оружия в его наименовании и «его семантического “образа”, когда сам термин

[1]URL: www.bundeswehr.de.

[2]URL: www.portal-militaergeschichte.de.

будто подстраивается под его должное восприятие рядовым носителем языка» [Яковлева, Ирназаров, 2018, с. 136] и таким образом происходит вторичная номинация.

НОМИНАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ БОЕВЫХ МАШИН БУНДЕСВЕРА

Традиция давать объектам вооружения словесные названия существует в различных странах мира, в этом смысле армия ФРГ – бундесвер не является исключением. Характерно, однако, что для обозначения боевых машин в бундесвере используются так называемые зоонимы, которые, по мнению французского философа К. Леви-Стросса, являются наименованиями животных с двойным значением, словами, одновременно функционирующими в двух планах: в плане языка, где они сохраняют свое лексическое значение, и в плане метаязыка, где они выступают в роли элементов вторичной знаковой системы, которая способна возникнуть лишь из соединения этих элементов [Леви-Стросс, 2011].

Зоонимы, присваиваемые современным немецким танкам и боевым машинам – это в большинстве своем звучные названия опасных хищников, особенности поведения которых соотносятся с функциональными возможностями обозначаемых ими единиц вооружения:

- «Leopard» («леопард») – боевой танк;
- «Marder» («куница») – бронетранспортер (в настоящее время снимается с вооружения бундесвера);
- «Puma» («пума») – бронетранспортер нового типа;
- «Fuchs» («лисица») – бронетранспортер;
- «Dingo» («динго») – бронеавтомобиль;
- «Fennek» («феннек», «степная лисица») – разведывательный бронеавтомобиль;
- «Leguan» («легуан») – танковый мостоукладчик;
- «Wiesel» («ласка», «горностай») – небольшая по размеру, подвижная и маневренная авиадесантируемая боевая машина для воздушно-десантных частей;
- «Biber» («бобер») – мостоукладчик, который подобно зверьку бобру наводит мосты через водные преграды;
- «Dachs» («барсук») – многоцелевая инженерная бронемашина-амфибия, способная прокладывать заградительные рвы;
- «Büffel» («буйвол») – бронированная ремонтно-эвакуационная машина;
- «Wolf» («волк») – внедорожник[1].

[1]URL: https://www.bundeswehr.de/de/aktuelles/meldungen/bundeswehrgeraet-tiernamen-5321614

Некоторые «хищники» уже признаны устаревшими и «негодными к военной службе». Речь идет, например, об истребителе танков «Jaguar 1» («ягуар 1») и «Jaguar 2» («ягуар 2»), боевой разведывательной машине танко-разведывательных частей «Luchs» («рысь») или о маленьком и очень юрком внедорожнике «Iltis» («хорек»), который был очень популярен в бундесвере в 1980-е годы. Позднее внедорожник «Iltis» («хорек») был заменен более массивным внедорожником «Wolf» («волк»). Сюда же относится зенитная самоходная установка «Gepard» («гепард»), которую теперь можно встретить только в музеях бундесвера.

Специальные транспортные средства в бундесвере зачастую носят наименования экзотических животных: например, автомобилю повышенной проходимости (ATV), находящему на вооружении сил специального назначения, присвоена номинация «Grizzly» («гризли»); прототипом послужил аляскинский медведь гризли, считающийся самым крупным хищником, обитающем на суше. Еще один пример – разведывательно-боевая машина (AGF) «Serval» («сервал»), названная в честь дикой африканской кошки. Воздушный десант бундесвера пересел с грузовика-вездехода на вездеходный универсальный автомобиль специального назначения (ESK) «Mungo» («мангуст»). Почему мангуст? Потому что относящийся к семейству кошачьих азиатский хищник очень отважен и почти всегда выходит победителем из поединка с ядовитой коброй. На вооружении горной пехоты находится бронированное транспортное средство (GTK) «Boxer» («боксер»). Как и порода собак, название которой он носит, этот бронетранспортер обладает большим весом и квадратным корпусом.

Очевидно, что практически все вышеприведенные номинации возникли в результате метафоризации по ассоциативному признаку лексических единиц неинституционального дискурса. В процессе подобных номинаций возникают так называемые номинативные термины, образующиеся в результате трансформаций (терминологизаций) обычных лексем в специализированные номенклатурные единицы: зоонимная («прозвищная») часть терминологической единицы становится для пользователей семантически доступной, лучше воспринимаемой и облегчающей идентификацию номинированного объекта [Панина, 2012]. Не исключено, что при переходе из области профессионального дискурса в общественно-политический дискурс такие термины в определенной степени могут утрачивать терминологическое значение и включаться в лексикон в рамках семантического поля «военная лексика».

Известный немецкий публицист У. Зайдель (U. Seidel) указывает и на отрицательные стороны процесса подобных терминологизаций: так, он считает, что зоономинации «ослепляют» человека, использующего соответствующие виды вооружений, и нивелируют или вообще табуизируют причины и последствия их применения. Холодный металл, разрушительная техника в процессе номинации «оживляются»; путем подобного «крещения» объекты и инструменты становятся субъектами нарративов, обладающими свойствами и характером, например быстрым и легким горностаем («Wiesel»), наводящим мосты бобром («Biber»), роющим ходы под землей барсуком («Dachs») и т. д.[1]

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УЗУС ИЛИ ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИИ ВЕРМАХТА?

В общественном дискурсе Германии представлены различные точки зрения на феномен номинаций боевых машин бундесвера. Министерство обороны ФРГ и пресс-служба бундесвера утверждают, что использование зоонимов при номинации танков и боевых машин является политически немотивированным, не вызывает опасений с политической точки зрения и поэтому представляет собой лингвистический узус, который не имеет ничего общего с глорификацией национал-социализма[2]. Официальные лица ФРГ, переводя проблему в область чисто лингвистики, подчеркивают, что номинативные термины способны гораздо лучше передавать мощь соответствующего вида вооружений, чем нейтральные названия или цифры[3]. Схожей позиции придерживается и военный историк М. Пельманн (M. Pöhlmann) из Центра военной истории и социальных наук бундесвера в Потсдаме, автор монографии об истории немецких танков «Der Panzer und die Mechanisierung des Krieges: eine deutsche Geschichte 1890 bis 1945» («Танк и механизация войны: немецкая история 1890 до 1945») [Pöhlmann, 2016]. По мнению М. Пельманна, при использовании зоонимов для номинации современных танков не наблюдается продолжения традиции национал-социализма; подобная номинация происходит не потому, что так делал вермахт, а потому что это имеет смысл с профессиональной точки зрения. Использование названий хищников облегчает идентификацию боевых машин и лишено идеологии, это лингвистический узус, который не требует какого-либо регулирования[4].

Тем не менее некоторые немецкие историки и журналисты считают, что существуют еще и другие причины подобных номинаций, уходящие корнями в прошлое Германии.

Так, например, известная немецкая журналистка и автор многочисленных эссе С. Гроте (S. Grothe) утверждает, что идея использовать зоонимы для номинации военной техники могла принадлежать Адольфу Гитлеру. В официальных документах Третьего рейха нет подтверждения этой гипотезе, но общеизвестно, как часто и охотно Гитлер использовал образы животных в рамках национал-социалистического дискурса: любимым животным Гитлера был волк, поэтому так называемый «Штаб фюрера» – военный ситуационный центр Главного штаба вермахта в Восточной Пруссии носил название «Die Wolfsschanze» («Волчье логово»). Идеал молодого немца – приверженца национал-социализма был сформулирован Гитлером на съезде НСДАП в Нюрнберге 14 сентября 1935 года следующим образом: «*быстрый как борзая*, жесткий, как кожа, твердый, как сталь Круппа»[5].

Во время Второй мировой войны боевые машины «Panther» («пантера»), «Tiger» («тигр»), «Königstiger» («королевский тигр») были известны каждому немцу – такие названия носили самые мощные танки нацистского вермахта. Стремление популяризировать новую боевую технику среди населения Третьего рейха было одной из причин того, что в 1942 году вермахт начал присваивать танкам нового поколения PV и PVI названия хищников. Согласно концепции вермахта новые танки должны были заменить немецких солдат, павших на полях Второй мировой, поэтому их названия должны были символизировать силу, скорость и грацию опасных диких животных. Одним из самых известных был боевой танк «Tiger» («тигр»); в арсенале вермахта были также танки «Panther» («пантера»), «Nashorn» («носорог») и «Elefant» («слон»). Однако даже все эти стальные хищники не смогли предотвратить поражение вермахта во Второй мировой войне.

При создании новой армии ФРГ – бундесвера в 1955 году танки и транспортные средства еще не получали наименования животных, но обусловлено это было не желанием дистанцироваться от традиции вермахта, а тем, что используемая военная техника в основном была импортной. Поэтому

[1] URL:https://www.berliner-zeitung.de/kultur-vergnuegen/debatte/leopard-panzer-es-ist-eine-nazi-tradition-panzer-nach-tieren-zu-benennen-li.311199

[2] URL:https://www.bundeswehr.de/de/aktuelles/meldungen/bundeswehrgeraet-tiernamen-5321614#:~:text=Im%20Zweiten%20Weltkrieg%20waren%20die,man%20besser%20den%20%C3%9Cberblick%20behalten

[3] URL:https://www.bundestag.de/resource/blob/909528/7a3d4dc7499cb0f7e253f3c1f3e59008/WD-2-049-22-pdf-data.pdf

[4] URL:https://www.portal-militaergeschichte.de/poehlmann_einsatz

[5] URL:https://www.spiegel.de/geschichte/leopard-gepard-marder-puma-warum-deutsche-panzer-raubtiernamen-tragen-a-773369b8-0b7d-45c1-9912-61dfda3e00fd

бундесвер просто перенимал наименования типов вооружений производителей: например, в то время на вооружении бундесвера находились американские бронетранспортер HS30 и боевой танк M48.

В 60-е годы XX века на волне германского экономического чуда бундесвер начал процесс замены преимущественно американской военной техники на свою собственную продукцию, номинации которой продолжили зловещую традицию вермахта. Но дело было не только в традиции: названия животных должны были символизировать мощь и силу новых танков, поэтому зоонимы подходили для этой цели лучше, чем комбинации букв и цифр. Танк становится своеобразным военным тотемом.

Первым послевоенным «хищником» бундесвера стал танк «Leopard» («леопард»), принятый на вооружение в 1965 году и ставший самым быстрым и опасным оружием сухопутных сил. Танк «Leopard» («леопард») соединял в себе надежную броневую защиту, маневренность и огневую мощь и послужил прототипом для создания различных вариантов боевых машин: наряду с несколькими версиями танка «Leopard 1» («леопард 1») (A1 до A5) с повышенной боеспособностью в 1979 году была разработана последующая модификация «Leopard 2» («леопард 2») (версии A6 и A7). Для поддержки танков «Leopard» («леопард») моторизованной пехотой на любой местности в 1971 году на вооружение бундесвера был принят бронетранспортер «Marder» («куница»), который в настоящее время постепенно заменяется бронетранспортером нового типа «Puma» («пума»).

Анализируя использование зоонимов при номинации военной техники, необходимо отметить также важную роль прагматического фактора в языке при именовании боевых машин. Этот фактор особенно важен для Германии, занимающей 5-е место в мире по экспорту вооружений, среди которых боевые машины представляют собой значительную часть экспортного потенциала. Прагматический фактор в номинации накладывает свой отпечаток на формирование почти всего процесса номинации немецкой военной техники. Выигрывает от этого в первую очередь оборонная промышленность: как отмечалось выше, названия животных и их свойства, послужившие мотивацией номинации, запоминаются гораздо лучше, чем аббревиатуры из букв или цифр. Свидетельством этого является, например, узнаваемость германского экспортного хита танка «Leopard 2» («леопард 2») производства концернов «Rheinmetall» и «KrausMaffei Wegmann».

В 2022 году на оружейной выставке «Eurosatory 2022» в Париже концерн Rheinmetall представил новый боевой танк KF 51, который в будущем должен заменить танк «Leopard 2» («леопард 2») и будет носить название «Panther» («пантера»). По информации концерна танк «Panther» («пантера») будет обладать еще большей огневой мощью и бронезащитой, но будет легче «Leopard 2» («леопард 2»), что обеспечит танку повышенную маневренность и мобильность. Несмотря на прозрачную мотивацию данной номинации, удивительно, что и сам концерн, и бундесвер выбрали для обозначения нового танка наименование, существовавшее в Третьем рейхе…

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате предпринятого нами анализа основных факторов, определяющих номинации боевых машин бундесвера в лингвистическом и военно-историческом контекстах были выявлены следующие тенденции:

- принципы номинации любого языка, в том числе и немецкого, являются результатом комплексного взаимодействия всех основных факторов, формирующих национальную языковую специфику: языковой традиции и языковой системы, индивидуального и коллективного языкового сознания, а также социально-исторического опыта;
- одним из самых продуктивных способов номинации в военных терминосистемах является метафоризация, являющаяся основой для образования номинативных терминов. В бундесвере для обозначения боевых машин в этом качестве в большинстве случаев выступают зоонимы – названия хищников;
- при этом основными факторами, определяющими постоянное использование зоонимов в целях номинации, являются как особенности лингвистического обычая (узуса), так и отчетливо прослеживающаяся традиция национал-социализма;
- значительна роль экстралингвистического прагматического (коммерческого) фактора при именовании современных боевых машин.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975.
2. Серебренников Б. А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация (общие вопросы). М.: Наука, 1977. С. 147–187.

3. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск: Издательство Томского университета, 1989.
4. Павлов С.Г. Теоретические и прикладные проблемы номинации в курсе «Теория языка»: учебно-методическое пособие. Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет, 2008.
5. Способы номинации в современном русском языке: монография / Академия наук СССР. Институт русского языка им. А. С. Пушкина; отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1982.
6. Панина Т. Г. Вторичная косвенная номинация как языковой, когнитивный и культурный процессы // Magister Dixit. Научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2012. № 2 (06). С. 12–27.
7. Яковлева Е. А., Ирназаров Э. Н. Особенности именования образцов оружия и военной техники в актуальном информационном дискурсе // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 2. С. 132–139.
8. Леви-Стросс, К. Структурная антропология. М.: АСТ, 2011.
9. Pöhlmann, M. Der Panzer und die Mechanisierung des Krieges. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2016.

REFERENCES

1. Kolshansky, G. V. (1975). Sootnoshenie subyektivnykh I obyektivnykh faktorov v yazyke = Correlation of subjective and objective factors in language. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Serebrennikov, B. A. (1977). Naming and the problem of choice. Language naming (general questions) (pp. 147–187). Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Golev, N. D. (1989). Dinamicheskiy aspect leksicheskoy motivatsii = Dynamic aspect of lexical motivation. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta. (In Russ.)
4. Pavlov, S. G. (2008). Teoreticheskiye i prikladnye problem nominatsii v kurse “Teoriya yazyka” = Theoretical and applied problems of naming in the course “Theory of language”: guidance manual. Nizhny Novgorod: NGPU. (In Russ.)
5. Shmelev D. N. (1982). Sposoby nominatsii v sovremennom russkom yazyke: monografia = Means of naming in present-day Russian language: monograph. Academy of Sciences of the USSR. Pushkin State Russian Language Institute. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Panina, T. G. (2012). Secondary indirect naming as linguistic, cognitive and cultural process. Magister Dixit. Scientific-pedagogical journal of Eastern Siberia, 2(06), 12–27. (In Russ.)
7. Yakovleva, E. A., Irnasarov, E. N. (2018). Naming features of weapon systems and military equipment within the current information discourse. Russian humanitarian journal, 7(2), 132–139. (In Russ.)
8. Levi-Strauss, C. (2011). Structural Anthropology. Moscow: AST. (In Russ.)
9. Pöhlmann, M. (2016). Der Panzer und die Mechanisierung des Krieges. Paderborn: Ferdinand Schöningh.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юкляева Елена Александровна

кандидат педагогических наук
и. о. заведующего кафедрой немецкого языка и перевода переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuklyaeva Elena Aleksandrovna

PhD (Pedagogy)
Acting Head of the Department of the German Language and Translation
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	09.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 821.111

Музыка и песни как важные составляющие музыкального экфрасиса в сонетах Шекспира

А. А. Степанов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Artyom-Stepanov2-17-51@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется феномен музыкального экфрасиса в сонетах У. Шекспира, а именно: один из его наиболее ярких аспектов – изображение музыки и песен. Группа «музыка и песни» была выделена автором благодаря системному разбору и сравнительному анализу. В качестве теоретической основы использовались труды и размышления Л. Геллера, В. А. Миловидова, А. Г. Сидорова, В. В. Шилина. и др.

Ключевые слова: Шекспир, сонеты, музыкальный экфрасис, образ, музыка, песни

Для цитирования: Степанов А. А. Музыка и песни как важные составляющие музыкального экфрасиса в сонетах Шекспира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 142–148.

Original article

Music and Songs as an Important Part of Musical Ekphrasis in W. Shakespeare's Sonnets

Artyom A. Stepanov

Moscow State Linguistic University, Russia
Artyom-Stepanov2-17-51@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the phenomenon of musical ekphrasis in W. Shakespeare's sonnets, namely to one of the most vivid aspects – the depiction of "music and songs". The "music and songs" group has been distinguished by the author through taking the system-oriented approach and comparative analysis. As for the theoretical basis for the problem of image itself, the author uses the works of L. Geller, V. A Milovidov, A. G. Sidorov, V. V. Shilin and etc.

Keywords: Shakespeare, sonnets, musical ekphrasis, image, music, songs

For citation: Stepanov, A. A. (2024). Music and songs as an important part of musical ekphrasis in W. Shakespeare's sonnets. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 142–148. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В статье рассматривается один из аспектов феномена музыкального экфрасиса в сонетах Шекспира, а именно: изображение музыки и песен. Актуальность и новизна исследования заключается в том, что понятие музыкального экфрасиса начало развиваться в литературоведении относительно недавно и на текущий момент данный феномен еще мало изучен. Более того, в отечественном литературоведении понятие музыкального экфрасиса ранее не использовалось в отношении музыкальных образов и мотивов в сонетах Шекспира.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЭКФРАСИС

Как отмечает Л. Геллер, экфрасис представляет собой «всякое воспроизведение одного искусства средствами другого» [Геллер, 2002, с. 18]. По причине того, что музыка также является отдельным видом искусства, многие литературоведы в качестве отельного типа экфрасиса начали выделять и экфрасис музыки, или музыкальный экфрасис. Например, Е. Е. Соловьева в статье «Музыкальный код и музыкальный экфрасис», опираясь на исследования В. А. Миловидова и А. Г. Сидоровой, пишет о том, что музыкальный экфрасис представляет собой словесное описание музыки, сочетающее в себе особую звуковую и визуальную образность [Соловьева, 2016, с. 123].

Музыкальный экфрасис, выражающийся посредством сочетания различных музыкальных образов и мотивов, играл значительную роль в поэтическом искусстве практически во все эпохи мировой литературы. Начиная еще с античных времен прослеживается тесная связь между музыкой и поэзией. Об этом свидетельствуют древнегреческие мифы о музе по имени Евтерпа, покровительствовавшей одновременно и музыке, и лирической поэзии. С течением веков музыка и поэзия всё больше дополняли друг друга. В эпоху Средневековья стали появляться трубадуры, миннезингеры и барды, использовавшие в своих песнях и стихах различные музыкальные образы и мотивы. По итогам литературоведческого анализа сонетов Шекспира на предмет наличия в них музыкального экфрасиса были выделены следующие группы, языковые единицы которых реализуют данный феномен:

- музыка и песни;
- музыкальные инструменты и музыканты;
- боги, божества и другие герои, связанные с музыкальной образностью;
- птицы, отождествляющие музыку.

Однако в данной статье будет анализироваться лишь первая группа, т. е. «Музыка и песни».

МУЗЫКА И ПЕСНИ

Прежде всего остановимся на единицах, реализирующих музыкальный экфрасис в группе «музыка и песни»: *music* (*музыка*), *tune* (*мелодия*), *song* (*песня*), *sing* (*петь*), *lays* (*напевы*, *пение птиц*), *hymn* (*гимн*), *verse* (*куплет*), *strain* (*напев*) и *note* (*нота*).

Слово *music* (*музыка*) встречается в 4 сонетах 6 раз, а именно в сонетах 8, 102, 128 и 130. Сонет 8 содержит в себе связанные с музыкой образные метафоры, сравнения и параллелизмы. Согласно В. В. Шилину, под образной метафорой понимается метафора, в которой сохраняется как внутренняя форма, так и двуплановость содержания. Образное сравнение представляет собой сопоставление одного предмета, понятия или явления с другим в целях достижения особой наглядности и изобразительности при описании. Образный параллелизм отражает аналогию между образом и каким-либо явлением в жизни.

Сонет представляет собой обращение к некому герою:

> *Music* to hear, why hear'st thou *music* sadly?

В первом случае слово *музыка* можно отнести к образной метафоре или сравнению, так как с ней сравнивается адресат. Далее музыка играет роль вводного компонента образного параллелизма. Таким образом, музыка, которую герой намеренно слушает несмотря на возникающую при этом печаль, отождествляет всё то, что человек делает с большим энтузиазмом, заранее зная о последующей за этим тоске. Именно это и раскрывается в заключительной части образного параллелизма:

> Why lov'st thou that which thou receiv'st not gladly,
> Or else receiv'st with pleasure thine annoy?

В сонете 102 слово *музыка* также играет роль первого компонента образного параллелизма. В данном случае речь идет о «дикой» музыке леса, теряющей свою ценность из-за того, что звучит она неустанно и повсеместно с *каждой веточки*:

> But that wild *music* burthens every bough,
> And sweets grown common lose their dear delight…

Далее следует завершающая часть образного параллелизма, из которой становится понятно, почему лирический герой стал реже петь для своей возлюбленной – он боится, что его песни потеряют оригинальность и будут звучать совершенно обыденно в глазах музы, равно как это происходит с бесконечной музыкой леса:

Therefore like her, I sometime hold my tongue:
Because I would not dull you with my song...

Как и в сонете 8, в сонете 128 наблюдается образная метафора – адресат снова сравнивается с музыкой:

How oft when thou, *my music*, music play'st...

Более того, сюжет построен на том, что адресат обращения сам занимается музыкой, по всей видимости, он играет на клавесине, благодаря чему при прочтении в сознании обладающего образным мышлением читателя возникает живописное изображение сюжета сонета, которое он может бесконечно развивать уже без помощи описаний Шекспира.

Последний сонет, в котором встречается слово *music* – это сонет 130. В нем Шекспир, описывая свою музу, прибегает к нестандартному для тех времен приему мейозиса. Лирический герой осознает, что его возлюбленная, как и все люди, несовершенна и далека от идеала: она не благоухает как дамасская роза, ее кожа далека от сияния белоснежного снега, однако это нисколько не смущает лирического героя Шекспира, так как он любит ту, что «ступает по земле», а не совершенных богинь, которых он к тому же никогда и не встречал.

В одном ряду с розами, звездами и богинями в строках Шекспира стоит музыка, которая также, по представлениям поэта, является образом и воплощением абсолютного совершенства:

I love to hear her speak, yet well I know
That *music* hath a far more pleasing sound:
I grant I never saw a goddess go,
My mistress, when she walks, treads on the ground...

Одной из главных составляющих музыкального экфрасиса является *образ песни*. И музыка, и поэзия формировались в первую очередь из народного творчества, часто тесно переплетаясь друг с другом. Народная поэзия является своего рода песней. Именно поэтому поэты различных эпох зачастую называли свои стихотворения песнями, а себя – певцами. В сонетах Ульям Шекспир также достаточно часто сравнивает свои стихотворения с песнями, тем самым в очередной раз обращаясь к приему музыкального экфрасиса. Выражается это в первую очередь посредством использования Шекспиром слова *verse*, означающее *песня*, *песнь*, *куплет*, *напев* и т. п. Песнь – устаревший, более патетичный аналог слова *песня*. В. В. Шилин определяет песню как небольшое лирическое произведение, предназначенное для пения [Шилин, 2019]. Песня является главной формой народной лирики. Более того, существует такое понятие как *верс*, означающее наименование жанра любовной песни трубадуров, предшествующий *кансо* – жанру ранней провансальской лирики. Именно к этому слову Шекспир обращается целых 16 раз в 14 сонетах (сонетах 17, 19, 21, 38, 54, 60, 71, 76, 78, 79, 81, 86, 103 и 105) при наименовании поэтического творчества, что и придает определенную музыкальную образность произведениям поэта:

Who will believe my *verse* in time to come (*Сонет 17*).
My love shall in my *verse* ever live young (*Сонет 19*).
Stirred by a painted beauty to his *verse* (*Сонет 21*).

Образ песни в сонетах У. Шекспира выражается и с помощью и других лексических единиц: *song, lays, hymn, singu, praise*.

Слово *song* встречается в пяти сонетах (8, 17, 100, 102, 105) 5 раз. В сонетах 8, 17, 102 слово *song* является составной часть образного параллелизма. В сонете 8 гармоничное звучание струн сравнивается со счастливыми отцом, матерью и ребенком, голоса которых, сливаясь как в один, дружно и звучно поют одну бессловесную песню:

Mark how one *string* sweet husband to another,
Strikes each in each by mutual ordering;
Resembling sire, and child, and happy mother,
Who all in one, one pleasing note do sing:
Whosez *speechless song* being many, seeming one,
Sings this to thee, 'Thou single wilt prove none'...

В сонете 17 *song* сопровождается такими определениями, как *stretched metre* (*длинный*, *многостопный*) и *antique* (*античный*), что указывает как на пышность и сложность слога и ритма, так и на архаичность стихотворных песен поэта:

And your true rights be termed a poet's rage
And *stretched metre* of an *antique song*...

В сонете 102, как уже говорилось ранее, речь идет о лирическом герое, который опасается, что его песни могут наскучить, подобно песнопениям птиц.

В сонетах 100 и 105 «песня» выступает в качестве творческого порождения поэта-певца:

Spend'st thou thy fury on some worthless *song*...
(*Сонет 105*).
Since all alike my *songs* and praises be... (*Сонет 105*).

Слово *lays* может переводиться как *песни, баллады, пение птиц*, *мелодия* и т. д. Встречается в трех сонетах (98, 100, 102) три раза. В сонете 98 данное

слово подразумевает пение птиц, которое само по себе является изображением звонкой, поющей весны и любви:

Yet nor the *lays* of birds, nor the sweet smell

В сонетах 100 и 102 под словом *lays* подразумевается «песня» как высшее проявление искусства наравне с музыкой:

Sing to the *ear* that doth thy *lays* esteem (*Сонет 105*).
When I was wont to greet it with my *lays* (*Сонет 105*).

Жанр гимнов возник еще в Древней Греции. Первое и основное значения слова *hymn* в переводе с английского – гимн, песня или песенное восхваление Бога. В. В. Шилин определяет гимн как отдельную жанровую форму лирики, представляющей собой торжественную песнь в честь богов, героев победителей или какого-либо исторического события [Шилин, 2019]. Гимн подразделяется на дифирамб, пеан, парфений и гиперхему. Данное слово встречается в трех сонетах (29, 85, 102) три раза. Во всех случаях образ гимна связан с религиозными мотивами.

В сонете 29 окрыленная душа лирического героя сравнивается с жаворонком, поющим «гимны» у врат божьих:

Like to the *lark* at break of day arising
From sullen earth, *sings hymns* at heaven's gate…

В сонете 85 поэт скромно оценивает свои способности в стихосложении, сравнивая себя с малограмотным монахом, который способен произнести лишь «аминь» в конце торжественных песенных гимнов:

And like unlettered clerk still cry 'Amen'
To every *hymn* that able spirit affords,
In polished form of well-refined pen…

В сонете 102 гимны звучат из уст прекрасной Филомелы:

Than when her mournful *hymns* did hush the night…

Глагол *sing* (*петь*) встречается в восьми сонетах (8, 29, 39, 73, 78, 97, 100, 102, 106) 9 раз. Используется данное слово как в прямом, так и в переносном значении. В прямом смысле этого слова – поют люди, птицы, музы. В сонетах 29, 73, 97 и 102 поют птицы:

Like to the *lark* <…> *sings hymns* at heaven's gate (*Сонет 105*).
Bare ruined choirs, where late the *sweet birds sang* (*Сонет 105*).
…the very *birds* are mute: Or, if they *sing*… (*Сонет 105*)
As *Philomel* in summer's front doth *sing*… (*Сонет 105*)

В сонете 8 автор приводит образное сравнение, упоминая дружное пение членов одной семьи:

Resembling sire, and child, and happy mother,
Who all in one, one pleasing note do *sing*

В сонете 100 поет муза:

Return forgetful *Muse*, and straight redeem <…>
Sing to the *ear* that doth thy *lays* esteem…

Согласно одноязычному словарю «Collins Dictionary», в переносном смысле слово *sing* означает *воспевать* или *прославлять* кого-либо или что-либо в стихах или песнях: *to tell* (*something*) *or give praise* (*to someone*), *esp in verse*. Именно в этом значении данный глагол употребляется в сонетах 39 и 106:

O! how thy worth with manners may *I sing*…
(*Сонет 105*)
They had not skill enough your worth to *sing*…
(*Сонет 105*)

В значении *воспевать* Шекспир использует наравне с *sing* и глагол *praise*, который встречается в семи сонетах (21, 39, 60, 62, 85, 98, 106) 8 раз:

I will not *praise* that purpose not to sell (*Сонет 105*).
What can mine own *praise* to mine own self bring?
And what is't but mine own when I *praise* thee? <…>
By *praising* him here who doth hence remain
(*Сонет 105*).

Стоит отметить, что слово *praise* употребляется еще и в значении существительного, близкому к понятию *song* или *hymn*, т. е. *песня*, *хвала*, *дифирамб* и т. д. В таком значении данное слово встречается в 20 сонетах (2, 38, 39, 55, 59, 69, 70, 72, 79, 80, 82, 83, 84, 85, 95, 101, 103, 105, 106, 112) 28 раз:

And in the *praise* thereof spends all his might
(*Сонет 80*).
Since all alike my songs and *praises* be… (*Сонет 105*)
So all their *praises* are but prophecies… (*Сонет 105*)

Категорию «музыка и песни» дополняют и другие образные составляющие, например: *tune*, *rehearse*, *sound* и др.

Словарь «Collins Dictionary» определяет слово *tune* как мелодичную последовательность нескольких нот, легкую для запоминания. На русский язык *tune* можно перевести как *напев*, *мелодия*, *песенка*, *лад* и т.д. Например, в таком значении данное слово употребляется в сонете 141:

Nor are mine ears with thy tongue's *tune* delighted…

Лирический герой признается, что «мелодичность» голоса его возлюбленной не восхищает его слух, однако несмотря на это сердце его полностью принадлежит даме.

Как и многие другие слова в английском языке, слово *tune* может употребляться и в значении глагола, а соответственно и в значении всех производных от этого глагола. Согласно словарю «Collins Dictionary», *to tune* означает «*настраивать* тот или иной музыкальный инструмент». Обратимся к сонету 8:

If the true concord of *well-tuned* sounds…

В данном отрывке *tuned* используется в значении причастия *настроенный* при описании музыкальных инструментов, воспроизводящих сладкие мелодичные звуки.

Глагол *rehearse* имеет отношение исключительно к музыкально-театральной сфере и в переводе с английского означает *репетировать или повторять какое-либо музыкальное произведение, пьесу или танец. Rehearse* встречается в 4 сонетах (21, 38, 71, 81) четыре раза. Важно отметить, что Шекспир использует данное музыкальное слово в контекстах, не связанными с музыкой, для того чтобы придать метафоричность и музыкальную образность своим строкам. При этом слово *rehearse* почти всегда рифмуется с *verse*, что, как уже анализировалось, переводится как песнь. Слова *Rehearse* и *verse,* в свою очередь, достаточно часто встречаются в одном контексте вместе с другими музыкальными образами, такими как *praise, Muse, tenth Muse, bell* и др., что непременно придает музыкальные оттенки произведению, в очередной раз дополняя богатство музыкального экфрасиса Шекспира.

В процессе исследования особое значение уделяется не просто слову, но и его дистрибуции, от которой зависит значение, а соответственно и образность. Одно из таких слов – *sound*. Согласно словарю «Cambridge Dictionary», данное слово имеет несколько значений: какой-либо звук, который можно услышать; или же: какие-либо музыкальные звуки, звучание музыки. Именно второе значение представляет главный интерес для исследования. Основываясь на дистрибутивном окружении слова, мы выявили, что слово *sound* в значении *музыкальные звуки* встречается 3 раза в сонетах 8, 128, 130.

В сонете 8 речь идет о гармонии звуков «хорошо настроенных» музыкальных инструментов:

If the true concord of *well-tuned sounds.*

В сонете 128 лирический герой красочно описывает сладкие звуки клавиш:

How oft when thou, my *music, music* play'st,
Upon that blessed wood whose motion *sounds*…

В сонете 130 звуки музыки сравниваются с голосом возлюбленной поэта:

I love to hear her speak, yet well I know
That *music* hath a far more pleasing *sound*...

К словам, образная музыкальность которых также определяется лишь контекстуально, можно отнести следующие: *note, concord, ear, part* (8) и *grace*.

Основное словарное значение слова *note* – *помечать*, *пометка*. Однако согласно «Англо-русскому словарю музыкальных терминов» М. Д. Барченкова, А. Т. Осипенкова в контексте музыки данное слово может переводиться как *нота*, *музыка*, *мелодия* или даже *хвалебная песнь* (устар.)[1] Именно в музыкальном значении данное слово употребляется и в сонете 8, что подтверждается наличием других музыкальных слов-образов (*sing, song*) в окружении *note*:

Who all in one, one pleasing *note* do *sing*
Whose *speechless song:* being many, seeming one…

Сонет 8 пронизан музыкальными образами и мотивами, о некоторых из которых уже шла речь в статье: *music*, *concord of well-tuned sounds, ear, string и sing*.

Слово *concord* встречается 2 раза в сонетах 8 и 128 и дословно переводится как *мир* или *согласие*. В музыкальном контексте переводится как *созвучие* или *гармония*. Исходя из того, что в обоих сонетах присутствуют элементы музыкального экфрасиса (слова-образы: *well-tuned sounds, ear, music, sweet fingers, play*), можно сделать вывод о том, что и слово *concord* используется в значении «гармония» (*муз.*):

If the true *concord* of *well-tuned sounds,*
By unions married do offend thine *ear*… (*Сонет 8*)

[1]Барченкова М. Д., Осипенкова А. Т. Англо-русский словарь музыкальных терминов. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2014.

How oft when thou, my *music, music* play'st,
Upon that blessed wood whose motion *sounds*
With thy *sweet fingers* when thou gently sway'st
The wiry *concord* that mine *ear* confounds… (*Сонет 105*).

Примечательно, что и в 8, и в 128 сонетах *concord* находится в одном контексте со словом *ear*. Гармония нот и звуков оказывает то или иное влияние на человеческий слух (ear). С помощью слуха человек способен воспринимать музыку и музыкальные образы. Именно по этой причине *ear* в данных контекстах также было определено в категорию музыкальных образов «музыка и песни».

Слово *part* также нельзя считать музыкальным без определенной дистрибуции, так как основное его значение – «часть». Вновь обратимся к сонету 8:

In singleness the *parts* that thou shouldst bear*:*
Mark how one *string sweet* husband to another,
Strikes each in each by mutual ordering…

В данном сонете слово *part* употребляется Шекспиром в значении «музыкальных партий», которые адресат, по мнению лирического героя, обязан исполнить, оставив навеки путь одиночества.

В словаре музыкальных терминов М. Д. Барченковой, А. Т. Осипенковой слово *grace*, помимо *грация* и *изящество*, означает еще и музыкальный термин *орнаметрика*, который подразумевает различные *мелизмы* и *фиоритуры*[1]. *Данное слово также переводится как и орнаментировать*. Слово *мели́зм* происходит от древнегреческого μέλισμα, т. е. *песнь* или *мелодия*. Согласно теории музыки мелизмы – это различные мелодические украшения звука, не нарушающие темпа и ритмического рисунка мелодии.

Grace встречается в 13 сонетах (17, 24, 28, 40, 53, 67, 78, 79, 94, 96, 103, 132, 150) 17 раз. Однако так как слово *grace* обозначает не только музыкальное, но еще и внешнее проявление красоты, с музыкой можно связать лишь сонеты 17 и 78, в которых муза поэта является украшением для его песенного творчества, что придает дополнительную музыкальную образность строкам Шекспира.

[1]Барченкова М. Д., Осипенкова А. Т. Англо-русский словарь музыкальных терминов. 2014.

В сонете 17 неземные достоинства и грация музы лирического героя являются настолько пышными украшениями и мелизмами для его песен (*verses*), что сами они по сложности своей метрики (*stretched metre*) напоминают античную песню (*antique song*):

If I could write the beauty of your eyes <…>
And in fresh numbers number all your *graces* <…>
And *stretched metre* of an *antique song*…

В сонете 78 вдохновительница поэта точно так же является украшением и мелизмом уже не только для песен самого лирического героя, но и для песен других поэтов-певцов:

In others' works thou dost but mend the style,
And arts with thy *sweet graces graced* be…

Эпитет *sweet*, часто используемый в английском языке при описании благозвучия музыки и звуков в целом, делает данный образ еще более ярким.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен музыкального экфрасиса в силу своей неизученности требует тщательного рассмотрения и анализа как с теоретической, так и с практической точек зрения. В статье проанализированы языковые единицы, реализующие музыкальный экфрасис на уровне изображения музыки и песен.

Именно благодаря музыкальному экфрасису в различных его воспроизведениях английскому драматургу удается на внеязыковом уровне метафорично, лаконично, но при этом живописно изобразить характер многогранной человеческой души.

При использовании музыкального экфрасиса, выражаемого с помощью комплекса различных музыкальных образов и мотивов, сонеты Уильяма Шекспира подобно музыке не нуждаются в дополнительных описаниях, так как благодаря изображению *музыки и песен* читатель способен самостоятельно во всех деталях увидеть в своем воображении задуманную поэтом картину.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002. С. 5–22.
2. Соловьева Е. Е. Музыкальный код и «музыкальный экфрасис // Stephanos. 2016. Т. 16. № 2. С. 119–128.
3. Шилин В. В. Словарь литературоведческих терминов. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2019.

REFERENCES

1. Geller, L. (2002). The Return of the Concept or Word on Ekphrasis. Ekfrasis v russkoi literature = Ekphrasis in Russian literature. Moscow: MIK. (In Russ.)
2. Solovyova, E. E. (2016). Musical code and musical ekphrasis. Stephanos, 16(2), 119–128. (In Russ.)
3. Shilin, V. V. (2019). Slovar' literaturovedcheskih terminov = Dictionary of literary terms. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitation. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степанов Артем Алексеевич
аспирант кафедры отечественной и зарубежной литературы
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stepanov Artyom Alexeyevich
postgraduate student, Department of Russian and Foreign Literature
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	09.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	07.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 82.0

Спекулятивная риторика Паскаля Киньяра как акт миропонимания

В. В. Фролова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
victoriakorzhakova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается концепция спекулятивной риторики, разработанной современным французским писателем Паскалем Киньяром. Анализируются авторы и произведения, которые могли оказать влияние на взгляды и мироощущение писателя и привести к появлению спекулятивной риторики именно в такой форме, в какой мы ее видим. Основой данного исследования служит сборник трактатов Паскаля Киньяра «Спекулятивная риторика».

Ключевые слова: риторика, спекулятивная риторика, софистика, эллинизм, Паскаль Киньяр, античная рецепция

Для цитирования: Фролова В. В. Спекулятивная риторика Паскаля Киньяра как акт миропонимания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 149–154.

Original article

Pascal Quignard's Speculative Rhetoric as an Act of World Perception

Victoria V. Frolova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
victoriakorzhakova@gmail.com

Abstract. The article examines the concept of speculative rhetoric developed by the contemporary French writer Pascal Quignard. It analyzes the authors and works of past epochs, which could influence the views and worldview of the writer and lead to the emergence of speculative rhetoric in the form we see it. The basis for this study is Pascal Quignard's collection of treatises, *Rhétorique speculative*.

Keywords: rhetoric, speculative rhetoric, sophistry, Hellenistic philosophy, Pascal Quignard, reception of Antiquity

For citation: Frolova, V. V. (2024). Pascal Quignard's speculative rhetoric as an act of world perception. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 149–154. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В разные эпохи человек пытался проникнуть в суть окружающего его мира, а также познать сущность человеческой природы, обращаясь к мифу, религии, верованиям, алхимии, философии, науке, психоанализу и другим областям знания. Однако человеку свойственно не только мыслить, но и пытаться «помыслить мышление», т. е. изучать, анализировать, выстраивать методы, модели, способы мышления, которые могут помочь добиться более глубокого понимания миропорядка и нас самих.

От силлогизмов Аристотеля до логики Декарта, критики чистого разума Канта, феноменологической редукции Гуссерля, от софистов до методевтики Пирса, спекулятивной риторики Киньяра – разные эпохи порождали разные, а иногда и противоположные друг другу концепции и течения.

МЕТАМОДЕРНИЗМ И ИНТЕРЕС К УШЕДШИМ ЭПОХАМ

Интенциональность эпохи постпостмодернизма, или метамодернизма, сподвигает нас отойти от модернистского отрицания прошлого и неминуемого движения вперед, от постмодернистской насмешки, и, напротив, обратиться к прошедшим эпохам, но не для того, чтобы вновь пережить их или стереть из памяти, а для того чтобы переосмыслить, углубить наше понимание этих периодов, вновь почувствовать свою причастность к ним.

В конце XX и начале XXI века мы наблюдаем повышенный интерес деятелей искусства и публики к тому, чтобы больше узнать об ушедших эпохах, открыть для себя забытых временем художников, музыкантов, композиторов, писателей. Наши слова подтверждает, например, существование таких явлений, как HIP[1] (аутентичное исполнительство, или аутентизм) и early music revival[2], суть которых заключается в исполнении музыкальных произведений прошлого с использованием инструментов соответствующего периода и условием как можно более точного воспроизведения интенции композитора. Стоит упомянуть, что движение за «возрождение старинной музыки» зародилось еще в XIX веке, а изменение отношения к музыке прошлого происходило в XVIII веке, одновременно с распространением философского принципа историзма [Шекалов, 2007]. Несмотря на это, рост интереса к старинной музыке в XX–XXI веках остается важным для понимания мироощущения современного человека, будь он автором, исполнителем, читателем или слушателем, и отчетливо коррелирует с принципами метамодерна.

Материалом для данного исследования послужило эссе Паскаля Киньяра «Спекулятивная риторика» (1995), однако для иллюстрации конкретных примеров использовался также роман «Тайная жизнь» (1998). Паскаль Киньяр (р. 1948) – современный французский писатель, эрудит, ученик таких известных представителей французской философии «новой волны», как Эммануил Левинас и Поль Рикер, знаток античной культуры и истории, человек, знающий латынь и древнегреческий, профессиональный музыкант, играющий на нескольких инструментах, музыкальный теоретик, знаток психоаналитической теории и последователь Лакана – уже благодаря своей жизненной и семейной истории стал тем, в чьих произведениях проявился метамодернистский дух времени еще до того, как Робин ван ден Аккер и Тимотеус Вермюлен дали определение метамодерну. Приведем некоторые из принципов, описанных Люком Тернером в Манифесте метамодерниста, и важных для анализа произведений и взглядов Паскаля Киньяра: естественность и необходимость колебаний, или осцилляции, между противоположностями; освобождение от идеологии модернизма и постмодернизма; обращение как к прошлому (ностальгия), так и к будущему; восприятие любой информации как основания «для знания, будь оно эмпирическим или афористичным, безотносительно его истинности»[3].

В духе нового объединения этики с эстетикой и возрождения ушедших эпох Киньяр часто обращается к периоду античности и барокко. О. Г. Петрова и Л. Е. Муравьева отмечают барочную рецепцию в работах Киньяра, причем проявляется она как на сюжетном уровне и в выборе персонажей, так и на композиционном уровне и в самой логике текста. [Петрова]. Отражению античной темы в творчестве Киньяра посвящена статья М. И. Никола, в которой автор отмечает, что при описании римской истории и культуры писатель обращается «к периодам кризиса, перелома, распада, конца» [Никола, 2013, с. 108]. В рамках данного исследования нас будет больше интересовать как раз диалог Киньяра с античными философской и антифилософской традициями.

Форма многих произведений этого французского писателя может навести читателей на мысли о постмодернизме – ведь в его «маленьких трактатах», эссе и даже романах так много фрагментарности и смешения жанров. Однако постараемся провести более детальный анализ его творчества, а также напомним, что сам Киньяр дистанцируется от многих привычных течений или жанровой

[1]Historically Informed Performance

[2]*Англ.* возрождение старинной музыки.

[3]Тернер Л. Манифест метамодерниста / пер. с англ. А. Гусева // Metamodern. 2011. URL: https://metamodernizm.ru/manifesto/

классификации своих произведений. Ирен Кристева находит в его работах след «эстетической дистанции», представляющей собой «расщелину между постмодернистским видением и барочной эстетикой детали»[1], а также след «поэтической дистанции», т. е. отступления от большого нарратива и его расщепление на фрагменты [Kristeva, 2017, с. 90].

Феномену спекулятивной риторики Паскаль Киньяр посвятил одноименное эссе, на первой же странице которого приводится его собственное определение этого понятия. Для Киньяра спекулятивная риторика – это антифилософская традиция грамматики, которой следовали на протяжении всей западной истории с момента изобретения философии. Датой начала теоретизации спекулятивной риторики автор считает 139 год, теоретиком – римского грамматика, риторика и адвоката Марка Корнелия Фронтона [Quignard, 1995]. Рассмотрев это явление более подробно, мы увидим, что традиция спекулятивной риторики во многих случаях довлеет над реализацией творческой интуиции Паскаля Киньяра.

СОФИСТИЧЕСКИЕ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ КОРНИ СПЕКУЛЯТИВНОЙ РИТОРИКИ

Классическая эллинистическая риторика заключает в себе пять элементов: инвенция, диспозиция, словесное выражение, запоминание и преподнесение. И если два последних пункта относятся к устным выступлениям, то остальные три необходимы при сочинении любого трактата. И, если мы обратимся к произведениям Паскаля Киньяра, написанным в жанре «маленького трактата», мы сможем найти эти три элемента эллинистической риторики [Kristeva, 2008].

Традиционная риторика осуществляет синтез этоса (характера), пафоса (эмоционального воздействия) и логоса (разума) – трех регистров убеждения по Аристотелю. Спекулятивная риторика, как ее понимает Киньяр, имеет антифилософскую тенденцию, находится «на полях» или «на обочине» философии:

> Nous n'avons pas besoin d'aller nous adresser à l'Orient, au taoïsme chinois, au bouddhisme zen pour penser à plus de profondeur ou pour nous défaire des apories de la métaphysique des Grecs puis de la théologie des chrétiens, enfin du nihilisme des Modernes : une tradition constante, oubliée, marginale parce que intrépide, persécutée parce que récalcitrante, nous porte dans notre propre tradition, venant du fond des âges, précédant la métaphysique, la récusant une fois qu'elle se fut constituée (*P. Quignard, 1995*). – Нам нет нужды обращаться к Востоку, китайскому таоизму, дзен-буддизму, чтобы углубить наше мышление или чтобы отделаться от апорий метафизики греков, затем от теологии христиан, и, наконец, от нигилизма модернистов: традиция – постоянная, забытая, маргинальная (поскольку бесстрашная), преследуемая (поскольку несговорчивая), несет нас в нашей собственной традиции, идущей из глубины веков, предшествующей метафизике, и отвергающей ее, с момента ее формирования.

Ирен Кристева утверждает, что в трактатах и эссе Киньяра спекулятивная риторика как антифилософская тенденция отсылает нас к наследию софистов или, скорее, к «эффекту софистики», описанному в работе Барбары Кассен. Возьмем на себя смелость утверждать, что, по сравнению с классической эллинистической риторикой, наследие софистов не так хорошо изучено, и тому есть несколько причин. Наиболее яркие представители старшей группы софистов (Протагор, Горгий, Продик, Гиппий) жили в V веке до н. э., и даже просто хорошо сохранившихся корпусов текстов софистов очень мало, еще меньше текстов было переведено на современные европейские языки. Но есть еще и «статусные» причины, ведь еще Аристотель старался не просто «низвести софистику до вредоносной тени, отбрасываемой философией: он разрабатывает настоящую стратегию исключения» [Кассен, 2000, с. 9]. Из анализа Барбары Кассен мы понимаем, что философия по разным причинам хотела сделать софистику как можно менее значимой и слышимой в исторической перспективе. Приведем несколько определений софистики (от *греч.* sophia – знание, мудрость) прежде, чем продолжить обсуждение этого вопроса:

- «рассуждения (вывод, доказательство), основанное на преднамеренном нарушении законов и принципов формальной логики, на употреблении ложных доводов и аргументов, выдаваемых за правильные»;
- «способ рассуждения, целью которого является сознательное искажение истины, стремление выдать заблуждение за истинное знание с помощью приемов интеллектуального мошенничества, нарушающих правила формальной логики и принципы диалектики»;
- «применение в спорах или доказательствах ложных доводов – софизмов, замаскированных внешней формальной правильностью. К основным приемам С. относятся вырывание представлений об отдельных сторонах объекта из их связи с другими, подмена действительных связей вымышленными, передергивание

[1]Зд. и далее перевод наш, если не указано другое. – *В.Ф.*

фактов, искажение смысла понятий, подмена главного второстепенным и т. п.»[1]

Одним из основных понятий, вокруг которых строится определение софистики, является отношение к истине (ее искажение, подмена, нарушение формальной логики и т. п.), что создает не самый лестный образ данного течения. Но традиционный образ софистики, отраженный в диалогах Платона, еще более критичен. Софистика разоблачается по всем направлениям – онтологическому, логическому, этическому, педагогическому и политическому, из-за напыщенности и пустой энциклопедичности стиля софиста критика касается даже области литературного выражения. Философию выводит из себя дерзость софистики, ее чрезмерные вопросы, пересечение границ. Из всего этого Б. Кассен делает вывод о том, что «софистика есть не что иное как оператор определения границ философии» [Кассен, 2000, с. 8].

Ирен Кристева говорит о том, что Киньяр перенимает у софистов понимание истины. Его тексты и наблюдения указывают на то, что истину можно найти не в фактах, но в способе выражения и в поиске речи, языка, который был бы суггестивно эффективным. В отличие от Сократа, софисты, в частности, Ликофрон и Горгий, обращались к риторике, пытаясь дойти до границ ее возможностей [Kristeva, 2008]. Проведя анализ убеждений и произведений софистов, Барбара Кассен утверждает, что для них именно «понятия важности, необходимости, интереса обладают в тысячу раз большей детерминирующей силой, чем понятие истины. Вовсе не потому, что они подменяют его, но потому, что служат мерой истинности» того, что говорится [Кассен, 2000, с. 15]. Однако сходства между Киньяром и софистами на этом и заканчиваются, так как он не перенимает их высокого утонченного стиля [Kristeva, 2008].

Помимо примата истины критики софистики придавали большое значение тому, чтобы подчинить значение этике, а не концентрироваться лишь на эстетическом построении значения «как эффекта значения, практикуемого софистикой» [Кассен, 2000, с. 12]. На это же указывает и Франк Коллин в статье о спекулятивной риторике Виргилия, Горация и Овидия по Паскалю Киньяру, отмечая, что писатель сравнивает риторов эпохи Цицерона, выступавших перед собраниями и вынужденных подчиняться социальному этосу, с риторами эпохи Августа, у которых была свобода, дававшая им возможность исследовать невообразимые романизированные ситуации.

Для Киньяра важно, что художественный вымысел через сочинение конкретных историй создает более «истинный» феноменологический объект, который быстрее могут воспринять органы чувств. Такая эстетика лежит в самом сердце литературной мысли Киньяра и позволяет ему сблизить инвенцию риторики с креативностью сказки или романа [Collin, 2021].

Паскаль Киньяр заимствует у софистов отношение к истине, и предостерегает читателей: «Не будем забывать, что я не говорю здесь ничего, в чем можно быть абсолютно уверенным. Я позволяю языку, в котором родился, представлять свои реликвии, и они смешиваются с прочитанным и сновидениями» [цит. по: Rabaté, 2008, с. 156]). Доминик Рабате считает, что утверждения Киньяра представляют собой противоположность классического афоризма: тогда как цель афоризма – выразить неоспоримую истину, при этом, возможно, используя парадокс, цель киньяровского высказывания в том, чтобы передать намного более сингулярную истину, на грани с гапаксом, что-то, что невозможно воспроизвести [Rabaté, 2008].

Однако Киньяр не перенимает у софистов возвышенного, направленного на убеждение стиля, проповедуя лингвистическую сдержанность и следуя в этом скорее за такими философами, как Карло Микельштедтер, осуждающими риторическую традицию за использование уловок и жаждущими переориентирования языка на первостепенные вещи [Kristeva, 2008].

При этом можно говорить о том, что в спекулятивной риторике Паскаля Киньяра присутствуют элементы эллинистической философии, а именно: стоицизма и эпикурейства. В частности, данный вывод сделан на основании того, что Марк Корнелий Фронтон и его воспитанник Марк Аврелий были последователями греческого стоицизма, а в эпикурействе Паскаля Киньяра особенно вдохновляло отношение к понятию «образ» или «искусство образов» [Kristeva, 2008, с. 25].

В. В. Бровкин отмечает, что в последнее время возрос интерес к философии эллинизма, долгое время остававшейся в тени более ранней классической философии [Бровкин, 2022]. Но для Киньяра, человека, знающего латынь и древнегреческий, наследие древних риторов и философов не было тайной за семью печатями. Подобное возрождение философского течения представляет собой еще один пример обращения современного человека, живущего в эпоху метамодерна, к прошлому в поисках истины, совета, решения.

ОБ ИНЫХ ИСТОЧНИКАХ ВДОХНОВЕНИЯ ПАСКАЛЯ КИНЬЯРА В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ СПЕКУЛЯТИВНОЙ РИТОРИКИ

Среди других источников, которыми вдохновлялся Паскаль Киньяр при разработке концепции спекулятивной риторики, Франк Коллин называет имеющее патичную (подчиняющуюся чувственному, восприимчивому) природу мышления римлян,

[1]https://terme.ru/termin/sofistika.html

которое французский писатель противопоставляет греческой метафизике и которое, по его мнению, и представляет риторика. Кроме прочего, Киньяр придерживается принципов атомизма Лукреция, а также ницшеанского деконструктивизма, это приводит писателя к убеждению в том, что не бывает «маленьких» сюжетов, что даже мельчайшие детали и контуры реальности способны что-то нам сообщить [Collin, 2021].

Доминик Рабате соглашается с тем, что Киньяр наследует не только у античных традиций, и утверждает, что творчество французского автора особенно приближается к творчеству французского философа, социолога, теоретика искусства и писателя Жоржа Батая. Причем Паскаль Киньяр сам называет его своим учителем и вдохновителем, и не единожды. Например, в романе «Тайная жизнь» он пишет:

> Меня совершенно восхитило то, что попытались совершить Монтень, Руссо, Стендаль, Батай. Они смешивали размышления, жизнь, вымысел, знание, как если бы речь шла о едином организме.
>
> Пять пальцев одной руки ухватывают нечто (*П. Киньяр. Тайная жизнь. Пер. Е. Бабаевской, М. Брусовани*).

О творчестве всех четырех упомянутых здесь авторов можно сказать, что его трудно классифицировать, отнести к какой-то конкретной категории. Их труды принимают форму эссе, трактатов, речей, философских размышлений, но также и романа, художественной литературы. Паскаля Киньяра восхищает идея органического единства письма, к которому он тоже стремится. Это свобода мышления, уходящего с протоптанных дорожек и изобретающего свой ритм и фразы, свой вокабуляр и объекты [Rabaté, 2008].

В «Спекулятивной риторике», в трактате «Gradus», Киньяр раскрывает еще несколько источников своего вдохновения:

> Mes maîtres sont :
>
> Pour les motifs : L'Odyssée, Les Métamorphoses, L'Ane d'or, Les Mille et Une Nuits, les Sagas d'Islande, Chrétien de Troyes, tout Saikaku, Le Rêve dans le pavillon rouge, tout Stendhal, Les Hauts de Hurlevent.
>
> Pour l'implication : Gilgamesh et Enkidou, la Bible, Tchouang-tseu, Lucrèce, Virgile, Tacite, Sei Shônagon, Montaigne, Saint-Evremond, Tallemant, Nicole, Saint-Simon, Chateaubriand.
>
> Pour le ton : César, Albucius, Paul, Tacite de nouveau, La Rochefoucauld, Massillon, tout Pou Song-ling, Rousseau, Chateaubriand de nouveau, Mme de Boigne, Hello, Colette, Bataille (*Quignard*).

Мои учителя:

В области мотива: «Одиссея», «Метаморфозы», «Золотой осел», «Тысяча и одна ночь», «Саги Исландии», Кретьен де Труа, весь Сайкаку, «Сон в красном тереме», весь Стендаль, «Грозовой перевал».

В области импликации: «Гильгамеш и Энкиду», Библия, Чжуан-цзы, Лукреций, Вергилий, Тацит, Сэй-Сёнагон, Монтень, Сент-Эвремон, Таллеман, Николь, Сен-Симон, Шатобриан.

В области тона: Цезарь, Альбуций, Павел, снова Тацит, Ларошфуко, Масийон, весь Пу Сунлин, Руссо, снова Шатобриан, госпожа де Буань, Элло, Колетт, Батай

Очевидно, что для более подробного анализа влияния каждого из вышеперечисленных авторов и произведений на творчество Паскаля Киньяра необходимо провести не одно исследование, и на данный момент это выходит за рамки охвата нашей статьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Решение реактуализировать риторов и поэтов древности – не чистая фантазия. Риторическая мысль ставит письмо (и литературу) в центр мировосприятия, откуда ее ранее вытеснила техника. Дух метаморфозы служит тому, чтобы вернуть человечеству ощущение бесконечности и способности выжить.

Спекулятивный проект Киньяра направлен на отражение архаичного. Он противопоставляет себя философии в попытке вернуть мир к истокам через образ. Писатель рассматривает всё в свете метаморфозы – первосцену рассматривает как животную метаморфозу, страсть – как хищническую метаморфозу, чтение – как булимическую метаморфозу и т. д. При этом ценность данной фигуры вытекает не из внутреннего напряжения семантической дистанции, кажущейся непреодолимости между двумя отдаленными реальностями, но из стирания любой дистанции, идентификации с вещью. Метаморфоза представляет собой попытку превзойти ограничения рефлексии, заполнить зияния, вернуться к истокам бесформенных, чрезмерных, оргиастических объектов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шекалов В. А. Возрождение старинной музыки и клавесина в XIX веке // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. № 34. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozrozhdenie-starinnoy-muzyki-i-klavesina-v-xix-veke (дата обращения: 22.02.2024).

2. Петрова О. Г. Курс культурология. Барокко. // Общественно-политический журнал «Историк». URL: https://historicus.ru/iskusstvo_barokko.
3. Никола М. И. Античность в романах Паскаля Киньяра // Вестник ННГУ. 2013. №4–2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antichnost-v-romanah-paskalya-kinyara (дата обращения: 22.02.2024).
4. Kristeva I. La rhétorique à rebours de Pascal Quignard // Rhetor: Journal of the Canadian Society for the Study of Rhetoric. 2017. Vol. 7. URL: http://rhetcanada.org/wp-content/uploads/2018/09/Rhetor-7-4-Feb-13-Kristeva.pdf
5. Kristeva I. La fascination du fragmentaire. Paris : L'Harmattan. 2008.
6. Kristeva, I. Les traces de l'expérience limite dans les traités de Pascal Quignard In: Leçon d'économie générale : l'expérience-limite chez Bataille-Blanchot-Klossowski. Nanterre : Presses universitaires de Paris Nanterre, 2019. URL: http://books.openedition.org/pupo/21582. ISBN : 978-2-84016-419-7. DOI : https://doi.org/10.4000/books.pupo.21582.
7. Кассен Б. Эффект софистики / Пер. с фр. А. А. Россиуса. СПб.: Культурная инициатива: Московский философский фонд: Университетская книга, 2000.
8. Collin F. Rhétorique spéculative de Virgile, Horace et Ovide selon Pascal Quignard. Lectures rhétoriques des poètes augustéens. 2021. URL: https://shs.hal.science/halshs-03168748/document
9. Бровкин В. В. Философия эллинизма в современной интеллектуальной культуре // Сибирский философский журнал. 2022. Вып. 20(2). С. 155–166.
10. Rabaté D. Pascal Quignard. Etude de l'œuvre. Paris : Editions Bordas / SEJER, 2008.

REFERENCES

1. Shekalov, W. A. (2007) Revival of Ancient Music and Harpsichord in the XIX Century. Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, 34. https://cyberleninka.ru/article/n/vozrozhdenie-starinnoy-muzyki-i-klavesina-v-xix-veke (In Russ.)
2. Petrova, O. G. Kurs kul'turologiya. Barokko = Cultural course. Baroque. https://historicus.ru/iskusstvo_barokko. (In Russ.)
3. Nikola, M. (2013) Antiquity in Pascal Quignard's Novels. Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, 4(2), 107–111. (In Russ.)
4. Kristeva, I. (2017). La rhétorique à rebours de Pascal Quignard // Rhetor: Journal of the Canadian Society for the Study of Rhetoric, 7. http://rhetcanada.org/wp-content/uploads/2018/09/Rhetor-7-4-Feb-13-Kristeva.pdf
5. Kristeva, I. (2008). La fascination du fragmentaire. Paris : L'Harmattan.
6. Kristeva, I. (2019). Les traces de l'expérience limite dans les traités de Pascal Quignard. In: Leçon d'économie générale : l'expérience-limite chez Bataille-Blanchot-Klossowski. Nanterre : Presses universitaires de Paris Nanterre. http://books.openedition.org/pupo/21582. ISBN : 978-2-84016-419-7. https://doi.org/10.4000/books.pupo.21582.
7. Cassin, B. (2000). The Effects of Sophistry, transl. from French by A. A. Rossius. St Petersburg: Kul'turnaya initsiativa: Moskovskii filosofskii fond: Universitetskaya kniga. (In Russ.)
8. Collin, F. (2021). Rhétorique spéculative de Virgile, Horace et Ovide selon Pascal Quignard. Lectures rhétoriques des poètes augustéens. https://shs.hal.science/halshs-03168748/document.
9. Brovkin, V. V. (2022). Hellenistic Philosophy in Contemporary Intellectual Culture. Siberian Journal of Philosophy, 20 (2), 155–166. https://doi.org/10.25205/2541-7517-2022-20-2-155-166. (In Russ.)
10. Rabaté, D. (2008). Pascal Quignard. Etude de l'œuvre. Paris: Editions Bordas / SEJER.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фролова Виктория Владимировна

аспирант кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета
старший преподаватель кафедры перевода французского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
ORCID: 0000-0002-0761-7981

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Frolova Victoria Vladimirovna

Postgraduate student at the Department of Domestic and Foreign Literature, Faculty of Translation and Interpreting
Senior Lecturer at the Department of Translation and Interpreting of the French Language, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University
ORCID: 0000-0002-0761-7981

Статья поступила в редакцию	12.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 008

Концепт «креативность»: теоретическая модель и актуальные смыслы в современной культуре

А. О. Гетманенко

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ana2170@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена концепту «креативность», который рассматривается как способность человека нестандартно мыслить, как ресурс инновационного развития и качественного преобразования социокультурной сферы. При этом подчеркивается значимость ценностных, нравственных, этических норм в понимании креативности. Особое внимание уделяется смысловому разделению терминов «творчество» и «креативность». На основе теории концепта Ю. С. Степанова автор выстраивает теоретическую модель концепта «креативность».

Ключевые слова: креативность, творчество, креативный ресурс, социокультурная среда, концепт

Для цитирования: Гетманенко А. О. Концепт «креативность»: теоретическая модель и актуальные смыслы в современной культуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 155–160.

Original article

The Concept of “Creativity”: Theoretical Model and Current Meanings in Modern Culture

Anastasiya O. Getmanenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ana2170@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the consideration of the concept of “creativity”. Creativity is considered as a person’s ability to think outside the box, as a resource for innovative development and qualitative transformation of the sociocultural sphere. At the same time, the importance of value, moral, and ethical norms in understanding creativity is emphasized. Particular attention is paid to the semantic separation of the terms “creativity” and “creativity”. Based on the theory of the concept by Yu. S. Stepanov, the author builds a theoretical model of the concept “creativity” as a layered formation.

Keywords: creativity, creation, creative resource, sociocultural environment, concept

For citation: Getmanenko, A. O. (2024). The concept of “creativity”: theoretical model and current meanings in modern culture**.** Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 155–160. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Одним из ключевых приоритетов социально-экономического развития России на современном этапе является создание условий, способствующих актуализации человеческого потенциала, содержащего в себе интенции к созданию новых решений в различных сферах. В рамках данного исследования понятия «человеческий потенциал» и «человеческий капитал» используются как синонимичные. Р. Флорида указывал на то, что именно креативный потенциал является ключевым фактором, стимулирующим развитие общества и обусловливающим экономический рост [Florida, 2005]. Как отмечают А. В. Кирьякова и В. В. Мороз, «в условиях сложного и стремительно меняющегося мира возрастает потребность в новых креативных подходах во всех сферах жизнедеятельности человека, начиная от корпоративного стратегического планирования и заканчивая рутинными ежедневными видами деятельности» [Кирьякова, Мороз, 2015, с. 60].

Человеческий потенциал в контексте социологии и экономики рассматривается как совокупность знаний и личностных характеристик, которые могут выступить в качестве производственного ресурса. С точки зрения социологии человеческая личность является самоценностью, стремящейся к реализации своих способностей и свободно распоряжающейся ими [Пак, 2018].

Механизмами реализации данного приоритета в России являются программы поддержки предпринимательства, увеличения инвестиций в сферу науки, поддержки молодежных инициатив. В контексте государственной культурной политики человеческий потенциал актуализируются в сфере художественной культуры и социокультурного проектирования.

Одним из ключевых элементов человеческого капитала выступает креативность как способность к выработке новых, нестандартных решений, а также специфическое свойство личности, предусматривающее в качестве базовой установки «открытость новому».

Необходимость развития креативного мышления находит отражение в трансформации содержательной части образования на всех ступенях, что выражается в увеличении количества практико-ориентированных занятий, внедрении методов «кейс-стади», применении проектных технологий.

Обозначенные выше тенденции позволяют сделать вывод о формировании социокультурной среды нового – креативного – типа, основным актором которой становится «человек творящий». Это, в свою очередь, обусловливает необходимость осмысления концепта «креативность», формирующих его смыслов в контексте социально-гуманитарного знания.

О ЗНАЧЕНИИ КРЕАТИВНОСТИ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В социально-гуманитарном знании концепт «креативность» изучается в контексте психологического, педагогического, социологического и экономического дискурса. Интенсификация исследований относится к середине XX века – периоду, связанному с рядом преобразований в социально-экономической сфере, переходом к постиндустриальному обществу.

Первые попытки осмысления креативности как феномена, характеризующего особый тип нелинейного мышления, были осуществлены психологами. Традиционно родоначальником исследований креативности называют американского психолога Дж. Гилфорда, выделившего в структуре интеллекта два типа мышления: конвергентное (линейное) и дивергентное (нестандартное, характеризующееся оригинальностью и большим количеством вырабатываемых решений). Автором термина «креативность» является Э. Торренс, определивший данный феномен как «чувствительность к задачам, дефициту и пробелам знаний, стремление к объединению разноплановой информации; креативность выявляет связанные с дисгармонией элементов проблемы, ищет их решения, выдвигает предположения и гипотезы о возможности решений; проверяет и опровергает эти гипотезы, видоизменяет их, перепроверяет их, окончательно обосновывает результат» [Torrance, 1984, с. 334].

В рамках психологического дискурса понятия «креативность» и «творчество» рассматриваются как синонимичные. Изучению проявлений и творчества посвящены исследования таких отечественных авторов, как Л. С. Выготский, Д. Б. Ушаков, Я. А. Пономарева, В. Н. Дружинин, Н. С. Лейтес, А. М. Матюшкин, А. А. Мелик-Пашаев, В. Д. Шадриков, Д. Б. Богоявленская, А. И. Савенков, В. С. Юркевич и др. В психологическом словаре творчество при этом определяется как «всякая практическая или теоретическая деятельность человека, в которой возникают новые (по крайней мере, для субъекта деятельности) результаты (знания, решения, материальные продукты)»[1]. Способность выработки новых решений базируется на основе анализа ситуации, синтеза ее разнообразных элементов, допущения возможности трансформации среды и моделирования возможных вариантов решения.

В современных психологических исследованиях креативности выделяются два основных подхода. В соответствии с первым креативность

[1]Большой психологический словарь. URL: https://gufo.me/dict/psychologie_dict/%D0%A2%D0%92%D0%9E%D0%A0%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%9E

представлена как внутриличностное свойство, актуализация которого обусловлена внутренними мотивациями и стремлением к актуализации. Второй подход – социокультурный – связывает реализацию креативного потенциала с внешними стимулами. По нашему мнению, в основе творчества лежит стремление к преобразованию социокультурной среды (в том числе – наполнению ее новыми смыслами посредством символического языка художественной культуры), возникающее на основе осознания индивидом наличия проблемного поля, вызываемого этим эмоционально-чувственного переживания и, как следствие, импульса к активному действию. Таким образом, в основе креативности как психологического феномена лежит, с одной стороны, чувствительность к средовым факторам (сюда же могут быть отнесены и сопереживания, сострадание, эмпатия, милосердие как проявление неравнодушия к жизни и положению других людей), с другой – свобода как возможность и условие создания нового решения выявленной проблемы.

Стремление к созданию среды, стимулирующей развитие креативности, находит отражение в решениях, осуществляемых в рамках современной российской системы образования. Так, дошкольное образование ориентировано на наиболее полное раскрытие способностей каждого ребенка; начальное общее, основное общее и среднее общее образование предусматривают необходимость формирования у ребенка функциональной грамотности, одним из элементов которой является креативное мышление; в системе среднего профессионального образования акцент делается на формировании компетенций, связанных со способностью принятия решений в нестандартных ситуациях, осуществления поиска необходимой информации; высшее образование ориентировано на формирование таких универсальных компетенций, как критическое мышление, проектная деятельности, самоорганизация и т. д. Очевидно, что креативность из способности, связанной с самовыражением отдельных индивидов, преобразуется в базовый навык, владение которым предопределяет не только личную успешность человека, но и является показателем развития у него адаптивных механизмов, обеспечивающих возможность деятельности в условиях быстро меняющейся среды. Это определяет возникновение новой тенденции в сфере образования: «развитие образования как метапространства культурной коммуникации, в котором культурные различия воспринимаются как ценность, а объединение и встреча людей, обладающих уникальной культурной индивидуальностью, становятся источниками креативности в образовании» [Андрюхина, 2019, с. 20]. Исследователями также отмечается, что для актуализации заложенного в детях потенциала единственным способом обучения, приближенным к достижению этих целей, является обучения через творчество [Гладких, 1995].

В самой социокультурной среде возникают новые вызовы: креативные идеи, направленые на решение возникающих проблем, и при том в обществе сама креативность рассматривается как элемент социализации и инкультурации. Инновационная среда обусловливает развитие «креативного человека», являющегося ее порождением и ресурсом одновременно. Как отмечает Л. М. Андрюхина, «парадоксальность XXI в. заключается в том, что современная культура ставит человека перед альтернативой не просто предмета творческих поисков, но перед выбором, касающимся фундаментальных основ его жизни: быть креативным или сойти со сцены» [Андрюхина, 2013, с. 4]. Свобода творчества, таким образом, становится ограниченной требованиями, которые предъявляет среда..

Креативные интенции ставятся в зависимое от социального и экономического запроса положение. При этом заложенная в основе творческого решения новизна определяется ограниченными временными рамками: креативные идеи, воплощенные в форме результата интеллектуальной деятельности или конкретного продукта, моментально встраиваются в повседневную и специализированную культуру. В результате «новое» очень быстро становится «обыденным». Это, в свою очередь, определяет требование к скорости обработки человеком информации, проведения критического проблемно-ситуационного анализа, выработке нового решения. И здесь риски выражаются в возможном увеличении множества решений, не имеющих единой концептуальной линии, а значит, не предусматривающих согласованности результатов, рассмотрения системных изменений. Разрозненность инновационных решений может рассматриваться как один из потенциальных факторов повышения атомизации общества, где каждый человек представляется исключительно как источник креативных ресурсов.

Укреплению значимости креативности на современном этапе развития России способствует активное внедрение кластеризации в социокультурную сферу. Особенно актуальным это становится в связи с развитием креативных индустрий. Кластер как особая социокультурная среда является стимулом развития креативности и пространством репрезентации творческих решений. Аккумулируя в себе ресурсы различных отраслей экономики, он создает пространство открытой свободной коммуникации субъектов, способствует выстраиванию новых связей, партнерских отношений, тем самым

определяя потенциал к возможности выработки творческих идей и решений на основе синтеза различных элементов культуры.

В свою очередь, креативный ресурс может быть рассмотрен с позиции объективной (креативность как инновационный потенциал общества), так и субъективной (креативность как условие включения в инновационные процессы и внутреннее стремление). Как отмечает Н. Б. Березанская, «управление инновационным развитием России невозможно без специальных мероприятий, возвращающим творчеству статус терминальной ценности, учета обоснованной типологии поведения личности как субъекта инновационной деятельности» [Березанская, 2011, с. 101]. Однако, по нашему мнению, креативность не является терминальной ценностью. Для обоснования данного тезиса обратимся к рассмотрению феномена креативности в контексте философско-культурологического дискурса.

СПЕЦИФИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ КРЕАТИВНОСТИ В ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Переходя к рассмотрению креативности с позиции философского и культурологического дискурса, отметим, что в русле философии на протяжении многих веков осмысление выстраивалось вокруг феномена творчества. Это связано с тем, что само понятие творчество зародилось в философской мысли значительно раньше, и было связано с актами Сотворения мира, вопросами теодицеи, позднее – антроподицеи, философско-мистическим и философско-психологическим направлением.

Отечественные философы традиционно рассматривают творчество как свободу, такова позиция: Г. С. Батищева, Н. А. Бердяева, В. Д. Губина, А. Ф. Лосева и др. В контексте такого философского подхода как инструментализм творчество рассматривается в качестве интенции, на основе которой выстраивается преобразующая деятельность человека (Дж. Дьюи, С. Хук, А. Чайлд, Дж. Шлезингер). Отмечается, что индивид в процессе творчества стремится «к расширению своего влияния на эмпирическую реальность путем ее анализа, выявления законов взаимодействия и создания новых вещей: механизмов, машин и т. п., – т. е. к изменению материального мира, созданию материальных ценностей» [Столетов, 2010, с. 6].

Осмысление свободы как основы творчества и креативности в современных реалиях обнаруживает конфликт, центром которого становится человек: свобода определяет право и возможность человека на включение в креативные практики или отказ от такового. Однако, как было обозначено выше, социокультурный контекст диктует обратное, позволяя говорить о росте угрозы дискриминации и социальной эксклюзии на основе отказа.

Под влиянием креативности происходит трансформация восприятия нового: человек становится открыт инновации как Иному, существование которого не только допустимо, но и приветствуется. Это обусловливает укрепление толерантности как ценности, которая определяет готовность человека к восприятию Иного, сопровождаемого его положительной эмоционально-чувственной окраской. Однако Иное тоже оценивается с позиции нескольких критериев:

1) достижение (субъективная оценка, основанная на соответствии креативного результата положенной в его основу идее);
2) полезность (объективная оценка в случае, если креативное решение соответствует социальному заказу, способствует разрешению социокультурных проблем и повышению качества жизни);
3) оригинальность, зачастую выражаемая в уникальности предлагаемого решения.

При этом любое креативное решение традиционно рассматривается как нестандартное, нешаблонное. И данное положение предопределяет то, что в самой креативной идее заложены ограничения: оригинальность может обеспечить соответствие критерию достижения в субъективном плане, но останется ограниченной с точки зрения полезности.

Кроме того, вопрос свободы творчества и креативности с неизбежностью порождает вывод о культуросообразности вырабатываемых решений. Очевидно, что отсутствие предзаданных этических, ценностных, нравственных ориентиров обусловливает то, что творчество не всегда является источником положительно-оцениваемого результата. История человечества хранит память об инновациях, разрушительных по своей природе, становящихся источников распространения конфликтов и розни. Здесь, соглашаясь с О. Н. Астафьевой, отметим, что свободное творчество, основанное на принципах самоорганизации, возможно только тогда, когда существуют определенные рамки, обозначенные, повторимся, нравственными, ценностными, эстетическими установками, общественным устройством, культурными традициями и нормами.

Основываясь на приведенных выше тезисах, мы предлагаем разграничить понятия «творчество» и «креативность» в контексте культурологии. Творчество – это ядро креативности, ценностной основой которого является свобода самовыражения. В контексте культуры творчество связано с созданием новых символов, наделением их смыслами. Креативность же, свою очередь, рассматривается нами как утилитарный элемент творчества,

результат которого с необходимостью должен отвечать требованиям культуросообразности и общественной полезности.

Важно также обратить внимание на субъект творчества и креативности. Творческая деятельности, по нашему мнению, свойственная только человеку, базируется на его эмоционально-чувственных переживаниях, возникает на основе оперирования целостными представлениями, характеризуется процессами вдохновения. Креативность, в свою очередь, является утилитарной интерпретацией творческой деятельности, результат которой соответствует рассмотренным выше критериям. Именно поэтому деятельности в сфере художественной культуры является творческой, тогда как иные культурные практики (в том числе социокультурное проектирование) – креативными.

В эпоху интенсивного инновационного развития, характеризующуюся возрастанием роли искусственного интеллекта и его внедрением в жизнь человека, источником креативных решений становится не только человек. Специально разработанные алгоритмы искусственного интеллекта, основывающиеся на обработке больших массивов информации, в разы превышающих мощность аналитических способностей человека, становятся источниками новых, нестандартных решений существующих запросов. Отличительной особенностью данных систем является их быстрая обучаемость, а значит, высокая производительность. По данным исследований искусственный интеллект по уровню креативности превышает возможности 99 % людей, а интенсивность развития технологий в данной сфере позволяет предположить, что в скором времени этот уровень станет недостижим для человека. При этом вырабатываемые искусственным интеллектом решения будут становиться всё более качественными, что обеспечит их полное соответствие требованиям, предъявляемым обществом.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА «КРЕАТИВНОСТЬ»

Проведенный выше анализ позволяет говорить о возможности построения теоретической модели концепта «креативность». В качестве базовой теории нами выбран подход Ю. С. Степанова, рассматривающего концепт как слоистое образование, в структуре которого выделяется ядро (основа, на которой держатся все остальные слои), пассивный слой (отражает историко-культурный контекст, доступен для некоторых социальных групп), актуальный слой (наиболее доступный для понимания всем, кто пользуется языком; инструмент общения) [Степанов, 2007].

По нашему мнению, ядром креативности является творчество. Само понимание базиса концепта «креативность» основывается на принципах свободы и толерантности (в данном случае подразумевается открытость Иному и новому). При этом в данном случае творчество выступает в качестве терминальной ценности, определяющей структуру и направленность деятельности человека.

Пассивный слой характеризуется индивидуальными интеллектуальными конструктами, чувственно-эмоциональными представлениями и переживаниями. Здесь смысл креативности выражается в актуализации внутренних интенций, характеризует сам процесс создания творческого решения и встраивания его в историко-культурный и социокультурный контекст на основе определенных ценностных, нравственных установок, культурных норм, традиций. В рамках данного слоя формируется и специфика понимания креативности в контексте определенной национальной культуры: если в западном обществе основой для создания нового решения становится отказ от традиций, а субъектом выступает отдельный индивид, то в современной России именно пласт традиционной культуры выступает в качестве материала, на основе которого выстраиваются креативные практики. Кроме того, подразумевается коллективный (командный) характер работы.

Создаваемые креативные решения должны быть направлены на решение социокультурных проблем. Их эффективность оценивается на основе качественных изменений социокультурной ситуации, что и формирует актуальный слой концепта «креативность». Кроме того, актуальный слой составляют различные формы креативных решений, совокупность концептуально выстроенных проектов, идей, решений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Достижение стратегических целей развития России на современном этапе в качестве ключевого ресурса рассматривает креативный потенциал общества. Креативность как феномен является предметом междисциплинарных исследований, в контексте которых акцентируются различные аспекты, однако отсутствует их концептуальное единство. Осмысление концепта «креативность» в русле культурологии позволяет выявить не только не внутренние конфликты, которые могут стать источником возникновения социокультурных проблем, но и сформировать целостное представление о феномене и его роли в современной культуре.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Florida R. The Flight of the Creative Class. The New Global Competition for Talent. Harper Business, Harper Collins, 2005.
2. Кирьякова А. В., Мороз В. В. Аксиология креативности в условиях современной парадигмы образования // Высшее образования сегодня. 2015. № 2. С. 6064.
3. Пак Л. Г. Развитие креативности обучающихся образовательной организации высшего образования // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 4. С. 311–323.4.
4. Torrance E. P. Some products of twenty-five years of creativity research. Educational perspectives. 1984. V. 22. № 3. P. 322–336.
5. Андрюхина Л. М. Креативность, креативный потенциал и креативные практики в образовании. Екатеринбург: Издательство Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2019.
6. Гладких З. И. Влияние микро- и макросреды на становление музыкально-творческого потенциала личности // Творчество и личность: тезисы докладов международного симпозиума 16-18 мая 1995 г. Курск, 1995. С. 72–74.
7. Андрюхина Л. М. Культурная топология креативности: возможности XXI века // Инновационные проекты и программы в образовании. 2013. № 1. С. 3–8.
8. Березанская Н. Б. Креативность в структуре инновационной деятельности личности // Инновации. 2011. № 1 (147). С. 99–101.
9. Столетов А. И. Сущность креативности и ее типы // Креативность в пространстве традиции и инновации. Третий Российский культурологический конгресс с международным участием. Санкт-Петербург: Эйдос, 2010. С. 6–7.
10. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. Москва: Языки славянских культур, 2007.

REFERENCES

1. Florida R. (2005). The Flight of the Creative Class. The New Global Competition for Talent. Harper Business, Harper Collins.
2. Kir'yakova A. V., Moroz V. V. (2015). Aksiologiya kreativnosti v usloviyah sovremennoj paradigmy obrazovaniya. = Axiology of creativity in the conditions of the modern paradigm of education. Higher education today, 2, 60–64. (In Russ.)
3. Pak L. G. (2018). Development of Creativity Of Students In Higher Educational Institutions. Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal, 4(28), 311–323. (In Russ.)
4. Torrance, E. P. (1984). Some products of twenty-five years of creativity research. Educational perspectives, 22(3), 322–336.
5. Andryuhina, L. M. (2019) Kreativnost', kreativnyj potencial i kreativnye praktiki v obrazovanii. Ekaterinburg = Creativity, creative potential and creative practices in education. Ekaterinburg. Publishing house RGPPU.
6. Gladkikh, Z. I. (1995). Vliyanie mikro- i makrosredy na stanovlenie muzykal'no-tvorcheskogo potenciala lichnost. = The influence of the micro- and macroenvironment on the formation of the musical and creative potential of the individual. In Tvorchestvo i lichnost' (pp. 72–74): tezisy dokladov mezhdunarodnogo simpoziuma. 1995, May 16–18. Kursk. (In Russ.)
7. Andryuhina, L. M. (2013). Kul'turnaya topologiya kreativnosti: vozmozhnosti XXI veka = Cultural topology of creativity: opportunities of the XXI century. Innovacionnye proekty i programmy v obrazovanii, 1, 3–8. (In Russ.)
8. Berezanskaya, N. B. (2011). Kreativnost' v strukture innovacionnoj deyatel'nosti lichnosti = Creativity in the structure of the individual's innovative activity. Innovacii, 1(147), 99–101. (In Russ.)
9. Stoletov A. I. (2010). Sushchnost' kreativnosti i ee tipy = The essence of creativity and its types. In Kreativnost' v prostranstve tradicii i innovacii (pp. 6–7): Tretij Rossijskij kul'turologicheskij kongress s mezhdunarodnym uchastiem. St. Petersburg: Jeĭdos. (In Russ.)
10. Steponov, U. S. (2007). Koncepty. Tonkaya plenka civilizacii. Moskva = Concepts. A thin film of civilization. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гетманенко Анастасия Олеговна

кандидат психологических наук
старший преподаватель кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Getmanenko Anastasiya Olegovna

PhD (Psychology)
Senior Lecturer at the Department of World Culture, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	09.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 75.01

Деформация и уродство фигур в художественных изображениях

Д. А. Севостьянов

Новосибирский государственный медицинский университет, Новосибирск, Россия
dmitry.sevostyanov1964@yandex.ru

***Аннотация*:** В статье рассматриваются причины появления в художественных изображениях уродливых, деформированных фигур. В исследовании применен междисциплинарный подход. В нем, помимо проблем искусствоведения и эстетики, затронуты вопросы психофизиологии изобразительного акта. Показаны пути и намеренного, и ненамеренного создания на картинах уродливых изображений как проявления высших и низших изобразительных моторик.

***Ключевые слова*:** изобразительное искусство, деформации, уродливые изображения, изобразительная моторика, высшие моторики, низшие моторики

***Для цитирования*:** Севостьянов Д. А. Деформация и уродство фигур в художественном изображении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 161–167.

Original article

Ugliness and Disfigurement of Figures in Artistic Pictures

Dmitry A. Sevostyanov

Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk, Russia
dmitry.sevostyanov1964@yandex.ru

Abstract. The article examines the causes of the appearance of ugly, deformed figures in artistic pictures. The study uses an interdisciplinary approach. In addition to the problems of art criticism and aesthetics, it touches upon the issues of the psychophysiology of the pictorial act. The ways of both intentional and unintentional creation of ugly images in paintings as manifestations of higher and lower pictorial motor skills are shown.

***Keywords*:** fine arts, deformations, ugly images, fine motor skills, higher motor skills, lower motor skills

***For citation*:** Sevostyanov, D. A. (2024). Ugliness and disfigurement of figures in artistic pictures. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 161–167. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Исследования в сфере изобразительного искусства неизбежно приводят нас к вопросу о том, каким образом и почему в нем появляются порой искаженные, деформированные, уродливые фигуры. В современном искусстве это отмечается особенно часто. Например, как пишет В. С. Глаголев, в нем «унижается, травмируется и искажается человеческое тело; искажается и душа человека (образ и подобие Бога), его устремленность к целостному восприятию мира» [Глаголев, 2009, с. 229]. Много говорится о том, что «художники не просто эстетизируют безобразное, но ставят его на более высокий пьедестал, который гораздо выше, чем пьедестал красоты» [Матюшова, 2013, с. 132].

Не только в современности, но и в искусстве прошлого можно найти немало подобных примеров. Х. Зедльмайер так описывает тенденции, проявлявшиеся столетие тому назад: «…Аспекты искаженного, измученного, сумрачно-подозрительного, непристойного, машинного, гнилостного и изуродованного – всё это проникает в различных дозировках как в экспрессионизм, так и в футуризм и сюрреализм. Теперь впервые под знаком античеловеческого и противоприродного оказывается не творчество отдельных художников, от которых можно было отмахнуться, как от чудаков, но «авангард» современного искусства. С 1885 года эти тенденции начинают свое распространение, после 1910 и особенно после 1920 года они побеждают» [Зедльмайер, 2008, с. 390–391].

Нередко встречаются попытки дать этому историко-культурное и психологическое объяснение. Так, например, А. Ю. Королева отмечает, что «женские образы искусства экспрессионизма с их порой намеренно уродливой деформацией пластического языка наглядным образом демонстрируют сложность духовных поисков немецкой нации накануне Первой мировой войны» [Королева, 2022, с. 455–456]. Пишут и про Ван Гога, что посредством изображения уродливых фигур он «вещает об уродстве существующего порядка вещей» [Демченко, 2020, с. 12]. Уродливые же изображения лиц на картинах Питера Брейгеля объясняются тем, что «это уродство представляет собой запечатленный художником отказ человека от лика как воплощения божественного замысла о нем» [Кекова, 2018, с. 8].

Природа таких искажений и деформаций составляет сложный, многоплановый, но притом вполне законный и чрезвычайно интересный предмет для изучения. Он включает в себя не только содержательный, но и формальный аспект. В отношении последнего весьма востребован междисциплинарный подход. Здесь приходится оперировать на стыке искусствоведения и эстетики, в плане рассмотрения идеи прекрасного и безобразного, а также психофизиологии изобразительного акта, без чего составить представление о природе уродств и деформаций в художественных изображениях не представляется возможным.

Говоря о художественных изображениях применительно к данному предмету, приходится объединить и рассматривать совместно произведения живописи и графики. Хотя эти виды искусства и обладают несколько разным инструментарием воздействия на зрителя, здесь следует вспомнить, что технически (и эстетически) в основе того и другого лежит рисунок, а уродливость и искажения главным образом затрагивают контур, абрис фигур, восходящий всё к тому же рисунку.

Итак, рассмотрим, каким образом и при каких условиях возникают подобные искажения и деформации, приводящие к появлению изображений, которые могут быть названы уродливыми или которые не заслуживают подобного наименования.

ЧТО ЕСТЬ УРОДСТВО?

Рассматривая затронутый здесь вопрос, уместнее всего ограничиться анализом изображения человеческих фигур. В самом деле, термины «уродство», «уродливый» касаются в основном изображения человека (изображения других живых существ мы не будем здесь затрагивать; в этом контексте они также могут рассматриваться, но они всё-таки составляют второстепенный предмет в изобразительном искусстве). Уродство предполагает наличие некой нормы, от которой в данном случае происходит отклонение; для некоторых же объектов такой очевидной нормы, по-видимому, нет. Не приходится говорить, например, про «уродливые скалы» на какой-либо картине (или в жизни), поскольку, как объект созерцания, скалы именно своим разнообразием форм (не сводимым к какой-либо «норме»), по-видимому, в основном и интересны. Нелепостью выглядят разговоры о том, что на картине может оказаться «уродливая река» или «уродливое море», хотя само изображение и того и другого и может оказаться, скажем, вызывающе неумелым.

В рассматриваемой здесь проблеме представлены два аспекта: во-первых, это наличие эстетических норм для самого человеческого тела, и, во-вторых, степень близости изображенного к изображаемому прототипу. Можно со всей возможной достоверностью изобразить действительного (или вымышленного) урода, а можно создать уродливое изображение, опираясь на нисколько не уродливый прототип.

«Норма» и «пропорциональность» в отношении такого изменчивого объекта, каким является человеческое тело, сами по себе достаточно относительны. Не каждый человек соответствует канонам, которые призваны отображать идеальное, совершенное человеческое тело. Однако и не всякое отклонение от подобного канона непременно должно восприниматься как уродство. Условные границы нормы весьма обширны. Существуют всевозможные конституциональные различия, присущие как представителям разных народов и рас, так и отдельным людям в рамках каждой этнической группы. С другой стороны, следует вспомнить правило, согласно которому, если говорить о живых существах, любой урод продолжает оставаться представителем своего биологического вида.

Есть, конечно, и крайности. Так, избыточная худоба, превращающая тело человека в живой скелет, безусловно, выходит за рамки всяких норм, так же как и, например, запредельная тучность. Возможны врожденные и приобретенные деформации человеческого тела, также не вписывающиеся в понятие нормы его строения, а по поводу воздействия различных заболеваний на облик изображенных в живописи субъектов проводятся целые исследования [Монахов, 2008]. При этом не все подобные отступления от ныне воспринимаемой нормы, представленные в произведениях искусства, непременно должны трактоваться в качестве уродства; достаточно вспомнить, например, чрезмерно аскетичные изображения Иисуса Христа на картинах Иеронима Босха. Этот художник весьма часто и охотно изображал уродливые фигуры и даже в известном смысле отдавал им предпочтение; однако фигуру Спасителя он уж точно не собирался зачислять в данную эстетическую категорию. Следует еще упомянуть невероятно массивную фигуру Кумской Сивиллы, изображенную великим Микеланджело Буонарроти на фреске Сикстинской капеллы; эта дама с поистине богатырской мужской мускулатурой также, очевидно, ее автором в качестве нарочито уродливой не рассматривалась. Известны и другие примеры, ставшие уже хрестоматийными: пышнотелые женщины на картинах Питера Пауля Рубенса, так же как и весьма корпулентные русские красавицы Бориса Кустодиева, тоже не слишком вписываются в современные каноны женской красоты. Все эти примеры, конечно, не могут быть отнесены к категории проявлений уродства, хотя и составляют, разумеется, значительное отклонение от ныне бытующего антропологического идеала.

Уродство представляет собой не просто отсутствие телесной красоты или недостаток ее, но и такое соотношение видимых черт, которое не может оставить равнодушным, вызывая реакцию отвращения. Иначе говоря, уродство выступает не как явление пассивное (нехватка чего-либо значимого, красоты в данном случае), но как вполне активное и самостоятельное.

Существует множество трактовок безобразного: здесь и бесформенность как аморфность, и асимметрия, и дисгармония; неправильность как понятие, и дефигурация как уродство [Рева, Цергой, 2018]. Эстетические представления о том, что может, а что не может считаться безобразным и уродливым, имеют собственную обширную историю. В современных публикациях можно найти целые антологии на данную тему [Погудина, 2019; Стругова, 2023]. Однако анализ этого вопроса составляет отдельное исследовательское направление, лишь косвенно связанное с рассматриваемой здесь темой.

ДЕФОРМАЦИИ ИЗОБРАЖЕННЫХ ФИГУР

Обратимся теперь к другой стороне создания изображений, а именно – к возможным отклонениям формы человеческих фигур, реализующимся непосредственно в изобразительном процессе. Эти отклонения не могут безоговорочно рассматриваться как некий брак в работе художника или как проявленная им небрежность. Степень этих отклонений позволяет проявлять выразительные свойства моторики художника, которые в противном случае были бы утрачены. Для того чтобы понять и оценить значимость таких отклонений, следует сделать некоторое отступление, которое, как уже говорилось ранее, обращено к психофизиологии изобразительного акта.

С этой точки зрения, любое произведение искусства (если речь идет о живописи или графике) представляет собой совокупность следов, оставленных в ходе определенной последовательности двигательных актов на изобразительной поверхности. Создание изображений (изобразительная деятельность человека), соответственно, в этом случае рассматривается как целенаправленное создание таких следов, с одной существенной оговоркой. Конечно, сам художник решает, какими следами собственных движений он должен удовлетвориться, чтобы считать данное изображение завершенным, и в этом состоит его осознанное решение; однако само создание этих следов далеко не всегда представляет результат контролируемого сознанием двигательного акта.

Мысль о том, что искажения в изображениях (в частности и прежде всего в изображениях человеческих тел) непременно носят характер осознанного действия, при котором полученное изображение всегда именно таково, каким оно замышлялось,

не декларируется, но повсеместно подразумевается, а иначе (как будто) и быть не может. В действительности же дело обстоит совершенно иначе.

Если рассматривать появление таких визуальных образов с позиций самого художника, то его субъективное представление, вероятно, будет таково, что появились эти образы хоть и с его непосредственным участием, однако помимо его собственной воли и его желания. Именно из такого ощущения возникало некогда распространенное представление о том, что данное произведение представляет собой результат некоторого деяния Всевышнего, в котором художник принимал участие лишь на правах пассивного орудия божественного проведения (или, выражаясь более современным языком, «он находится полностью во власти неподвластных ему иррациональных сил» [Матюшова, 2013, с. 132].

Все компоненты моторного акта художника, участвующие в создании художественного изображения, при максимально упрощенном подходе могут быть подразделены на высшие и низшие моторики. Высшие моторики осуществляются под неусыпным контролем зрения, а их результаты имеют безусловно осознанный характер; проявления низших моторик в изобразительном процессе такого контроля не предусматривают, и сознанием они непосредственно не контролируются [Бернштейн, 1990]. В работе художника результаты действия низших моторик могут быть лишь затем *санкционированы* сознанием (или, соответственно, отвергнуты и ликвидированы на готовом изображении).

Содержательное наполнение проявлений низших моторик состоит в непосредственном воздействии на эмоциональную сферу зрителя выразительных свойств протяженных изобразительных элементов (мазков, линий, контуров). Эти протяженные элементы представляют собой результаты определенных движений, и зритель, который и сам, конечно, совершает в своей жизни движения и осуществляет сенсорный контроль над ними, впитывает заключенный в них эмоциональный посыл, который не только бессловесен, но и не может быть в принципе выражен словами. Помимо этого, индивидуальная изобразительная моторика отображает в себе некоторые собственные свойства личности художника.

Следует оговориться: вышеупомянутыми выразительными свойствами обладает вовсе не всякая линия, не всякий протяженный изобразительный элемент. Будучи нанесен под строжайшим зрительным контролем, он таких свойств лишается, поскольку в нем уже не прослеживаются собственные проявления низших моторик.

Уместно привести аналогию: рукописный текст пишется тем или иным индивидуальным почерком. Этот почерк может послужить материалом для графологического исследования, которое покажет индивидуально-психологические особенности данного субъекта (оставим в стороне действительные результаты подобных исследований; констатируем лишь, что такие исследования возможны). Этот почерк будет также, так или иначе, оказывать некоторое эмоциональное воздействие на читателя. Но если текст написан сугубо каллиграфическим почерком, таким как в школьных прописях, то для чтения такой почерк, безусловно, весьма удобен, однако графологу с ним решительно нечего делать: полезной ему информации он содержать не будет. И эмоциональное воздействие такого почерка, очевидно, также будет равно нулю. Если же взять противоположную крайность, при которой почерк настолько далеко отстоит от каллиграфического, что попросту перестал быть читаемым, то и в этом случае получить через него какую-либо полезную информацию о личности пишущего, равно как и воспринять от него эмоцию, тоже уже невозможно. Здесь виден лишь графический сумбур – и не более того.

И в художественном изображении строгое следование некоторым идеализированным канонам напрочь исключает ту выразительность, которая, как и в почерке при письме, реализуется через непосредственное проявление свойств низших моторик художника. Но вот полная, если можно так выразиться, разнузданность низших моторик уничтожает всякое изобразительное начало, а вместе с тем лишает и сами эти низшие моторики какого-либо эмоционального эффекта, поскольку для достижения этого эффекта необходимо, чтобы изобразительность всё-таки была. Об уродстве изображенных фигур приходится, в частности, говорить тогда, когда низшие моторики совершенно выходят из-под контроля автора изображения, а вместе с этим теряется и целостность образа. Всё это наблюдается и в том случае, когда художник, уверовав, что ему, как «творцу», решительно всё позволено, проявляет в этом отношении самонадеянность и безответственность, выставляя на суд публики подобного рода произведения, поскольку это «модно».

Таким образом, проявления эмоционального воздействия низших моторик покупается лишь ценой ослабления контроля со стороны сознания за протяженными изобразительными элементами, а следовательно, и наличием определенных отклонений от «идеальных» форм, посредством некоторых видимых деформаций изображенного. Такие деформации охватывают всё изображение в его деталях и перестают восприниматься именно в качестве деформаций. Просто это – «такое изображение». Оно не безобразно и не уродливо, оно своеобразно.

«НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ» В ИЗОБРАЖЕНИИ

Уомберто Эко, основательно анализировавший тему уродливости в изображениях, приводит такую мысль: «…Если вся форма оказывается единообразно увеличена или уменьшена во всех своих частях – что демонстрируют персонажи Свифта, – ничего по-настоящему безобразного не рождается. Если же какая-либо часть выбивается из целого, отрицая нормальные соотношения, которые при этом сохраняются в прочих частях, возникает смещение и нарушение целого, что безобразно» [Эко, 2007, с. 154]. Однако речь в этом случае должна идти не только о равномерных изменениях геометрических размеров тел. Если весь подход к изображению настолько изменен, что, например, эмоционально окрашенные проявления низших моторик художника закономерно проявляются во всех частях изображаемой фигуры, можно видеть тот же результат: в изображении появляется своеобразная «новая нормальность», присущая именно этому художнику (и именно этому периоду его творчества). Даже и тогда, когда умышленно изображается некое заведомо уродливое и страшное существо, то и для него может создаваться своя «новая нормальность». «Объекты тератогенеза, – отмечает В. Н. Ткачёв, – также способны вызвать по меньшей мере впечатление сбалансированности частей, их таксономического соответствия, то есть, если речь идет об образе химеры, то все ее части – голова, крылья, хвост, когти – должны быть на понятных местах» [Ткачёв, 2023, с. 65]. А при изображении людей, а не чудовищ, это проявляется в полной мере.

Один из наиболее ярких примеров данного эффекта можно видеть в работах Амедео Модильяни. В них главное воздействие на зрителя оказывают как раз выразительные свойства линий. Совпадают ли абрисы фигур на картинах Модильяни с контурами фотографических изображений этих же людей, запечатленных на портретах? Нет, очевидно, не совпадают. Но являются ли эти портреты узнаваемыми, отображающими характерные черты изображенных там лиц? Да, являются. Выразительны ли они? Безусловно. Но если бы выразительной моторике было бы дано еще больше свободы, то, очевидно, узнаваемость этих портретов была бы утрачена, а вместе с этим утратила бы смысл и их выразительность.

Точно так же своеобразны (и весьма выразительны) человеческие фигуры на картинах «голубого» и «розового» периодов в творчестве Пабло Пикассо. Они отличаются и от принятого в обществе эстетического телесного идеала, и от фотографического воспроизведения человеческого тела, однако они соразмерны и по-своему гармоничны во всех своих частях. И даже чудовищные (по распространенному мнению) образы, порожденные этим автором в период его увлечения кубизмом, «внутри себя» чаще всего вполне соразмерны сами себе.

Явственные отклонения от «правильности» изображения человеческого тела можно наблюдать и в фигурах, явленных нам на картинах Марка Шагала. Да, в линиях, образующих абрис тела, и здесь наблюдаются явные отклонения, конкретное выражение которых деформируют абрис фигуры; но природа их такова, что эти вновь созданные фигуры просто начинают жить собственной жизнью; в рамках их собственной природы они вполне «правильны».

Необходимо еще одно уточнение: диспропорции изображенных тел могут проявиться при создании карикатурного изображения. Так, многие карикатуристы, представляя, например, узнаваемые образы политических и общественных деятелей, изображают их фигуры с непомерно большими головами – именно для того, чтобы увеличить их узнаваемость, поскольку зритель, конечно же, помнит прежде всего лицо. Формально такая фигура может считаться уродливой, фактически же – нет, поскольку мир карикатурных героев, созданный художником, реализует и для них своего рода «новую нормальность»; в данной карикатуре (или в целом цикле карикатур) все персонажи изображаются именно так.

То же явление можно встретить и в других случаях. Например, на великолепных иллюстрациях Генриха Валька к книге «Незнайка на Луне» Николая Носова все сказочные персонажи тоже имеют диспропорционально большие головы. Вдобавок эти головы – практически шарообразные, за исключением Знайки, наделенного, напротив, чересчур вытянутой головой – на правах носителя «особенного ума». Но и это не делает их уродливыми, так как в отношении данных персонажей тоже действует «новая нормальность». Созданные с явным и нарочитым нарушением пропорций, фигуры эти – невероятно живые и выразительные, и уж, во всяком случае, они не вызывают чьей-либо спонтанной реакции отвращения. В то же время, если бы этот художник не стал создавать такую «новую нормальность», а ограничился созданием изображений с соблюдением всех привычных и традиционных пропорций, то уместно предположить, что такие изображения не вызывали бы иной реакции, кроме скуки. Таким образом, в изображении проявляется некоторая внутренняя логика, определяющая форму и соотношение его частей.

НАРУШЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ГАРМОНИИ

Об уродливости живописных изображений приходится говорить в том случае, когда внутренняя гармоничность изображения оказывается

нарушенной, если одни части изображаемой фигуры сочетаются с остальными, другие же – нет. В этом случае присущая фигуре внутренняя уравновешенность теряется.

Подобные неприятности происходили иной раз и с великими мастерами живописи. Например, вспомним написанный Диего Веласкесом портрет Гаспара де Гусмана, герцога Оливареса (1624). На портрете, выполненном в полный рост, голова этого вельможи так мала, что буквально теряется на фоне огромного, массивного туловища и всей его высокой фигуры. Примечательно, что конный портрет этого же персонажа, выполненный 12 лет спустя, никакого подобного впечатления не производит; голова там вполне соразмерна прочим частям тела.

Такого рода проблема возникла и тогда, когда стараниями французского архитектора Ле Корбюзье был создан «Модулор» – человекоподобная фигура, построенная по принципам «золотого сечения» и призванная служить образцом для выстраивания соразмерной человеку предметной среды. Однако абрис и пропорции этой фигуры, что называется, вызвали вопросы; вот как отозвался на ее появление известный архитектор и искусствовед Г. Б. Борисовский: «Малюсенькая головка, тонкая шея, несуразно огромная кисть руки, колоссальные предплечья. Удивительно! Положить в основу пропорциональной системы не прекрасное человеческое тело, как это пытались сделать Поликлет – знаменитый греческий скульптор, Леонардо да Винчи, Дюрер, Цейзинг и другие, а пропорции урода! Не менее удивительно то, что никто не заметил подобной несуразицы!» [Борисовский, с. 56]. Можно привести и другие примеры подобных, вероятно, ненамеренно созданных таковыми, но в действительности уродливых изображений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, следует различать уродливость изображения, определяющуюся свойствами реального (или вымышленного) персонажа, который здесь изображается, и уродливость как «эксцесс исполнителя», именно как результат изобразительной деятельности. В этом последнем случае проявленная уродливость не только не соответствует замыслу художника, а, по всей видимости, и противоречит ему. Однако возможен и другой вариант, когда художник осознанно создает конъюнктурные произведения, в которых видимая оригинальность и соответствие потребностям художественного рынка становится важнее наличия каких-либо художественных достоинств. В этом случае в таких произведениях действительно проявляется фактически ничем не ограниченная свобода создания эпатирующих, на самом деле уродливых изображений, как результат преобладания низших моторик над высшими. И тут становятся актуальными высказывания, приведенные во введении к этой статье.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Глаголев В. С. Западное искусство XX начала XXI века: последствия элиминации онтологии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. № 2. С. 223–233.
2. Матюшова М. П. От аристократического эстетизма к аристократическому безобразию // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2013. № 4. С. 126–137.
3. Зедльмайер Х. Утрата середины / Пер. с нем. С. С. Ванеяна. М.: Прогресс-традиция; Территория будущего, 2008.
4. Королева А. Ю. Между «вырождением» и «возрождением». Женские образы в живописи новой вещественности // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2022. № 12. С. 450–459.
5. Демченко А. И. Модерн I (начало XX века) – магистрали художественного творчества. Очерк второй // Манускрипт. 2020. № 7. С. 9–15.
6. Кекова С. В. П. Брейгель, П. Филонов, Н. Заболоцкий: к типологии творческого метода // Вестник Саратовской государственной консерватории. Вопросы искусствознания. 2018. № 2. С. 7–12.
7. Монахов С. А. Ревматические болезни сквозь призму изобразительного искусства // Научно-практическая ревматология. 2008. № 4. С. 94–95.
8. Рева Г. В., Цергой Т. А. Эстетизация безобразного в искусстве // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. № 1 (212). С. 213–219.
9. Погудина Т. В. Безобразное как предмет искусства // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 94–103.
10. Стругова Е. А. Эстетическая аналитика отвращения: историко-философский и содержательный аспект // Манускрипт. 2023. № 1. С. 38–44.
11. Бернштейн Н. А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990.
12. Эко У. История уродства. М.: Слово, 2007.
13. Ткачёв В. Н. Тератогенез в архитектуре // Academia. Архитектура и строительство. 2023. № 3. С. 64–72.

14. Борисовский Г. Б. Эстетика и стандарт. М.: Издательство стандартов, 1983.

REFERENCES

1. Glagolev, V. S. (2009). Western art of the XX-early XXI century: consequences of the elimination of ontology. Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy, 2, 223–233. (In Russ.)
2. Matyushova, M. P. (2013). From aristocratic aestheticism to aristocratic ugliness. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy, 4, 126–137. (In Russ.)
3. Sedlmayr, H. (2008). Utrata serediny = The loss of the middle. Translated from German by S. S. Vaneyan. Moscow: Progress-tradition. (In Russ.)
4. Koroleva, A. YU. (2022). Between "degeneration" and "rebirth". Female images in painting of new materiality // Actual problems of theory and history of art, 12, 450–459. (In Russ.)
5. Demchenko, A. I. (2020). Modern I (the beginning of the twentieth century) – the highways of artistic creativity. The second essay. Manuscript, 7, 9–15. (In Russ.)
6. Kekova, S. V. (2018). P. Brueghel, P. Filonov, N. Zabolotsky: on the typology of the creative method. Bulletin of the Saratov State Conservatory. Questions of art history, 2, 7–12. (In Russ.)
7. Monahov, S. A. (2008). Rheumatic diseases through the prism of fine art. Scientific and practical rheumatology, 4, 94–95. (In Russ.)
8. Reva, G. V., Cergoj T. A. (2018). Aestheticization of the ugly in art. Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History, 1(212), 213–219. (In Russ.)
9. Pogudina, T. V. (2019). Ugly as an object of art. Proceedings of Tula State University. Humanities, 1, 94–103. (In Russ.)
10. Strugova, E.A. (2023). Aesthetic analytics of disgust: a historical, philosophical and meaningful aspect. Manuscript, 1, 38–44. (In Russ.)
11. Bernshtejn, N. A. (1990). Fiziologiya dvizhenij i aktivnost' = Physiology of movements and activity. Moscow: Nauka. (In Russ.)
12. Eko, U. (2007). Istoriya urodstva = The history of ugliness. Moscow: Slovo. (In Russ.)
13. Tkachyov, V. N. (2023). Teratogenesis in architecture. Academia. Architecture and construction, 3, 64–72. (In Russ.)
14. Borisovskij, G. B. (1983). Estetika i standart = Aesthetics and standard. Moscow: Izdatel'stvo standartov. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Севостьянов Дмитрий Анатольевич

доктор философских наук, доцент
доцент кафедры педагогики и психологии
Новосибирского государственного медицинского университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sevostyanov Dmitry Anatolyevich

Doctor of Philosophy, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology
Novosibirsk State Medical University

Статья поступила в редакцию	23.02.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.03.2024	approved after reviewing
принята к публикации	09.04.2024	accepted for publication

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 5 (886)

Ответственный за выпуск
К. И. Таунзенд
доктор филологических наук, доцент

Редактор Н. Г. Павлова
Верстка: А. В. Алымов
Разработка макета: А. Алымов

Подписано в печать 28.07.2024
Усл. печ. л. 21,0.
Формат 60x90/8
Заказ № 48/24

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

Network electronic scientific publication

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 5 (886)

Executive editor of the issue
Ksenia I. Taunzend
Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Editor N. G. Pavlova
Layout: A. V. Alymov
Layout design: A. Alymov

Signed for print: 28.07.2024
Conventional printed sheets: 21,0
Layout format 60x90/8
Order 48/24

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© FSBEI HE MSLU, 2024

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.10.1. Теория и история культуры, искусства
5.12.3. Междисциплинарные исследования

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».